

АРНОЛЬД ЦВЕЙГ.

ГРИША
В
ЗАПАДНѢ

РОМАН.

«ОБЩЕДОСТУПНАЯ БИБЛИОТЕКА»
VIII

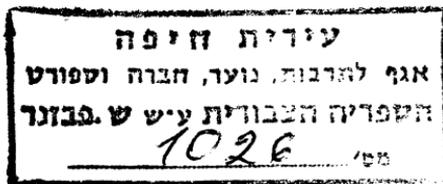

АРНОЛЬД ЦВЕЙГ

Гриша в западнѣ

Продолженіе и конец романа
„ТРАГЕДІЯ УНТЕРА ГРИШИ“

Книгоиздательство «Общедоступная библиотека»

Б. Ш е р е ш е в с к і й,
Рига, Маріинская ул. № 6

1 9 2 9

Типографія „Vārds“ Рига
Бл. Плавучая ул. № 24
Телефонъ 23409

OCR Давид Титиевский, август 2020 г., Хайфа

Глава 1

ПО ПРЯМОМУ ПРОВОДУ.

Десять часов вечера. В информационном отделе штаба кипит работа. В раскрытые окна смотрит усюянное безчисленными звѣздами августовское небо. Всю планету пронизывают вибраціи невидимых токов. Управлять одной из этих сил человек научился. Проволоки передают его слова: молніеносныя электрическія колебанія в эфирѣ дѣлают это почти мгновенно. Освобожденные от слов, они снова претворяются в слова и вмѣстѣ с послѣдними — в сознательную мысль.

На ушах сидящаго у аппарата ефрейтора Энгельса надѣты слуховыя трубки, похожія на наушники, которыя ему приходилось надѣвать зимой в Вогезах. Он прислушивается к каждому слову чужого разговора; нарушает ли он этим служебныя предписанія, пока трудно сказать. Рядом стоит, наклонившись к нему, ефрейтор Левенгард. У него от волненія трубка едва держится в зубах.

«Ну что?», говорит Левенгард, нервно затыкаясь. «Задал старик ему? Дал он тому полѣном пинка? Да скажи хоть слово!». Другой только нетерпѣливо машет рукой и продолжает слушать. То, что он слышит, повидимому, производит на него огромное впечатлѣніе. В комнатѣ царит напряженная тишина. Тишина эта так глубока, что трель соловья, заливавшася в кустах бузины, кажется оглушительной. А гдѣ-то совсѣм вдалекѣ слышится тихій шум автомобиля.

«Слушай, пріятель», обращается Энгельс к своему товарищу, закрывая рукой рупор аппарата,

«знаешь, что сейчас сказал старик этому солдафону? Он сказал: значит вы хотите, чорт возьми, сдѣлать меня убійцей».

«А вѣдь самому Шиффенцану он не посмѣет этого сказать!». «Ну, значит, ты плохо знаешь Лихова».

«Не понимаю, что за смысл лаять на этого Вильгельми: конечно, и Лихов должен соблюдать официальный путь, но вѣдь Вильгельми у Шиффенцана только мальчишка на побѣгущках».

Разговор прекращается: оба опять начинают прислушиваться. Оба телефониста изо всѣх сил стараются понять суть этого разговора о дѣлѣ Бьюшева. Ясно, что этот человек был приговорен за дѣло, которое он, как было точно доказано, не совершал. Теперь вмѣсто пересмотра дѣла они хотят его разстрѣлять. Лихов с этим не соглашается.

«Ясно, пріятель, что старик не пойдет на это». Однако Энгельс, несмотря на свои двадцать два года, был опытным солдатом. Он только безнадежно машет рукой, и послѣ нѣкоторой паузы проносит ту графаретную форму, редакція которой не позволяет низшему чину называть свое начальство просто на «вы» без упоминанія о чинѣ.

«Будут еще переговоры? Будут еще переговоры? Разъединяю». Он выдергивает штепсель, соединяющій телефон в рабочем кабинетѣ его превосходительства с кабинетом члена военнаго суда Вильгельми в Бѣлостокѣ. Расстояніе между обоими достаточно почтенное. Затѣм Энгельс зажигает папиросу и говорит:

«Конечно, подбить на это дѣло старика нельзя; по крайней мѣрѣ, он сам так думает. И все-таки, начиная с сегодняшняго дня, за жизнь Бьюшева я не дам и одной папиросы».

«Пріятель», говорит Левенгард, «вѣдь это настоящее убійство — он невиновен».

«Пріятель», отвѣчает Энгельс, «если тебѣ требуется проползти из своих окопов через проволочныя загражденія к французским траншеям и ты слышишь их разговор по полевому телефону, то, спрашивается, виновен ты или невиновен? И будет

ли это убійством, если дѣло кончится плохо? Поди ты со своим правом у пруссаков? Ни одной папиросы я не дам больше за всего Бьюшева, с головы до ног».

«Как так? Ты думаешь, что старик не будет отстаивать своего?»

«Чепуха», возражает Энгельс. «Конечно, он будет отстаивать. Но если Шиффенцан, дѣйствительно, взялся за это дѣло, то старик останется с носом. Парень будет жив, если этого захочет Альберт—и только тогда».

«А ты думаешь, что Шиффенцан против?»

«Ну, пріятель, это никто не может знать. Что Шиффенцан считает правильным и что нѣтъ, в этом ни один чорт не разберется. Возможно, конечно, что самому ему на это дѣло наплевать. А Вильгельми—тот просто зазнался. А если все это так, то об этом дѣлѣ ты вообще больше ничего не услышишь».

«Слушай-ка, пріятель! А вѣдь это очень похоже на правду».

«Впрочем, вся эта исторія может стать похожей на кость, за которую грызутся двѣ собаки. Тогда, я предсказываю тебѣ, что Альберт разъярится, как доберманпинчер».

«Бѣдный Бьюшев!»

«Это ты вѣрно сказал, потому что в этой грызнѣ за кость хуже всего придется самой кости».

«Может-быть, до того времени успѣют заключить мир», со вздохом вырывается у Левенгарда. Ему не по себѣ, что в его войсковой части, да и вообще в германской арміи, может имѣть мѣсто такое хладнокровное насиліе. Неудивительно, что Левенгарду не по себѣ: ему всего двадцать лѣтъ, и к тому же он изучал исторію искусств. «А что Бьюшев знает уже об этой «милости?», задумчиво спросил он.

«Должен тебѣ сказать, пріятель, что его зовут совѣм не Бьюшев, а Папроткин. Об этой исторіи я уже давно знаю».

«И ты мнѣ об этом ничего не сказал?»

«Я дал слово Бертину не говорить».

«Как же будет поражен Папроткин, или как его там, когда он узнает об этом!»

«Можешь спокойно называть его Бьюшевым: от этой фамилии ему уж не освободиться».

Сигналы на распределительной телефонной доскѣ приходят в дѣйствіе. Работа возобновляется. А пѣвшій за окном соловей смолк уже давным давно.

Г л а в а 2.

ЦѢЛЬ.

В противоположность другим поставщикам товаров, Бабка постепенно приобрѣла довѣріе у тюремных солдат. Спустя нѣкоторое время послѣ их знакомства, ей уже стали разрѣшать посѣщеніе не только жилых помѣщеній команды, но и караульной команды. Было замѣчено также, что она симпатизирует Гришѣ Бьюшеву, либо просто знакома с ним; установить это точно солдаты не могли, потому что оба и Гриша и Бабка—говорили на чужом языкѣ и притом скороговоркой. Во всяком случаѣ, Бабкѣ даже разрѣшали болтать с Гришей в его камерѣ, конечно при открытой двери. Вообще строгость дисциплины по отношенію к Бьюшеву ослабѣла с тѣх пор, как в тюремную команду проникли слухи, дошедшіе и до самого Гриши, что дѣла его скверны: Шиффенцан требует его голову.

Поздній час. На небѣ, словно огромныя вздрагивающія рѣсницы какого-то пугливаго божества мерцают и полыхают зарницы. Гриша сидит на корточках, охватив руками лоб: у него болит голова. Его лицо осунулось, под глазами черныя круги, голова разламывается от боли, во рту горько. Бабка сидит на опрокинутом ведрѣ, прислонившись к стѣнѣ, и, не отрываясь, смотрит на Гришу. Она хочет, чтобы он говорил, а он молчит. Высоко над ея головой маленькое окошечко камеры свѣтится,

как голубой бриллиант на черном бархатѣ. Ослѣпительныя вспышки молніи все учащаются.

Бабка говорит с Гришей, как с жеребенком, котораго обуздывают ласковым голосом. Вѣдь ничего и не произошло! Ну, хорошо — напоили они его, примѣшали в водку пещла или что-то в этом родѣ. Конечно, от этого пьянѣют скорѣе, чѣм даже от настояннаго мухомора. Пусть они что-то намазали ему на спинѣ и протащили его на бочкѣ. Все это пустое! Им должно быть стыдно, а не ему. «Да не сиди же ты так, словно помер от срама!»

Никакого отвѣта, — только вспыхнувшая зарница освѣтила всѣ голые углы камеры. Бабка начинает снова: «Ну пусть он держал рѣчь, пусть его даже стошнило; но с каких пор мужчины стали считаться с тѣм, что они дѣлают в пьяном видѣ, и никакого позора тут нѣтъ». Вдруг Бабкѣ пришла в голову мысль, что она скорѣе достигнет эффекта с помощью грубости. Она сжала кулаки, протянула их к нему и крикнула: «Гриша, как ты смѣешь! Заткнул себѣ глотку, как будто меня и нѣтъ здѣсь. Я и не подумаю этого терпѣть. Уйду и кончено!» И в надеждѣ, что на него подѣйствует воспоминаніе о старых хороших временах, она бросила ему прежнее грубое и ласковое слово: «болван-солдат».

Гриша дѣйствительно очнулся. Он слышал очень хорошо все, что она говорила, но был слишком потрясен всѣм, что дѣлается на свѣтѣ, для того чтобы говорить самому.

«И ступай, Бабка, лучше будет! Кто-то цѣлится в меня», прибавил он таинственно, указывая на окно, которое вновь освѣтилось ярким и бѣглым свѣтом. «Опасно со мной», голос Гриши был похож на слабый голос челоуѣка, пережившаго тяжелую болѣзнь.

Бабка, добившаяся, наконец, от него слова, почувствовала облегченіе: ея маневр удался вполнѣ.

«Новый приговор? Сколько лѣтъ тебѣ дали?» быстро спросила она. И тут Гриша почувствовал потребность искать утѣшенія у единственнаго вѣрнаго друга, который был у него на всем свѣтѣ.

Друг это не был похож на Марфу Ивановну. Марфа Ивановна была и далеко, да и умѣла только молиться на Гришу.

«В том-то и дѣло, что нѣтъ никакого новаго приговора. Приговор — старый, Бабка. Тѣ, в Бѣлостокѣ хотят, чтобы Бьюшев умер и хотят так же, чтобы Бьюшевым был я. Не вѣрят они в Папроткина, хоть ты что хочешь дѣлай! Они думают, что правдѣ также нужно вѣрить. А вѣдь это не так!»

На один момент Гриша раскаялся в том, что он это сказал, потому что Бабка разразилась громким смѣхом. Она словно забыла, что находится в тюрьмѣ, и, повидимому, чувствовала себя в своей собственной хижинѣ, среди глухого лѣса.

«Те, те!» запипѣл на нее Гриша, но Бабка все продолжала сотрясаться от насмѣшливаго хохота. Впрочем большой бѣды нѣтъ. В настоящую минуту тюрьма почти пуста. Караульные всѣ на дворѣ. Они пишут там на скамейках письма к себѣ на родину или читают. Окна всѣ раскрыты. Вѣдь внутри дома надо писать при свѣтѣ, а его экономя. Наконец, ея смѣх заражает Гришу и он сам начинает улыбаться.

«Конечно, это смѣшно. Вѣдь каждый знает, что я—Папроткин. Это ясно, как день. И Фрицке и Биркгольд дали показанія в мою пользу, и все-таки... Нѣтъ, тут что-то кроется».

Бабка только насмѣшливо кивает головой.

«Ну, тогда все хорошо», выговаривает она наконец, «теперь я опять спокойна. О-го, го, должно быть чорт показывает себя снова. Вот почему мнѣ было так тревожно и казалось, что весь мир перевернулся вверх дном, когда ты принес с собой в лѣс такую мирную жизнь. Можно было подумать, что дьявол с удобством обосновался там наверху, на тронѣ Бога. Хитро придумано. Оказывается, он тѣм временем разставлял еѣти, в которыя поймал тебя с моей же помощью. Ну, плюй на меня! Вырывай мои волосы! Хотя... нѣтъ не дѣлай этого, а то можешь повредить твоему маленькому».

«Тише, тише!» свысока и как-то покровительственно предостерег ее Гриша. «Не так громко.

Нѣтъ никакой надобности бѣситься здѣсь, как кошка в корзинкѣ. Если я буду мертвым завтра или послѣзавтра, это хорошо. Во всяком случаѣ лучше, чѣм ждать до понедѣльника. Мнѣ все надоѣло», закончил он безразличным тоном, но с откровенностью, которая испугала Бабку. «Так будет лучше». С этими словами он растянулся во всю длину на нарах, подложил под голову руки и стал смотрѣть в окно. «Можешь ты намочить в водѣ полотенце и положить мнѣ на голову», вяло проговорил он. «Если умрешь, то боли также не будет».

Бабка поспѣшила исполнить его желаніе. Она взяла полотенце, хоть оно было и не первой чистоты, намочила в холодной водѣ, выкрутила и, к великому облегченію Гриши, обмотала вокруг его головы. Затѣм, она придвинула свое ведро к его постели и стала увѣщевать, чтобы он не говорил так о смерти и о том, что он хочет умереть. Однако Гриша попросил ее дать ему спать, а если не спать—то, по крайней мѣрѣ, спокойно думать о вещах, которые его так поразили.

«Блестит», проговорил он каким-то странным, даже испугавшим Бабку жестом, поднимая палец к окну. «Там все время что-то молча сверкает. При этом так хорошо думать»...

«Теперь я вижу, что они подсыпали тебѣ яду. Ты не можешь даже сопротивляться и собрать свои силы».

Однако Гриша возразил ей: если она думает, что он на все поставил крест, то это совсѣм не так. Ни генерал, ни его помощники не утверждали, что с его дѣлом покончено. Напротив, здѣсь есть люди, которые ему вѣрили, и для них вполне ясно различіе между Бьюшевым и Папроткивым. «Эти люди стоят между мной и тѣм,—другим», продолжал Гриша. «А тот, кто здѣсь, он главнѣе. Все-таки», заключал он, «у меня самого в сердцѣ появилось что-то новое и оно больше, чѣм я думал».

Дикая ярость против всѣх властей внезапно заклокотала в Бабкѣ: они охотились на ее друга извнѣ, а ослабляли его изнутри. Дьяволы, подумала она, мерзкіе черви. Так они съѣдят его совсѣм.

как древесный червяк съѣдает балки. «Солдат», простонала она, «солдат, опомнись! Кто дѣйствует издали, тот всегда попадает вѣрнѣе. Вѣдь пуля сильнѣе дубины, а пушки страшнѣе ружья. А самое страшное, это самое далекое — молнія». Пусть генерал один, даже два раза потрудится ради этого человѣка: но если дѣло не пойдет, он бросит его. Нѣтъ, дѣйствовать надо только самим и дѣйствовать во всю».

«Гриша», произнесла она рѣшительным тоном, за которым слегка сквозил страх натолкнуться на отказ, «тебѣ нужно еще раз бѣжать».

Тот вмѣсто отвѣта только вздохнул; затѣм равнодушно промолвил: «Иди спать, Бабка».

Эти слова Бабка поняла очень хорошо. Упрек в них она почувствовала тѣм острѣе, что Гриша произнес свои слова едва слышно. Бабка страстно принялась убѣждать его снова. Он должен еще раз бѣжать. Без ея совѣтов, без ея злосчастных, червучур хитрых выдумок даже первый побѣг несомнѣнно удался бы. Он должен попытаться еще раз. Худшаго, чѣм то, что ему предстоит сейчас, не будет. А пуля во время бѣгства все-таки лучше, чѣм пуля, когда он приставлен к стѣнѣ. Если теперь он будет слушаться только самого себя, навѣрное все сойдет благополучно. Бѣжать отсюда, гдѣ-нибудь переждать, скрыться — одним словом, дѣлать все, что он считает за лучшее. Она будет помогать ему, хотя, конечно, только по его указаніям. Но она ручается, клянется, что он доберется до дома. Это также вѣрно, как то, что Гриша не лежал бы здѣсь, не послушайся он ея совѣта.

Лежа с закрытыми глазами Гриша отвѣтил только: — сейчас она должна уйти.

«Гриша!» умоляюще крикнула Бабка, но затѣм рѣшила — хорошо, она уйдет. Ему нужно получше выспаться. У порога камеры бабка остановилась и с нѣжностью и с болью посмотрѣла ему в лицо. В душѣ у нея возникали твердыя рѣшенія. Сейчас опять наступает время дѣйствовать. Она должна подготовить ему по крайней мѣрѣ начало побѣга. Эти господа подмѣшали ему в питье яду — так вот

теперь она приготовит для нѣмцев хорошую водку. Ядовитых трав и грибов растет за городом больше, чѣм нужно. Водка с настоем из них окажет прекрасное дѣйствіе, а время, нужное для приготовления, даст ей генерал. Она еще раз наклонилась над Гришей и прошептала: «Гриша, иногда мнѣ бывает худо. Это бывает у беременных женщин. От водки мнѣ станет легче. Тебѣ легко будет с помощью солдат достать ее в закускойной при казармах, а мнѣ почти невозможно».

Гриша зѣвнул и равнодушно спросил: «Водки? Хорошо. А теперь иди, Бабка! Сейчас будут закрывать ворота». И действительно, у Гриши было какое-то чувство времени, словно его организм сам собой участвовал в теченіи тюремной жизни. Непосредственно за его словами в дверях камеры появился ефрейтор Захт и сообщил Бабкѣ, что пора запираить. Он подбодрил Гришу словами, что его дѣло еще не ковчено и увел с собой Бабку. Дверь камеры заперлась на ключ.

Казалось, ни одна мысль не вылетала из головы Гриши с такой легкостью, как мысль о вторичном побѣгѣ. О Бабкѣ он также перестал сейчас думать и с наслажденіем лежал в полбой тишинѣ, прислушиваясь только к своим мыслям. Сглубоким облегченіем он вздохнул — послѣ всѣх этих дней так хорошо спокойно полежать одному! Гриша лежал с открытыми глазами и смотрѣл в окно. Блеск зарниц учащался. Гришѣ подумалось, что это, конечно, кто-то угрожает ему. Если бы он только знал, почему именно ему, самому обыкновенному солдату, ни хорошему, ни плохому. Но он не уступит. Если бы только знать, что дѣлать... Всѣ эти думы успокаивали Гришу. «Хорошо бы, — засыпая подумал он, — во время сна остаться под прикрытіем от того, что угрожает». Прикрытіем могли быть только нары, на которых он лежал. Сдѣлать над собой прикрытіе стоит, но дѣлать что-либо большее, бѣжать — от этого он отказывался даже в полуснѣ. Под нарами ему будет спать лучше, чѣм на них, тогда над головой будет хорошая защита. Но пока Гриша собирался свертывать

свою постель и раскладывать ее на полу под нарами, он заснул. Вытянувшись во весь рост, он храпѣл и видѣл во снѣ какого-то нѣмецкаго лейтенанта и генерала. Перед Гришей шел безконечный ряд нѣмецких солдат, а сам он шел за ними. Яркія вспышки молній, похожія на вздрагивающія рѣсницы какого-то грезящаго божества освѣщали блѣдное лицо спящаго и отбрасывали на его глазныя впадины острия тѣни.

* * *

Гроза прошла только к утру. Воздух был свѣж и чист. Рѣдко выдавались такіе ясные, прозрачные дни, как этот день 8 августа. Бертин встал рано утром и уже сидѣл у письменнаго стола за своими стихами. В эти утренніе часы, когда мысли еще свѣжи, а слова не успѣли превратиться в канцелярскую мертвечину, он писал свою комедию в стихах. Бертин устремлял все вниманіе на строгое настроеніе акта, но отвѣтственным себя за цѣлое не чувствовал, по крайней мѣрѣ не питал особенной надежды на полный успѣх. В началѣ десятаго в дверь постучали, и в комнату с портфелем подмышкой вошел солдат. Это был ефрейтор, служившій в бюро, свѣтлорусый, с прямым пробором и в очках. Он усѣлся, и, закурив предложенную Бертиным папиросу, заговорил о том, что начинало становиться злобой дня. Возможно, ему опять предстоит итти на фронт. Кажется, снова будет пересмотр штата служащих. Сам Бертин мог смотрѣть на это вполнѣ хладнокровно. Штаб, к которому он был причислен, уже считался дѣйствующей арміей, и даже специальный приказ не угрожал ему потерей мѣста. Иначе дѣло обстояло с этим ефрейтором Лангерманом, который попал в Мервинск из какой-то сельской комендатуры. Однако за этот успѣх ему приходилось дрожать, потому что его непосредственный начальник, фельдфебель, едва ли мог особенно отстаивать его незамѣнимость.

«Эх, камрад», озабоченно пробормотал он. «Ничего тут не подѣлаешь. Может быть вам понадобится человек. Нѣтъ, приятель, если мнѣ опять идти на фронт, то я уже лучше предпочту отрубить свой большой палец».

Бертин принял в нем живое участие и стал расспрашивать, что собственно привело его сюда в канцелярію. Лангерман задумчиво поднял голову, как человек, который только-что проснулся. «Да-а... я пришел за приговором».

Бертин сразу понял, в чем дѣло. С непритупившейся еще за день остротой взгляда и возможно с недопустимым для простого рядового остроуміем, он увидѣл тут штуки Шиффенцана, подославшаго сюда этого незначительнаго мужичка. А чувствовалась здѣсь невѣроятная злоба! Очевидно, не дожидаясь протеста со стороны дивизионнаго суда, кто-то уже увѣдомил комендатуру; и вот теперь перед Бертиным сидѣл ефрейтор Лангерман, чтобы без дальних разговоров подвинуть дѣло исполненія приговора. Конечно, сам Лангерман этого не знал и совершенно не был заинтересован в ту или другую сторону в дѣлѣ Гриши. Все это приходило Бертину в голову, пока он внимательно присматривался к ефрейтеру. Произойди это свиданіе вечером — и Бертин, навѣрное, растерялся бы, смутился, стал заикаться, говорил бы робко и плохо и совершенно излишне впутал бы сюда Познанскаго. Одним словом, все вышло бы тяжеловато, нудно и в ущерб дѣлу. Но в настоящій момент было утро, и Бертин сказал себѣ: «Какую глупость мы сдѣлали, что так поспѣшно приплѣли к этому дѣлу фон-Лихова! Теперь у нас не осталось в запасѣ ни одного козыря». Затѣм он начал хладнокровно дѣйствовать. Прежде всего Бертин установил, что сам ефрейтор Лангерман не знал ровно ничего. Ему нужен был только приговор — и баста. Бертин принял таинственный вид. Развѣ, камрад не слышал, что это дѣло еще далеко не кончено? А что в него лично вмѣшался его превосходительство, этого он также не знает? Между прочим, был разговор по телефону с Бѣлостоком.

Да, да, говорил никто другой, как его превосходительство. Может-быть у камрада есть враги в его канцелярии? Вѣдь если кто-нибудь с этим дѣлом приблизится к его превосходительству даже на разстояніе выстрѣла, тот может жестоко обжечься. Лангерман стал нервничать. Становится генералу поперек дороги не представляло для ефрейтора ничего соблазнительнаго, тѣм болѣе что он стоял перед перспективой потерять мѣсто. Когда Бертин предложил ему взять это щекотливое дѣло на себя (конечно, ненадолго, дня на два, на три), Лангерман облегченно вздохнул. Здѣсь, несомнѣнно, кроется ошибка, внушал ему Бертин и, поскольку знает он сам, этот приговор не будет приведен въ исполненіе. Лангерман может спокойно отправляться домой. В нужный момент дивизионный суд, минуя комендантуру, сам перешлет приговор и акт о приведеніи его въ исполненіе въ Бѣлосток. Итак выход найден. Если будут допытываться о причинѣ задержки документов, то только не слѣдует называть имен. С другой стороны, никто не может заподозрить камрада, что он не выполнил приказа своего начальника.

«Значит, я могу быть спокоен, камрад», сказал Лангерман, вставая, — «что дѣло будет въ порядкѣ?» Бертин успокоил его.

Оставшись один, Бертин снова обдумал свой поступок. Никому, ни фон-Лихову, ни Познанскому не пришло въ голову озаботиться приказом не отдавать дѣла Бьюшева, потому что никто не считал Шиффенцана способным на такой дьявольски безсердечный и поспѣшный выпад. В извѣстном смыслѣ Бертин взял свой послѣдній шаг на свою отвѣтственность. Однако послѣ короткаго размышленія он нашел, что его маневр вполнѣ удачен. Натиск Шиффенцана через того мужичка был временно парирован Бертином.

Тѣм не менѣе, Бертин продолжал безпокойно ходить по комнатѣ. Его стихи вдруг перестали ему нравиться: фигуру Цезаря въ его комедіи заслонил вдруг похожій на попугая профиль с отвисшими

щеками и глубокими складками — профиль Шиффенцана, как его рисовали на портретах.

Послѣ короткаго размышленія Бертин позволил по телефону Познанскому и сообщил об инцидентѣ. Познанскій в это время завтракал, только-что вернувшись с прогулки верхом. Крайне обезпкоенный, он воскликнул: «Да, это темп Шиффенцана». Поздравив Бертина с его дипломатическим искусством, Познанскій настойчиво просил его на время бросить свои стихи, а вмѣсто этого узнать: может ли обер-лейтенант Винфрид со своей стороны подтвердить, что его превосходительство остается на своей прежней позиціи.

Винфрид удивленно раскрыл глаза. Само собой понятно, что его превосходительство не отступит. Комендатура также не захочет попасть в смѣшное положеніе, а вопрос о разслѣдованіи все еще висит в воздухѣ. К тому же, еще кое-кто имѣет намѣреніе присоединить к этому дѣлу свой голос. Винфрид и Бертин сошлись на том, что тѣ, в Бѣлостокѣ, получают в свои руки приговор и акт о приведеніи его в исполненіе, только если произойдет какое-нибудь знаменіе или чудо. Полчаса спустя, Познанскій уже звонил в канцелярію комендатуры и вѣжливо разъяснил, что в дѣло вкралось какое-то недоразумѣніе, что даже седьмое отдѣленіе — и то может дѣлать ошибки и что дѣло Бьюшева еще далеко не готово для вынесенія постановленія. Если кто желает подтвержденія, тот может непосредственно обратиться к самому предсѣдателю суда, генералу фон Лихову, конечно чисто-официальным путем.

Ефрейтор Лангерман посвистывал от удовольствія, не подозревая, что для того чтобы оказать ему «услугу», весь судебный аппарат пришел в состояніе интенсивнѣйшаго движенія.

Тѣм временем в Берлинѣ и в главном штабѣ попытки папы прекратить войну приняла болѣе отчетливыя формы. До сих пор эти попытки указывали только на необходимость отдать Бельгію, не касаясь ни Эльзас-Лотарингіи, ни провинцій на востокѣ; онѣ ограничивались тѣм, что играли в

руку самой малочисленной, но могущественной партии в Германии, возглавляемой генералами, крупными промышленниками и профессорами.

В настоящий момент папский нунций был поддержан участием придворных (а может быть и самого кайзера); поэтому спасение Германии представлялось делом особенно серьезным и щекотливым. Естественно, что Шиффенцану, к политическому аппарату которого примыкал в качестве сотрудника Вильгельми, приходилось удерживать в полѣ своего зрѣнія куда болѣе важныя событія, чѣм вопрос, разсматривает ли дивизія фон-Лихова дело Бьюшева как неразрѣшенное или нѣт.

Кромѣ того, оперативный отдѣл в Брест-Литовскѣ уже обсуждал отправку дивизіи для завоеванія Курляндіи, Лифляндіи, Эстляндіи и чуть ли не половины свѣта. Германия крѣпко уцѣпилась зубами за восток. Туда подтягивались войска и перебрасывались цѣлыя части с успокоившагося западнаго фронта. Боевой флот со своей стороны должен был направиться к островам Эзель и Даго, для того чтобы жертвою сотен молодых жизней купить себѣ для «великой цѣли» эти маленькія бесполезныя кучки песку. Шиффенцан обѣщал преподнести нѣсколько удрученному прусскому королю герцогскую корону Курляндіи (а там рядом и Финляндіи). Этим Шиффенцан, кстати, надѣялся отвлечь кайзера от всякой пацифистской болтовни.

Что касается Гриши, то его персона приобрѣла повышенную цѣнность для комендатуры, на что указывало одно маленькое нововведеніе. Комендатура прикомандировала к нему адъютанта в лицѣ ефрейтора Германа Захта; послѣдній всюду, внѣ тюрьмы должен был сопровождать Гришу с заряженным ружьем, что лѣтом в 1917 году представляло собой довольно необычную форму исполненія служебныхъ обязанностей.

По этому поводу Познанскій говорил не раз и себѣ и Бертину: «Если бы я только знал, что держит Альберт у себя за пазухой! Он так демонически молчит». На это Бертин указывал ему, что уже по самому положенію дѣла среди всей дивизіи

только сумасшедшій счел бы себя способным на приведение в исполнение подобнаго приговора. Вся дивизія признала этот приговор пустым и безосновательным. Однако в отвѣтъ на это Познанскій начиналъ бормотать что-то непонятное, кусал сигару и, сам не зная почему, озабоченно смотрѣлъ прямо перед собой.

Г л а в а 3.

НЕ БЕЗ ВЫПИВКИ.

Бабка жила у Вересьева, оставаясь совершенно свободной и независимой от него; приходила и уходила, когда хотѣла. Она жила как кошка, у которой никто не станет спрашивать отвѣта, гдѣ она бродяжничала все время. Неудобств она не вносила с собой никаких. Иногда только взгляд торговца с раздраженіем останавливался на пополнившем станѣ своей гостыи — уж не беременна ли она? Но прежде чѣм ему удавалось взглядѣться в нее, как слѣдует, она уже снова исчезала, по обыкновенію сумрачная, безмолвная, с глубокой складкой между бровями.

Сама Бабка чувствовала слишком большое уваженіе к Гришѣ и к перемѣнѣ, происшедшей в нем, чтобы смѣяться над его вѣрой в Лихова. Сама она с этой вѣрой просто не считалась. Чорт насмѣшливо мстил ей за всѣ оскорбленія: сперва он навязал ей безразсудную любовь к какому-то проходимцу, сдѣлал его отцом ея ребенка и наконец приготовил ему смерть в обсыпанной известкой выгребной ямѣ. До сих пор чорту удавалось все прекрасно, и Бабка со скрежетом зубов должна был признать это. Впрочем, чтобы не повредить своему ребенку, она быстро справлялась со своими припадками ярости; да у нея было и слишком много дѣла для того, чтобы обращать вниманіе на свои переживанія. Ея план, как помочь Гришѣ бѣжать, был широк, но в то же время прост и не

встрѣчал препятствій к осуществленію. Ночи становились все длиннѣе, а со сторожевой командой Бабка уже свела короткое знакомство. И вот, как-нибудь вечером попозднѣе, когда караульные отправятся на дежурство, она оглушит своих нѣмецких друзей сладкой водкой, к которой примѣшан яд, может-быть этот яд даже убьет их. Затѣм она откроет всѣ двери и будет ждать, не придет ли Гришѣ желаніе прогуляться, отбросив всякія мысли о препятствіях.

В пригородѣ, у заборов и на помойках часто попадаетея темно-зеленое растеніе с зубчатыми листьями, воронкообразными цвѣтами и похожими на маленькіе каштаны плодами — это дурман. Растет он там не из романтическаго предпочтенія к мѣстам, наиболѣе подходящим для его ядовитых свойств, а просто потому, что в других мѣстах люди не дают ему процвѣтать. Бѣшеная вишня со своими темно-красными колокольчиками и бѣлые звѣздчатые цвѣты чернаго паслена так же охотно раздѣляют общество дурмана. Эти бѣдные ядовитые цвѣты, не имѣющіе примѣненія в промышленности, ведут отшельнической образ жизни, и чтобы вспомнить о них, нужно найти естествоиспытателя с совершенно особым намѣреніями — такого, например, как Бабка.

В теплыя августовскія ночи трудно усидѣть дома—особенно влюбленным. Если лечь под густо разросшейся сиренью, хотя бы той, что растет перед домиком Винфрида, то кажется, что звѣзды, как свѣтляки, движутся между вѣтвями. Слышится только шорох вышедшаго на охоту ежа; иногда встрепенется от сна невидная в темнотѣ птица; изрѣдка кто-нибудь из обитателей дачи проронит нѣсколько слов, зазвенит стакан, но за исключеніем этого кругом—тишина. Во всем чувствуется опьяняющее, как вино, лѣто. Человѣческія сердца бьются сильнѣе, но купол темной густой листвы скрывает в себѣ их желанія. Винфрид и Бэрб, счастливые тѣм, что они вмѣстѣ, притихли. Тут же, Бертин и Софи; они, как друзья, привязались друг к другу; Софи страстно тянется к Бертину, зная в то

же время, что он принадлежит ей ненадолго и его душа попрежнему стремится назад к Ленорѣ. И все-таки вся зелень, весь воздух кругом напоены успокоенным ласковым счастьем. Это счастье вскормлено безмѣрным отчаяніем и безграничной надеждой на освобожденіе — невѣрное счастье молодости. Всѣ четверо, лишь изрѣдка обмѣниваясь произнесенными шопотом словами, лежат так тихо, что по ту сторону изгороди никто и не догадался бы об их присутствіи. А недалеко от них, на заброшенном пустырьѣ, пригибаясь к землѣ, растут длинныя, никѣм незамѣчаемыя травы и испускают сильный аромат, своеобразный, странный.

Среди ночной тишины послышались чьи-то шаги. Ясно слышен звук приближающихся босых ног. Бэрб чутко прислушивается к ним. Софи — также. Но одной так удобно лежать, прильнув головой к плечу своего друга. А другая занята тѣм, что медленно проводит пальцами по волосам лежащаго у нея головой на колѣнях Бертина. Мужчины же и без того было бы лѣнь вставать, тѣм болѣе, что они так удобно устроились. Бабка идет по улицѣ, направляясь прямо к зарослям из растеній с толстыми стеблями и сочными листьями. Мѣсто она уже высмотрѣла днем, но рвать растенія при солнечном свѣтѣ — совершенно безцѣльно. Каждый посвященный знает, что ядовитые цвѣты срывают при восходѣ мѣсяца, что за все время пути нельзя болтать пустых слов, а лучше всего освятить путь от дома до цѣли молитвой «Отче наш», а обратной дорогой читать «Аве, Марія». Кромѣ того, пускаясь в дорогу, надо начинать с правой ноги, а при возвращеніи домой — с лѣвой и всячески слѣдить, чтобы не сбиться с ноги. Иначе темная сила помѣшает удачѣ в замыслѣ. Мѣрно шагая и шевеля губами, Бабка медленно подвигается к зарослям. Дойдя до них, она срывает цвѣты и кладет их в корзинку. Листья, небольшие плоды — все пойдет в ход. Дѣло идет очень быстро. Когда она повертывается, чтобы итти домой, рой падающих звѣзд в различных направленіях красиво перекрещивает небо. Это успокаивает Бабку — хо-

рошій признак. Если теперь ее встрѣтит по дорогѣ полицейскій, он несомнѣнно примет ее за лунатичку и спокойно отпустит домой. По дорогѣ она сможет пройти мимо тюрьмы и, закрыв глаза, на одну минуту присѣсть у окошка завѣтной камеры.

Наступили дни, когда в Гришѣ стал медленно вырастать против Бабки гнѣв. Из торговки ягодами она давно уже превратилась в торговку вишнями и грушами; лишь изрѣдка Бабка приносила с собой корзину свѣжей черники, набранной ею в лѣсу. Но будь это днем или вечером, она неизмѣнно попадала под обстрѣлъ Гриши. Бабка садилась на свою корзину и они начинали обмѣниваться скупыми, прерываемыми долгими паузами словами. Иногда их разговор принимал другой, болѣе бурный характер. Тут же рядом, на обрубѣ дерева или на опрокинутом ушатѣ, а то случалось и на настоящей скамьѣ, помѣщался с ружьем между колѣн и с трубой во рту ефрейтор Захт. За послѣдніе три дня происходило так: по утрам, обычно рано, она подстерегала Гришу и, проходя мимо него, ограничивалась коротким привѣтствіем и двумя-тремя словами; вечером же она являлась снова, но уже как бы на отдых. По утрам Бабка смотрѣла на Гришу голодными, о чем-то напоминающими глазами, вечером же приходила полная ожиданія, что он исполнит обѣщаніе, которое кстати никогда не было им дано. Гриша знал, что все дѣло здѣсь в нем, в его спасеніи при помощи вторичнаго побѣга. В сущности, Гриша должен был быть ей благодарным, но вмѣсто этого он обозлился так, что под конец накричал на нее. Правда, все это было в пониженном тонѣ, но с той дикой и безжалостной яростью, когда от гнѣва у человѣка срываются с языка только самыя неблагоприятныя слова. Он ругал ее, оскорблял, называл развратной кошкой, которая трется у его ног, только и ожидая пинка. «Бутылочку водки! Бутылочку водки!» передразнивал он ея смиренный го-

лос. — Остается только захныкать. «Чего же ты не хнычешь? Небось в своем лѣсу размахивала ружьем и командовала мужчинами. Ну и командуй теперь. Иди в закусочную при казармах, прикрикни там на завѣдующаго!»!

Видя вмѣсто отвѣта только робкое, умоляющее лицо Бабки, Гриша перемѣнил тон и нетерпѣливо проговорил сквозь зубы:

«Из моего бѣгства ничего не выйдет, понимаешь ты это. Почему? Потому что я сыт этими побѣгами. Нельзя без конца сажать человекѣ то в горячую, то в холодную воду. Ни один банщик не будет этого дѣлать. Раз в холодной водѣ, раз в горячей — и конец. Вот как мы моемся. Больше я не хочу. Вся эта травля, когда бросаешься то туда, то сюда. Довольно с меня. Видала когда-нибудь, как собака схватит крысу и треплет ее, — вот я и есть эта крыса. Довольно меня травили, гнали, да и я довольно натерпѣлся страху. Сперва на что-то надѣялся, бѣжал — пойман. Приговорили, потом обнадежили, потом опять приговорили — нѣтъ, с меня довольно». И с видом, отнимающим у Бабки всякую надежду на продолженіе этого разговора, он погрузился в глубокое молчаніе. Потом, словно стараясь уловить что-то, представлявшееся его воображенію, что-то с трудом различимое и непонятное, он произнес, обращаясь впрочем больше к самому себѣ: «Что имѣет смысл? Для Тебѣ — смысл в Богѣ, а значит, как он говорит, и в добрѣ. Вот видишь ли, кто то все время метит в меня, а вѣдь если он попадет и убьет меня, как же это может быть к добру? Нѣтъ, тут что-то кроется», — прибавил он. И о Бабкѣ, и о своем гнѣвѣ, и о водкѣ он, казалось, давно забыл. Однако становилось ясным, что эту водку Баба рано или поздно от него получит.

Одной из важнѣйших организацій при комендатурѣ считалась большая закусочная, бывшая в то же время чѣм-то вродѣ маркитантской лавки. В этой лавкѣ большая часть жалованія защитников отечества (53 пфенига в день) снова переходила в пользу городского управленія. Ничто не удручало

солдат так сильно, как однообразіе их приниженаго и опустошеннаго существованія. Для них выкурить папиросу было уже маленьким событіем; выпить водки — даром судьбы, а хорошій объѣд был равносилен обладавію женщиной. Естественно, что прилично оборудованная закусовая при комендатурѣ могла поручиться за хорошую торговлю, особенно в концѣ мѣсяца. Деньги, шедшія туда, конечно, должны были рано или поздно вернуться в воинскую часть, но — когда? И кто олицетворял эту воинскую часть? Если ротмистр Бретшнейдер, сержант Гальбшейд, фельдфебель Шпирауге и завѣдующій закусовой умѣли распорядиться доходом с лавки, то кто мог бы притти и сказать: стой, мы воинственная часть и мы требуем отчета. Впрочем, и Бретшнейдер, и другіе пользовались деньгами только «временно» для поднятія оборота лавки. Ротѣ же солдат ландвернаго полка, которая не испытывала большого желанія быть эксплуатируемой, оставалось только смотрѣть, да яростно ругаться, видя, как оборот закусовой растет, а прибавки к их жалованію они не видят. Поэтому, иногда у них являлось желаніе попросту взять извѣстную сумму денег из их собственной лавочки и насильно всучить первому встрѣчному.

Эту закусовую водворили в помѣщеніе, гдѣ была прежде лавка Рафаэля Самихштейна; сдѣлано это было путем простаго предъявленія ордера на реквизицію. Согласно таким бумажкам владѣльцам лавок, под страхом заключенія в тюрьму, запрещалось при оставленіи помѣщенія захватить с собой что-либо, пусть даже простое полотенце или умывальную чашку. Конечно, это дѣлалось с обязательством со стороны властей, чувствовавших себя под сѣнью германскаго орла, что послѣ заключенія мира, все будет возвращено обратно в надлежащей исправности. Ну, а пока Самихштейн ютился с женой и пятью дѣтьми в двух комнатках одного деревяннаго домика. Когда ему приходилось проходить мимо своей лавки, он мог с удовлетвореніем замѣтить, какія прекрасныя архитектурныя улучшенія были введены там нѣм-

цами. В прихожей и большой передней комнатѣ стояли теперь буфеты с напитками, а также столы и скамьи для посѣтителей. Средняя часть помѣщенія такая же объемистая, со сводчатым потолком, представляла собой старый дом, выстроенный предком Рафаэля Самихштейна еще в концѣ XVIII столѣтія. Теперь это помѣщеніе было раздѣлено перегородкой на двѣ части и служило для мелочной торговли. Там, гдѣ прежде стояли дѣтскія кровати и ложе супружеской пары, возвышались бочки с селедками и с солеными огурцами, ящики со свѣчами, бидоны с бензином для зажигалок, цѣлая груда карманных фонарей и элементов для них, пакеты с сахаром, ящики с фруктами и мармеладом, коробки сардин, — всѣ эти драгоценности громоздились вмѣстѣ, рядом с искусственным медом и цѣлой горой табачных издѣлій. Что касается постелей семьи Самихштейна, то их аккуратно сложили в сырой (к сожалѣнію) погреб. Послѣ долгих просѣб, длившихся три мѣсяца и ровным счетом девятнадцать написанных прошеній, всевозможных подписок и личных объясненій Рафаэлю Самихштейну было разрѣшено взять в свою новую квартиру нѣсколько, наиболѣе скверных и испорченных сыростью, кроватей. До этого времени ему предоставлялось спать просто на землѣ.

С потолка прежняго еврейскаго жилища висѣли теперь свиныя колбасы, копченое сало и пахучая ветчина.

С нѣкотораго времени Гриша стал вхож во всѣ эти помѣщенія. Он помогал разгружать вновь прибывающіе товары, вкатывал бочки с пивом, размѣщал продукты, мыл ножи, вилки, стаканы, тарелки, короче говоря — завѣдующій закусочной нашел себѣ подчиненнаго и этим самым произведен в начальники. Его толстое, красное лакейское лицо, с взъерошенными усами и оттопыренными ушами, довольно ухмылялось: теперь он уж больше не послѣдній. Хотя он принадлежит к тѣм рѣдким в Германіи солдатам, которые не в состояніи подписать свое имя, тѣм не менѣе, кто-то должен почтительно его слушаться. Этот «началь-

ник» снабжен толстыми лапами и похожими на сосиски пальцами, зато если мѣсяцев через пятнадцать наступит полный развал арміи, то он окажется единственным, кто сможет даже при измѣнившихся обстоятельствах, олицетворять собой правленіе комендантской лавки. Тогда много людей полетит со своих мѣст.

Завѣдующій, правда, не умѣет подписать своего имени, но беспокоиться — ему нѣтъ основаній.

В настоящую минуту он стоит среди лавки, жуя табак, и помогает Гришѣ разгружать ящики. Помощь его заключается в том, что он иногда дотрагивается до этих ящичков; остальное время он стоит, спрятав под большим кожаным фартуком руки, которыя издают всевозможные ароматы и прежде всего аромат селедочнаго рассола. Гриша в своей холщевой курткѣ, сдвинув шапку на правое ухо, с терпѣніем и спокойствіем много видѣвшаго на своем вѣку человѣка, таскает груз в лавку. Спустя вѣкоторое время, он находит завѣдующаго занятаго разговором с денщиком полкового пастора. Этот денщика Гриша знал: пастор уже не в первый раз посылал его сюда за сигарами, которыя получались спеціально для рядовых и продавались очень дешево. У солдат слишком много табаку, пришел к заключенію пастор. Эти небольшіе душистые листья, которые по такой удивительно дешевой цѣнѣ поставляются из оккупированных областей Бельгіи, вполне достойны скрашивать часы досуга у пастыря душ. Многіе воины обладают у себя на родинѣ цвѣтущими младенцами, так что для отцов этих младенцев вполне достаточно одной этой радости. Поэтому пастор уже присмотрѣлъ себѣ один ящик с сигарами. Однако, согласно правилам, каждый покупатель имѣлъ право брать в лавкѣ только по шести сигар в день, и в настоящую минуту завѣдующій лавкой расстроился на своем нижненѣмецком нарѣччіи о невыполности желанія пастора. Слѣдует замѣтить, что пастор принадлежал к составу дивизіи, а не городской комендатуры, и если бы офицеры захотѣли употребить в свою пользу солдатское добро

в этой лавкѣ, то даже его превосходительство фон-Лихов не мог бы оказать им помощи. Об этом обстоятельствѣ завѣдующій знает также хорошо, как и денщик; поэтому послѣдній поворачивается и уходит с рѣшеніем, что если божьему человѣку понадобится еще что-нибудь, то он пришлет сюда его самого.

Около четверти двѣнадцатаго улицы Мервинска стали походить на улицы всеннаго лагеря. Повсюду виднѣлись фигуры одѣтых в сѣрую форму людей, тяжело ступавших своими сапогами и башмаками на шнурках. Всѣ торговыя заведенія открывались между одиннадцатью и двумя, и через какіе-нибудь четверть часа комендантская лавка была набита народом доотказу. Во всѣх комнатах уже висѣло под потолком облако табачнаго дыма, помѣщеніе наполнилось всевозможными запахами, восклицаніями, смѣхом, а в наиболѣе укромных уголках организовывались партіи в скат. За прилавком, как священнослужитель, продающій средство для спасенія души, орудовал е бутылками пива сержантъ Гальбшейд. При свѣтѣ дождливаго дня, сквозь голубое облако табачнаго дыма, под сводчатым потолком виднѣется на одной стѣнѣ портрет кайзера, а на противоположной — Гинденбурга. Они смотрят на солдат, которые сидят за столами на табуретках или просто на лавках вдоль стѣн, поставив кружки пива рядом с собой или на полу между ногами. В теченіе послѣдних десяти дней всѣ закусочныя и пивныя кипят солдатами прибывавших войск всѣх родов оружія. Они приходят с юга и востока и всѣ они знают и говорят о том, что сами русскіе больше не хотят воевать. Однако среди солдат ходит масса слухов относительно французской и японской артиллеріи, которая будто бы стрѣляет по разбѣгающимся русским войскам, в то время, как со стороны фронта на них сыплются германскія и австрійскія гранаты.

«Н-да», произносит один артиллерійскій унтер-офицер. «А ты думаешь, мы не будем жарить по нашей собственной пѣхотѣ, если прикажут. И что там понадобилось этим французам и японцам. Во

всяком случаѣ кто хочет остаться в живых, тот подчиняется. И так будет до тѣх пор, пока никого из подчиненных не останется в живых».

Молодой солдат из пулеметной команды, который и принес новость артиллеристу, охотно с ним соглашается: «Вы и по нас будете жарить, как по инфантеріи. Сколько раз вы это продѣлывали просто так по оплошности. С нами они могут позволить себѣ такія вещи», безнадежным тоном продолжает он. «На каждый приказ, направленный против наших же товарищей, у нас найдется по два унтер-офицера и по 10 дураков, которые будут слѣдить за его исполненіем. А война еще так долго протянется»...

Штабному писцу, сидящему рядом вмѣстѣ с двумя другими канцеляристами, этот разговор не нравится и в то же время волнует. Рѣшительным жестом он берет свои карты, рассматривает их и произносит: «Пасс». Однако у его партнеров дѣла тоже не блестящи.

«Тожѣ пасс», бормочет другой в фуражкѣ обозной части. «Паршивыя карты... Погляди-ка на русскаго», вдруг говорит он, указывая на Гришу, который со своим ящиком, прижатым к правому уху, мог бы в этот момент сойти за прекрасную фигуру для задняго плана какой-нибудь едены. «Погляди. Вот этого можно считать уже мертвым».

«Это тот самый?.. А что ты хочешь, мы все можем считать себя такими же мертвецами».

Обозник настаивает на своем: «Может быть, но не навѣрняка. А у этого паспорт на переход в иной мір уже в карманѣ».

В разговор вмѣшивается третій партнер, который в своих картах тоже не высмотрѣл ничего подходящаго и поэтому не осмѣливается объявить игру.

«Чепуху вы несете». Он весь в черной кожаной одеждѣ пофѣра (его дѣла позволяют ему такую роскошь). «Старый Лихов не хочет казни, значит комендатурѣ остается молчать. А старик не уступит этим бѣлостокским красным лампасам. От кого

я знаю — никого не касается, но все это дѣло напѣл Шиффенцан своим судейским обезьянам».

Оратор погружается в разсмотрѣніе своих карт, удручающих его много больше, чѣм этот безцѣльный разговор. Так как объявлять игру кажется ему рискованным, то он также объявляет «пасс». Начинается игра в рамс: тут выигрывает тот, у кого самая плохія карты, у кого меньше всего взяток. Теперь с лица перваго из партнеров сходит выраженіе озабоченности. У него опредѣленно самая плохія карты, и по пути к выигрышу он становится все болѣе краснорѣчивым.

«Трефы», объявляет он, бросая на стол карту. «Могильный крест этого русскаго я уже видѣл. Я все знаю от телефонистов. Эмиль из военной столярной мастерской и маляр вывѣсочник уже бились об заклад с денщиком адъютанта; там, в канцеляріи у них, сидит свой человек, который держит их в курсѣ дѣла. Впрочем, денщик пошел на спор».

«Еще бы», говорит ефрейтор и против желанія берет взятку: у него лишній туз, трефовый туз на руках. «Просидѣть с мая мѣсяца в тюрьмѣ, ты считаешь ни во что. А кто он на самом дѣлѣ Бьюшев или Гриша?»

«Это извѣстно», вмѣшался завѣдующій, оставившій свой пост продавщика для того чтобы отнести Гальбшейду за прилавок двѣ бутылки водки и, кстати, поглазѣть на партію в скат. «Никакого Бьюшева нѣт. Как-то давно он выпивал у меня с двумя Эберсвальдцами. Они полтора года сторожили его в лагерѣ». Затѣм, он проходит к прилавку и ставит сам бутылку на оловянный поднос.

В это время Гриша, рѣшившись сдѣлать передышку, остановился у входной двери и стал разсматривать наполненную солдатами комнату, в которой так заманчиво пахло табаком, водкой, не говоря уже о пивѣ. Здѣсь с Гришей сталкивается возвращавшійся в свою лавку завѣдующій. Ему смѣшно видѣть измѣнившееся и, как ему кажется, огорченное лицо Гриши — ему, неограниченному

властелину над всѣми запасами маркитантской лавки. Никто, как он, не мог так быстро оцѣнить их изобилія. А если бы он захотѣл из этих запасов дать что-либо безвозмездно. — На то он и завѣдующій, чтобы сумѣть это скрыть.

«Выпьешь водочки, Гриша?» спрашивает он русскаго. «Пойдем». Оба исчезают в задней части кладовой, окна которой предусмотрительно закрыты ставнями, чтобы ни чей посторонній взгляд не мог увидѣть спрятанных там сокровищ.

«Дурацкій дождь», отдуваясь говорит Гриша. «Выпить водки — это не плохо», продолжает он, согрѣвая своим дыханіем руки. «Вчера ночью я порядком замерз на своих нарах». Завѣдующій наливает ему и себѣ по стаканчику кюммеля.

«Слушай, русскій, ты аккуратно укладываешь товары и до сих пор не стянул ни одной крошки табаку. Я припечу тебѣ в штаны бутылочку водки, понял? На случай холодных ночей, ха-ха! Это строго запрещено, но я всетаки это сдѣлаю. Только и ты спрячь хорошенько, чтобы ни один человек не замѣтил, хе-хе».

Гриша медленно и степенно, глоток за глотком пьет превосходный кюммель и думает: бутылку водки. Это опять кто-то цѣлится в меня. Это Бабка с ея чертом. И он тотчас же рѣшил отклонить предложеніе завѣдующаго, но так, чтобы никто при этом не пострадал. Он подмигнул трактирщику и хлопнул его по плечу.

«Спасибо», проговорил он. «Ты добрый товарищ, но лучше я не буду брать эту водку с собой. Я буду пить ее здѣсь, от времени до времени по стаканчику. Понимаешь? Спрятать ее под нарами слишком трудно, да еще услышать, как хлопает пробка каждое утро. Поставь-ка ты мнѣ ее за боченок с селедкой». Трактирщик сдѣлал понимающее лицо и осклабился: «добре», проговорил он, ставя в условленное мѣсто откупоренную бутылку. Гриша пожал ему руку, усмѣхнулся, но складка между его бровей стала еще глубже. Затѣм он опять отправился выгружать ящики.

Тѣм временем партія в карты кончилась и

началась снова. Разговор о русском происходил теперь у тѣх, кто стоял позади игроков и ограничивался лишь созерцаніем карточной игры. Среди них было двое гарнизонных солдат в праздничной формѣ: один из пекарни при казармах, другой — из жандармеріи.

«Все-таки я вам скажу», произносит жандарм, «дѣло с русским не без загвоздки. И очень даже».

Фронтовые солдаты, которых уже успѣли посвятить в исторію Гриши, чутко прислушиваются.

«И очень даже», как это повторяет пекарь.

«А тогда нѣтъ больше правды на свѣтѣ. Развѣ со мной или с тобой не могут поступить так же, как с этим русским?»

Пулеметчик страстно и вмѣстѣ с тѣм как-то сонливо выражает свое мнѣніе:

«Суд должен быть, но суд — справедливый. Кому же еще и вѣрять, как не суду».

«Да, хорошенькое право для нас», насмѣшливо роняет артиллерист. Стоявшій тут же минер расхохотался так, что принужден был сѣсть.

«Право ходить в отпуск, жрать и подымать — а что еще?» «Gleicher Urlaub, gleiches Essen, wär der Krieg schon längst vergessen»¹, процитировал какой-то пѣхотинец давно запрещенные, но весьма близкіе к истинѣ стихи. Ефрейтор остался в тремя козырями на руках, но теперь он уже не расположен привѣтствовать это счастье. «Дѣло не без загвоздки», вставляет он свою реплику. «Это заставляет меня быть насторожѣ».

«Да и многіе на сторожѣ», вполне соглашается с ним шофер. «Палеске из нашего обоза уже написал об этом своему брату, который служит на артиллерійском заводѣ, понимаешь? Так что там найдут о чем поговорить во время точки стаканов для гранат».

---

¹) Если бы у всѣх были одинаковы права на пищу и отпуск, то о войнѣ не было бы и помину.

Артиллерист только кивает головой: «уж что заслуживает вниманія, то заслуживает, а тѣ на заводѣ прекрасно знают, что здѣсь затѣвается».

«Н-да», произносит ефрейтор, у котораго на руках опять из рук вон скверныя карты. «Они будут об этом хорошо освѣдомлены. Сегодня вечером и я напишу своему шурину. Он теперь работает рудокопом в Клеофских рудниках, к югу от Верхней Силезіи. Им также, как и нам, лгут вдоль и поперек... А это кто же такой?»

К собесѣдникам подходил длинный рыжебородый унтер-офицер в поношенной формѣ: видно, что он недавно еще был в окопах. Шапка у него на затылкѣ, между пальцами сигара, сам навеселѣ. Он нѣсколько вызывающе обводит глазами всѣх: и игроков, и карты, и любителей пива и тѣх двух солдат, которые среди гама и шума заняты писаніем открыток на родину. То что выдѣляет стоящаго унтер-офицера среди остальных, это Желѣзный крест на его мундирѣ — явленіе достаточно рѣдкое среди нижних чинов.

«Не говори худого про дождь», сварливо обращается он со своим фрисландским акцентом к одному из артиллеристов, которые спорят о погодѣ. «Дождь нам нужен во что бы то ни стало. В траншеях и окопах он поддерживает «настроеніе». В хорошую погоду, скажу я тебѣ, военным дѣйствіям не бывать. А если идет дождь, камрад, то солдаты, по крайней мѣрѣ, приходят в себя и уж тогда не молчат». Вслѣд за этими словами осипшим от табаку басом, начинает пѣть.

«Жирный пес у генерала—гик-гак».

Солдаты, стоявшіе кучей у прилавка, раздражаются громким смѣхом. С виду они похожи на самого пѣвца, вѣроятно, даже одной с ним части. Всѣ они, пѣхотинцы, то есть как раз тѣ, кто выдерживал на своих плечах всю тяжесть войны.

«Походную пѣсню», орут они, «давай походную пѣсню, Герман!»

Ефрейтор взволнованно спрашивает, не сошли ли они всѣ с ума: пѣть эту пѣсню здѣсь, под носом у штаба. Им должно быть хочется в карцер.

Унтер-офицер называет его трусом. «Это наша пѣсня и это знает каждый офицер в полку. Ну, товарищи, всё—хором припѣв».

И сам громко начинает.

„Жирный пес у генерала, гик-гак,
А для нас и брюквы мало, кик-как,
С треском глушит пес котлету, гик-гак,
А об нас и нужды нѣту, кик-как“.

За ним нѣсколько боязливо вступает хор:

„Эх, да марш вперед, марш вперед,
Ю-фи-фа-ле-рот.
Эх, да марш вперед, марш вперед,
Ю-фи-фа-ле-рот.
В отпуску мужик гуляет фик-фак,
Отпусков солдат не знает, цик-цак,
Спит на досках круглый год, фик-фак,
А подмерзнет прет в поход, цик-цак.
И-эх, да марш вперед, марш вперед,
Ю-фи-фа-ле-рот“.

Припѣв, разносящійся от прилавка по всему помещенію, звучит теперь сильнѣе. Присутствующіе — кто сидит как остолбенѣлый, кто вскочил с мѣста и стоит блѣдный, как бумага, кто просто боязливо опустил голову. Бѣшеная ярость овладѣвает солдатами. Теперь уже поет не только один краснобородый с горящими глазами унтер-офицер, а и всѣ пѣхотинцы, у которых круглые погоны.

„Сдох солдат — напишут акт, пик-пак,
Развѣ мало там писак, шник-шнак,
Мародерам числа нѣт, пик-пак.
Вмѣсто ж арміи — скелет, шник-шнак.
Эх, да марш вперед, марш вперед“

Гремит теперь по всему помещенію. За исключеніем двух комендантских писцов, бывших завсегдаями закуской, здѣсь нѣт ни одного «штабного жеребца», который не был бы захвачен отчаяніем этой круговой пѣсни.

„Ю фи-фа-ле-рот“.

Солдаты неистовствуют так, что дрожат оконныя стекла и, вмѣстѣ с послѣдним словом припѣва,

весь сѣрый от испареній воздухъ комнаты наполняется криками и ликованіем. Солдаты счастливы тѣм, что отвели душу.

Сержантъ Гальбшейд, стоявшій у своего доходнаго мѣста за прилавком, все время оставался спиной к своимъ гостямъ; если выйдутъ какія-нибудь неприятности, то онъ лично не могъ бы точно вспомнить лица ни одного изъ пѣвцовъ. Что касается рыжебородаго унтера съ Желѣзнымъ крестомъ, то... нѣтъ, онъ опредѣленно помнитъ, что его не было въ воскресенье между посѣтителеми. Преисполненный беззаботности, онъ съ довольнымъ видомъ поворачивается и — не будь въ немъ заложено хладнокровіе настоящаго тюрингца, на этотъ разъ онъ дѣйствительно испугался бы. Прямо передъ его носомъ стоитъ фигура: въ кавалерійской фуражкѣ на головѣ, съ лиловыми обшлагами и воротничкомъ на костюмѣ и съ маленькимъ серебрянымъ крестомъ на шеѣ. Это — полковой священникъ.

Онъ вошелъ въ моментъ наибольшаго шума, незамѣченный никѣмъ, и стоитъ теперь, привѣтливо улыбаясь и хваля пѣхотинцевъ за бодрость ихъ духа. Лишь бы они были храбры — остальное все хороше.

«Радостно видѣть повсюду такой воинственный духъ. А какъ дальше поется ваша пѣсенка?»

Унтеръ, такъ же привѣтливо ухмыляясь, отвѣчаетъ, что, къ сожалѣнію, пѣсенка уже вся. Украшенное окладистой бородой, но молодое лицо пастора выражаетъ сожалѣніе, что онъ слышалъ ее не всю. Затѣмъ онъ слегка поворачивается къ Гальбшейду: онъ посылалъ тутъ своего денщика за сигарами, но, очевидно, вышло какое-то недоразумѣніе». Онъ хотѣлъ пріобрѣсти небольшой ящикъ сигаръ. Марка называется», — онъ близорукими глазами смотритъ въ свою записную книжку, — «Вальдвевенъ, по шести пфенниговъ за сигару».

При другихъ обстоятельствахъ Гальбшейдъ навѣрное подмигнулъ бы г-ну пастору, вышелъ бы съ нимъ, несмотря на дождь, за дверь или попросилъ бы его притти въ болѣе удобное время. Однако сейчасъ въ воздухѣ уже чувствовалась другая пѣсня, на Гальбшейда смотрѣли всѣ эти изнуренныя костлявыя фи-

зіоміи окопных червей. Они обмѣнивались мнѣніями об этом, одѣтом в прекрасный костюм блюстителѣ душ, который намѣревался сдѣлать себѣ запас сигар. Успокоительным тоном опытнаго трактирщика Гальбшейд говорит: «Конечно, г-н пастор его извинит, но он должен продавать эти сигары только рядовым и не больше шести штук в день. Что касается г-на пастора, то он, конечно, найдет себѣ сигары в маркитантской лавкѣ или в офицерском собраніи».

Покупатель слегка краснѣет: в офицерском собраніи он не найдет себѣ сигар именно этой марки. Кромѣ того, он сам, так сказать, рядовой.

Солдаты, которые прислушивались к разговору, только тактично улыбаются. Они не слишком скаляг зубы, не хохочут во всю глотку и Господь Бог благославляет их за это. Гальбшейд кивает им головой, как бы завѣряя в том, что он-то уж знает свое дѣло.

Пастор закусывает нижнюю губу своими пожелтѣвшими от куренія зубами. В этот момент появившійся Гриша рапортует «хозяину»: «Готово. Все сдѣлано. Что ему нужно дѣлать еще?»

Этот эпизод мог бы облегчить отступленіе пастору, по крайней мѣрѣ Гальбшейду этого очень хочется. В самом дѣлѣ, зачѣм ему, такому миролюбивому человѣку, ставить в неловкое положеніе эту ученую особу, которая кушает за одним столом с его превосходительством? Поэтому он пользуясь удобным случаем, благодушно поворачивается к Гришѣ: сейчас ему нужно распаковать корзины с пивом. Завѣдующій скажет, сколько именно. Затѣм до полудня он должен успѣть разложить по полкам табак: сигары в нижнее отдѣленіе, а коробки с папиросами— прямо на стол. Понял он? «Явол, сержант»,¹ подтверждает Гриша, равнодушно посмотрѣвъ на духовное лицо; его взгляд только слегка задержался на серебряном крестѣ послѣдняго. Затѣм Гриша поворачивается, чтобы уходить. Однако настор, г-н Людеке, считает, что он должен взять

¹ да, конечно.

реванш за свое поражение. Недаром же, в концѣ концов, он носит такіе прекрасные офицерскіе гамаша из кожи!

«Зачѣмъ здѣсь толчется этот царень?» фальцетом спрашивает он. «Не знаешь порядка отданія чести?» — обращается он к Гришѣ. — «Столько времени находишься здѣсь и не научился правилам. Я тебя научу. Я доложу о тебѣ в комендатуру. Как фамилія?»

Гриша молчит: его изумленный взгляд не отрывается от креста пастора. Правда, перед ним был не православный священник, но все-таки...

Вдруг за его спиной раздается низкій голос завѣдующаго. Завѣдующій — только бывший работник на верфях, к тому же неграмотный, но он говорит:

«Приказ штабу, г-н пастор, во время работы отданіе чести отмѣняется».

А Гриша думает: «Нѣтъ, послѣ смерти не может быть другой жизни, если о ней говорят такіе, как этот... Ничего они не знают». И Гриша говорит — по-русски, конечно:

«Человѣка, у котораго сейчас горе, зовут Григорій Ильич Папроткин, унтер-офицер. Человѣкъ, который видѣлъ очень много горя и раньше, но никому не дѣлал зла сам, Григорій Ильич Папроткин, подслѣдственный плѣнный», — прибавляет он по-нѣмецки, повышая голос.

«Мы соберем свидѣтелей», — раздается вдруг из-за двери спокойный голос завѣдующаго. — «Видѣлъ кто-нибудь здѣсь этого русскаго за работой?»

Однако у г-на Людеке достаточно чувства собственного достоинства.

«Ну мы это увидим», — произносит он, величественно кивая головой; затѣм поворачивается и мелкими шажками, подобно титулованной особѣ, прерывающей аудіенцію, поспѣшно идет к двери.

Тѣм временем Гриша сидѣлъ на скамьѣ в сторонѣ и дрожал всѣм тѣлом. Да, он здѣсь все равно, что тряпка: каждый может вытирать об нее свои руки. Развѣ он, как преступник, сидит здѣсь? А

вѣдь так именно с ним и обходятся! Солдаты вокруг притворно льстивыми голосами начинают прохаживаться на счет духовнаго лица и его прав. Конечно, ему плохо приходится: дома у него, навѣрное, с полдюжины ребят и уж пусть Вильгельм Гальбшейд не перечит пастору, раз тому приходится хватать куши всюду, гдѣ только может. Гриша, наконец, начинает понимать, что собственно произошло. Он поднимается и, тяжело переставляя ноги, выходит. «Ты ничего не бойся», — кричит ему вслѣд Гальбшейд, — «пастор, навѣрное, предпочтет помолчать о сегодняшнем».

Когда Гриша пришел в кладовую, он прежде всего осторожно опустил в глубокий карман холщевых штанов свою бутылку с водкой. Правда, ея горлышко выглядывает из кармана, но бутылка завернута в бумагу. Это помогает дѣлу. Он все-таки рѣшил взять с собой бутылку в камеру, объясняет завѣдующему Гриша. Тот одобряет: «Это хорошее средство против непріятностей и пасторов. Ну, да мы с тобой не слишком чувствительны», — заключает он, звонко шлепая Гришу по лопаткам. Гриша улыбается.

Тѣм временем ефрейтор в сосѣдней комнатѣ успѣл объявить «большой шлем». «Твой шлем годится, только чтобы его подставить под...», — побѣдоносно возражает шофер, раскрывая на столѣ своя карты.

Г л а в а 4.

ДѢЛО НѢСКОЛЬКО РАЗЪЯСНЯЕТСЯ.

За послѣдніе дни политическія закулисныя силы сдѣлали центром своего вниманія генералов. Стали циркулировать какіе-то смутные слухи о том, что в дѣлях спасенія отечества неизбѣжна диктатура верховнаго военнаго командованія. Было вѣроятным, что вопрос этот в ту или другую

сторону вырѣшится в теченіе одного дня. Если только рейхстаг потребует увеличеніе числа выборщиков и серьезнаго обсужденія вопроса об отдачѣ Бельгіи, то этот рейхстаг остается только распустить по домам. Ему слѣдует показать, что без него дѣло пойдет куда лучше. Что же касается римскаго папы, то для него было бы только пріятно, если бы еретическое протестантское государство потеряло свои территоріальныя завоеванія. Кромѣ того испанцы так и шныряли кругом, задирая нос, как только вопрос касался немедленнаго мира и Эльзас-Лотарингіи. В Австріи затѣвалось что-то угрожающее. В концѣ концов всю отвѣтственность за будущее Германіи принимало на себя верховное военное командованіе. Оно точно опредѣлило границы необходимой для великаго государства территоріи и на весь писк о мирѣ отвѣчало новыми крупными побѣдами на Восточном фронтѣ. Его величество, к сожалѣнію, нѣсколько потерял свою твердость, а тут нужен был дух, во много раз болѣе прусскій, чѣм дух Гогенцоллернов.

Фон-Лихов выходил из себя по поводу махинацій военной клики. «Непростительно это», кричал он в разговорѣ с Винфридом. «Конечно, Бельгію необходимо было отдать! На что им Бельгія с ея фламандскими распрями? Нельзя допускать, чтобы вліяніе сомнительных элементов в прусском населеніи увеличилось еще болѣе. Территорій на востокѣ взято достаточно. Какой же, к чорту, смысл дѣлать военный дух в государствѣ еще болѣе ненавидимым, как это дѣлают всѣ эти напыщенные Шиффенцаны! А у Шиффенцана еще хватает желанія и времени вмѣшиваться в судопроизводство его, Лихова. А развѣ тот же Шиффенцан не знает, что войска — настоящія боевыя войска — желают мира и чѣм скорѣе, тѣм лучше». В этом духѣ фон-Лихов продиктовал длинное письмо, адресованное в придворныя сферы. Благодаря открытому характеру фон-Лихова и чисто прирейнской жизнерадостности, в военном кабинетѣ кайзера у него сидѣли хорошіе друзья.

«Я хочу направить свой удар против Шиффен-

дана», сказал он, когда Винфрид прочел ему написанное. — «О дѣлѣ Бьюшева он уже больше не шипит, а если он ведет невѣрную политику, то ему утрет нос другой». В отвѣтъ на это Винфрид сдѣлал огорченное лицо, пожал плечами и возразил: «Милый дядя, оставь Шиффенцана в покоѣ; у него всегда заднія мысли. Я не думаю, чтобы он уже выложил все на чистоту». Тѣм не менѣе, письмо, как этого желал фон-Лихов, было отправлено, хотя и без благословенія его адъютанта.

Все дѣло было в том, что как раз наканунѣ Познанскій взял послѣ обѣда Винфрида за руку и отвел его в сторону. За кофе он показал Винфриду какую-то бумажку, написанную на машинкѣ. Текст был испещрен ошибками и без подписи. Эту бумажку он получил сегодня по почтѣ. Ее слѣдует принять к свѣдѣнію. В письмѣ значилось слѣдующее:

«Уважаемый г-н совѣтник!

Прошу вас прежде всего замѣтить, что я — простой ординарец и поэтому не имѣю права на подпись. Несмотря на это, у меня есть для г-на совѣтника важное сообщеніе. Г-н совѣтник не должен думать, что дѣло Бьюшева уже брошено в корзинку под столом. Одно высокое лицо позаботится, чтобы это дѣло всплыло снова. Я хочу только предупредить г-на совѣтника, что это высокое лицо заинтересовано в дѣлѣ Бьюшева. Умоляю не выдавать меня, иначе мнѣ придется отправиться к чорту. Заставить же молчать свою совѣсть я также не мог. Узнал я обо всем этом случайно и счел нужным вам сообщить.

Не выдавайте меня».

Винфрид нехотя просмотрѣлъ написанное, затѣм уже болѣе серьезно прочел еще раз и наконец посмотрѣлъ Познанскому прямо в его очки, ожидая отвѣта. Тот кивнул головой. Неожиданностью для него это не было. Но предвидѣть послѣдствія не мог бы и сам премудрый Соломон. «Не будь за по-

елѣдніе дни у Шиффенцана столько дѣла, он уже теперь преподнес бы нам подарок. Что у него в головѣ в настоящую минуту, это легко себя представить. Впрочем, дней через десять мы вообще узнаем все из приказов».

«Ничего ты себя не представишь — думая Винфрид. — Да так и слѣдует быть. Поговорим лучше о том, что сейчас затѣял высшій совѣтъ семерых, правительство и генералы. Вѣдь прежде чѣм им удастся завладѣть властью и что-либо сдѣлать, в любом мѣстѣ может разорваться бомба. Смѣшно, — продолжал он размышлять, — теперь внезапный мир кажется мнѣ самому чѣм-то вродѣ разорвавшейся бомбы. Однако для того чтобы вытравить проклятую военщину, понадобится не мало времени.

«О чем вы задумались, юный герой?» — вдруг услышал Винфрид вопрос Познанскаго. Он сразу пришел в себя и без малѣйшей паузы произнес:

«Скажите, дорогой друг, может ли приговор быть приведен в исполненіе, пока самый документ лежит запертым у вас?»

Познанскій лукаво подтолкнул его: «Хорошій вопрос! Нѣтъ, нѣтъ. Пока мы сидим на нем, ни один человек не двинет его дальше».

«В таком случаѣ, г-н совѣтник, я именем его превосходительства передаю вам приказ:

Передать кому-либо эти дѣла только на основаніи ясно выраженной письменной инструкціи его превосходительства. С меня требуют немедленнаго выполненія приговора», серьезно прибавил он.

Познанскій сдѣлал вид, что отдает честь: «Это приказ, обер-лейтенантъ?»

Оба расхохотались над всей этой комедіей и одновременно произнесли: «Да».

Познанскій аккуратно сложил письмо и хлопнул по нем ладонью: «Теперь Вильгельми может исписать хоть цѣлую стопу бумаги. Ничего — Бог благословляет искусство, любезный коллега. Жаль только, что тот храбрый парень не подписался на своем посланіи. Можно было бы разсѣять его

страхи. Я лично думаю, что это один из писцов Вильгельми».

«Нѣтъ», возразил Винффрид, еще раз проглядывая письмо, «вѣрнѣе, это настоящій ординарец. Писец надѣлал бы куда больше ошибок при письмѣ на машинкѣ».

Послѣ этой реплики Познанскій перестал сомнѣваться, и вопрос об авторствѣ был рѣшен в пользу ординарца.

Кто мог бы подумать, что автором этого письма была никто иной, как Милли Пауз, владычица и постельное сокровище Вильгельми, которая поиграла своими пальчиками на пишущей машинкѣ специально для того, чтобы испортить жизнь своему шефу? Вильгельми и бѣгал вокруг нея с физиономіей счастливаго супруга и обладал ею, даже слишком, как ему казалось. Во всяком случаѣ, перемѣна в его спокойной жизни омолодила его. Из всѣх видов спасительнаго для Вильгельми безпокойства Милли Пауз выбрала тот, который соотвѣтствовал ея доброму сердцу. Она находила возмутительным, что ради этого надмѣннаго Шиффенцана, ни за что, ни про что отправляется в могилу этот несчастный русскій. Милли Пауз замѣтила, как болѣзненно отразился на Вильгельми телефонный разговор с дивизіей фон-Лихова. Почему бы и ей не протянуть своей руки, чтобы спасти невиновнаго?

Поздним вечером того же дня, как Милли Пауз отослала свое письмо, она была как-то особенно весела и шаловлива в его объятіях. «Слишком много пищишь», педовольно замѣтил он.

* * *

Орѣхи на каштанах уже стали на деревьях величиной с вишню, дни укорачивались, а в прохладныя сентябрьскія ночи падающіе звѣзды в разных направленіях перекрещивали небесный свод, нависшій над восточно-европейской равниной. Дни попрежнему стояли ясныя и прозрачныя. В такіе дни солдатам легче всего было переносить

трудности похода, а раненым — мучения жажды. В Мервинскѣ строились новые лазареты; услуги маленькаго столяра с козлиной бородкой Тевье понадобились снова, и он вмѣстѣ с Гришей цѣлые дни мастерил двери для новых барачков. Оба работали на прежнем мѣстѣ, на заднем дворѣ комендантской тюрьмы, попрежнему говорили друг с другом по-русски, но теперь среди них появилось нововведеніе: ефрейтор Герман Захт, с винтовкой между колѣнями, в качествѣ стража военнопленнаго. Этой мѣрой ротмистр Бретшнейдер показал, что ему всегда найдется, что сказать Мервинску. Когда он ставил Гришу под стражу, то в его просвѣщенной головѣ мелькали воспоминанія о каком-то эпизодѣ, который он либо вычитал в романѣ, либо видѣл в театрѣ. Согласно этому эпизоду, кто-то, когда-то, кого-то поставил под меч, подвѣшенный к потолку на лошадином волосѣ (эффектное положеніе). Во время паденія этот меч разрубал череп стоящему под ним как-раз в том мѣстѣ, гдѣ костная оболочка черепа всего тоньше.

Первое же выступленіе в качествѣ стража вызвало у столяра и его помощника один из тѣх разговоров, которые от времени до времени происходили у них в теченіе рабочаго дня. Окруженные морщинками глаза сѣдобородаго желтокожаго Тевье, глаза, которым постоянный голод придавал какое-то юмористическое выраженіе, показывали, что о Гришиной судьбѣ они знают все. И Гриша и Тевье понимали друг друга прекрасно. Их взаимныя симпатіи покоились на прочном фундаментѣ одинаковаго униженія, одинаковой нужды и общаго отвращенія к нѣмецкому владычеству.

«Можешь мнѣ повѣрить», говорил Гриша, «генерал общал мнѣ, что со мной ничего не случится. Да и смѣшно: они хотят сдѣлать так, как будто Бюшев еще жив. А он давно уж истлѣл гдѣ-то в лѣсу за ручьями и рѣками, за сотни верст отсюда. Это установлено и засвидѣтельствовано. И военный суд, и многіе судьи, и лейтенанты, и солдаты, — всѣ знают, что это правда. Теперь ротмистр дал мнѣ вот этого ефрейтора с ружьем,

как будто я опять собираюсь бѣжать. За болвана он меня принимает что ли?»

При словах «болван» и «бѣжать» Гришѣ два раза вспомнилась Бабка, и он невольно встряхнул головой. Тевье тѣм временем проклеивал доски и с помощью Гриши зажимал их в тиски, гдѣ онѣ должны были оставаться, пока не высохнет клей.

«Это не то», глубокомысленно произнес он. «За комендантом стоит человек, которому важен самый приговор, а не право, твоя смерть, а не правда. Этот важный человек Шиффенцан никогда и не видал тебя, значит, за всѣм этим что-то кроется. За всѣм стоит какой-то тайный смысл. Если кто хочет правильно жить, тот должен его понять. Я посмотрю в Гемарѣ — там его, навѣрное, можно найти».

«Кто-то цѣлится в меня», невольно со стоном вырвалось у Гриши. Он тотчас же выругал себя, думая, что Тевье поднимет его на смѣх. Однако, Тевье, воспитанный в мирѣ совершенно иных понятій и каждый вечер со страстью предававшійся его изученію, только возразил:

«А почему нѣтъ? Все это очень странно. Сейчас дѣло походит на двух собак, которыя тянут веревку, каждая к себѣ. Ты и есть эта веревка. Сильнѣйшій из них перетянет другую, но та, у которой болѣе острые зубы, может веревку перекусить. Или ты кость, за которую грызутся двѣ собаки. Сильнѣйшая отшвырнет другую, но та, у которой болѣе острые зубы, перегрызет кость. Вся жизнь каждую секунду бывает полна такими притчами».

Тевье снова погружает кисть в горшок с горячим клеем и начинает промазывать пазы досок. Изогнутая деревянная трубка торчит из-под его пожелтѣвших от табаку усов.

«Что нужно знать, чтобы угадать эту притчу? О ком говорит она? Вот, двое бросают жребій. Но вѣдь то, что он покажет, важно для бросающих, а не для самого жребія».

Гриша внимательно прислушивается. «Я не жребій и не веревка», говорит он, проводя пальцем

по гладко выстроганным доскам. «Хорошо», возражает Тевье, это, конечно, возможно. Но что говорит нам копѣйка? Я — копѣйка и у меня нѣтъ ни вѣрной и невѣрной стороны; у меня просто на одной сторонѣ орел, а на другой — цифра. Но и меня отчеканили на станкѣ, чтобы человек мог употреблять меня согласно моему назначенію.

Гриша проворчал: «человѣкъ — человекѣм, а копѣйка — копѣжкой. Нельзя сравнивать таким способом генерала и унтер-офицера».

Столяр невозмутимо возражает: «хорошо», говорит он, снова беря кисть из горшка и поворачивая ее, чтобы стекли капли клея. «Очень хорошо. Но кто говорит здѣсь о генералѣ. Может-быть, дѣло идет о гораздо большем. О народах. Почему же ему не касаться самаго главнаго». И он рассказывает Гришѣ исторію о нашем отцѣ Авраамѣ, как он говорил с Богом. Он даже не говорил с ним, а спорил за сохраненіе Содома. Авраам сказал Богу: «Почему ты хочешь уничтожить такой большой город: там могут найтись цѣлыхъ пятьдесят праведников. Бог уступил ему: ну, если пятьдесят найдутся, тогда я не разрушу. Ты думаешь Бог не знал, что в Содомѣ никак не наберется пятидесяти праведников. А когда Авраам еще набавил цѣну и просил уже о помилованіи ради сорока пяти, даже тридцати праведников, ты думаешь, Бог не знал, что их в Содомѣ нѣтъ и с десяток. Ему были важны совсѣм не праведники и не их число. Наш отец Авраам хотѣлъ показать, — был ли там хоть один праведный человек. А что если не было ни одного? Хорошо. Теперь подумай о праведниках. Понимаешь?» В своей рѣчи Тевье давно уже перешел на протяжный распѣвъ и в экстазѣ раскачивался всѣм корпусом взад и вперед. «Положим, что всего десяти праведников в Содомѣ было достаточно, чтобы не погиб город. Но вѣдь от них самих зависѣло стать праведными или нѣтъ. Они знали, чего требует Бог от людей — очень немногаго. Вѣдь у них не было, как теперь у евреев, 613 правил. У них было только семь заповѣдей Ноя, да и тѣх онѣ не исполняли. Ну, —

прекрасно. Теперь, вот, возьми — десять праведников сидѣли в Содомѣ, или, может-быть, девять и еще один, который был не тверд в праведности. Если б этот десятый рѣшил стать праведным, для кого он стал бы им? Для себя? Нѣтъ, для спасенія города. Праведность праведных была отличительным признаком, Гриша, для цѣлага города. Я так думаю. Пятьдесят праведников — большой признак; десять праведников — маленькій. А ни одного праведника — это уже злой признак, понимаешь. Наши времена, скажу тебѣ, хуже всяких Содома и Гоморры. Посмотри сам. Понимаешь? Вот, человек, который приговорен к смерти. Многие знают, что приговорен он безвинно, и многие будут знать это. Если побѣдят тѣ, кто думает, что он невиновен, они и будут десятую праведниками в Содомѣ, ради которых не разрушится город. Если же, кто думает что он невиновен, не побѣдят, и приговор, о котором всѣ знают, что он невѣрен, будет выполнен — тогда, Гриша, значит в Содомѣ нѣтъ ни двадцати, ни десяти, ни пяти праведников и гнѣвъ Божій вмѣстѣ с огнем и сѣрой низринется на него. И весь великій Содом с его кайзером, князьями и генералами будет разрушен.. А теперь обрати вниманіе», — вдруг он смолк. Рот Гриши раскрылся, как у человека, котораго душат и он полными ужаса глазами смотрѣл на своего товарища по работѣ.

«Довольно» хрипло крикнул он наконец. «Довольно, — я погиб».

Так оно и было. Кто-то охотился за ним, но не ради его самого. Гриша всегда думал, что из-за такого незначительнаго существа, как он, никто не станет вести цѣлыя интриги. Но если это так, тогда, конечно... Вѣдь достаточно одной капли, чтобы переполнить сосуд, довольно одной спички, чтобы зажечь цѣлую степь. Тевье, не беря назад ни одного слова из своей рѣчи, стал его успокаивать.

«Кто погиб? Совсѣм нѣтъ. Развѣ у нѣмцев право не может быть в почетѣ? На твоей сторонѣ и генерал, и член суда, и обер-лейтенант, да и вся дивизія. Ты не можешь сказать — все кончено. У

нѣмцев много хороших качеств. К тому они опять побѣждают. Скажу только одно: хорошо или плохо поступят с тобой нѣмцы, это прежде всего важно для них самих. Прости, но в жизни есть многое, болѣе важное: государство, народы, русскіе, нѣмцы. — все это болѣе важно, чѣм один унтер-офицер».

Гриша вдруг вспомнил свою роту, полк, траншеи, переполненные народом: услышал снова визг и вой приближающихся снарядов, грохот разрывов, увидѣл своих товарищей с оторванными руками, со стертými начисто лицами и кровью, хлещущей, как вода из разорванного мѣха. Он увидѣл полки, дивизіи, черныя поля, по которым плечо к плечу шли массы людей; огромныя пространства пахотных земель, города... Убѣжденный образом мыслей Тевье он проронил:

«Конечно, — я только маленькое насѣкомое, а Россія... это уж что-нибудь да значит».

«Ну вот», радостно продолжал Тевье, «а Германія, — она вѣдь тоже что-нибудь значит. А евреев развѣ мало? А поляков также вѣдь создал Бог. Итак! Ты можешь быть совершенно спокоен. Что бы с тобой ни случилось, тебѣ будет только хорошо. Я скоро понял, что с тобой что-то связано... Ну, я думаю, мы собьем дверь еще до полудня. Сходи за гвоздями, Гриша, их, пожалуй, здѣсь нехватит. Там в сараѣ на лавкѣ должен быть пакет с двухдюймовыми. Правда, они немножко длинны, но мы все-таки их возьмем. Почему нѣтъ? Загнутые держат еще лучше».

Г л а в а 5.

ОТПУСК.

Только-что прибывшій со своих новых позицій Отто фон-Лихов вернулся домой далеко не в наилучшем настроеніи. В душѣ у Лихова боролись два чувства. Как военный, он проклинал переброску его дивизіи за двѣсти верст от фронта, так как она

была лишена участія в доблестных военных операціях. С другой стороны, как человек, к тому же умудренный опытом и разумный, он никак не мог пожелать своим сильно потрепанным в сраженіях войскам боев в эту раннюю дождливую осень. Как и на всѣ простые натуры, неприятности подѣйствовали на фон-Лихова парализующе и тѣлесно, и душевно. Его навѣстилъ штабной врач, выслушал, пощупал пульс. Однако сам больной не мог ему дать никаких указаній о своем здоровьѣ и поэтому оракул молчал. Но если штабной врач приходит к генералу и не находит у него болѣзни (развѣ что чувствуется утомленіе), то врач не угрожает ему как солдату тремя днями ареста и не орет на него так, что со стѣн сыплется штукатурка. Наоборот, он говорит о в высшей мѣрѣ необходимости отъезда для паціента и, как лицо отвѣтственное за здоровье войска, требует от него немедленной поѣздки на отдых. Когда на другой день Лихов сообщил своему племяннику о результатах врачебнаго осмотра, Винффрид забеспокоился. Как уберечь старика до его отъѣзда от всяких неприятностей, но так, чтобы и у самого Винффрида были в карманѣ полномочія, направленные против нѣкоторых слишком грубо назойливых лиц. Он бодрым тоном стал увѣрять, что его дядюшка выглядит, как грудной младенец, у котораго понос, и ему немедленно нужны лишь теплыя валенки и соска с какао. Ъхать на воды теперь, когда вся эта исторія с русским, ставшая спортом, каждую минуту готова вспыхнуть снова? Только если дядя оставит ему, Винффриду, соответствующія полномочія для этой шахматной игры с призом в видѣ русскаго, только тогда он сможет отпустить генерала. Лихов не отвѣчал. Его покраснѣвшіе глаза с орлиным взором были задумчиво устремлены на веселаго племянника. Несмотря на весь свой опыт, который он приобрѣлъ в боях на Соммѣ и еще раньше при Ипрѣ, он завидовал беззаботной юности Винффрида. А вѣдь он, Лихов, как старый солдат, много перевидал на своем вѣку... За послѣднее время каждый день приносил с собой извѣстія о побѣдах. При прорывѣ

минных загражденій в Рижском заливѣ погибло лишь нѣсколько тральщиков: кто говорил четыре, кто—семь, а кто—три. Само собой понятно, что наши потери были представлены в отчетах ничтожными. Правда, во время взятія Риги осколки гранат попрежнему уродовали людей, тѣм не менѣе Рига была в руках нѣмцев.

Лѣвое крыло фронта, как говорили, полным ходом гнало перед собой русских. Должно быть, сам Бог поразил их, потому что они цѣлыми бригадами поворачивали орудія и маршировали на восток. Хотя... совершенно так же поступали и нѣмецкія дивизіи три года тому назад; онѣ так же маршировали на восток, пока не окопались по другую сторону Энны. Впрочем, русским едва ли удастся окопаться; так по крайней мѣрѣ говорят звѣзды или Шиффенпан, который тѣснит их сзади... Ну, а мир? спросил себя Лихов, разсѣянно смотря куда-то в пространство. Конечно, раз новыя побѣды давали в руки новые козыри, было разумно кассировать всякую возможность мира. Тѣм не менѣе он испытывал ужас перед преступным фанфаронством современных Валтасаров. Всѣ они лопнут, потому что слишком пышно расцвѣли. Правильно и истинно по-пруссски поступил бы лишь тот, кто, отбросив всякую спекуляцію на будущем Германіи, ограничился бы лишь небольшим выигрышем. Если взглянуть безпристрастно на раздѣл Польши при старом Фрицѣ, то Пруссія вѣдь была втянута в цѣлую сѣть всяких осложнений. Господь Бог был так милостив, что живо освободил нас от Южной Пруссіи и великаго герцогства Варшавскаго. Хотя послѣднее и входит в состав Германской имперіи, но переварить его слѣдовало бы получше. Даже Эльзас, не говоря уже о Лотарингіи, ничего не обѣщает в этом смыслѣ: для него Германія такая же чужбина, как и двѣнадцать лѣт назад.

Винфрид с состраданіем и не без испуга наблюдал за опустившим свою голову Лиховым. «Да, ему нужен отпуск, подумал Винфрид: он засыпает чуть не посреди фразы».

«А как обстоит дѣло с русским?» вдруг спросил генерал.

«Пустяки. Идет между вѣдомственная перебранка. Пять дней тому назад Вильгельми прислал нам отнюденіе на двѣнадцати печатных страницах и короткій запрос. Все по поводу исполненія приговора».

«Об этом не может быть и рѣчи», проворчал Лихов.

«Конечно. Впрочем, Познанскій проявил прямо ангельское терпѣніе, составляя в отвѣтъ «объяснительную записку», как окрещены по терминологіи юристов подобные плоды их творчества. Шиффенцан же, видимо, поддерживает своих людей не меньше, чѣм его превосходительство фон-Лихов — своих».

«У этого малаго нѣтъ никакого уваженія к моим сѣдинам», сердито проговорил Лихов. «Дѣло ясно до смѣшного и если бы он имѣл хоть малѣйшее представленіе о приличіи, он и не пикнул бы об этом дѣлѣ. Однако ему придется оставить меня в покоѣ и не соваться со своим носом как у попугая, во ввѣренную мнѣ область. Знаешь, на кого он похож?» спросил он, внезапно развеселившись. «На старую королеву Викторію, как ее изображали дерзкіе карикатуристы Симплициссимуса. Именно на нее». И вполнѣ утѣшившись, Лихов от души расхохотался.

«Значит, дядя не боится за себя, если Шиффенцан сдѣлает его лично отвѣтственным за это дѣло».

Лихов, сидя на своем стулѣ, наклонился вперед, как всадник в сѣдлѣ перед прыжком через препятствія.

«Он намѣрен это сдѣлать?»

«Если язык нѣмецких юристов можно назвать нѣмецким и в нем можно уразумѣть хоть какой-нибудь смысл, то от судьбы в лицѣ Шиффенцана слѣдует ожидать или собственноручнаго письма, или разговора по телефону».

«Как я этого боюсь», насмѣшливо проговорил Лихов.

Винффрид, которому что-то пришло на ум, поймал его на этой фразѣ.

Если дядя дѣйствительно хочет ѣхать в отпуск, то вѣдь все равно его дорога лежит через Брест-Литовск, гдѣ Шиффенцан в настоящее время вдохновляет работу оперативнаго отдѣла; а там достаточно будет устнаго разговора для того, чтобы ликвидировать эту запутанную исторію.

«Это не плохо».

Ротмистр фон-Бретшнейдер занимался тѣм, чѣм и подобало заниматься каждому ротмистру — он катался верхом. В настоящую минуту он сидѣлъ верхом на великолѣпной бѣлой кобылѣ арабской и трокенской крови, а его насморочное лицо с награжденным полипом вздернутым носом возвышалось над благородными линіями шеи и небольшой нервной головы Сиры. Ротмистр фон-Бретшнейдер происходил из богатой семьи западно-нѣмецких ремесленников и поэтому мог позволить себѣ роскошь обладанія такой необыкновенной лошадыю. Обозныя клячи уже давно жевали по большей части солому вмѣсто овса, а их вѣрные конюха с ужасом думали о наступающей зимѣ 1917 года. Однако за Сирой был совершенно особый уход. У комендатуры города Мервинска находилось достаточно средств, чтобы содержать в соотвѣтствующем порядкѣ лошадь г-на ротмистра. В настоящую минуту он с высоты своего сѣдла, с полужакрыми глазами, достаивал разговором какое-то чело-вѣческое созданіе, стоявшее перед ним на своих собственных ногах. Это созданіе стояло не шелохнувшись, совершенно так же, как его ружье, которое оно, согласно уставу держало прижатым к бедрам.

«Фамилія?» роняет начальство.

Спрошенный сразу понимает, что от него требуется, потому что на военной службѣ он уже довольно долго. Он рапортует свое имя: ефрейтор Захт.

Кивком головы ротмистр дает понять, что знает его. Затѣм он критическим взглядом осматривает в порядкѣ ли у того форма. Форма, которая

не в порядкъ, может самыми разнообразными способами причинить ея носителю неприятность. Однако в данном случаѣ никаких изъяснов ротмистр не находит. Солдаты знали, что в первую очередь требовалось от них на войнѣ.

«Вольно».

Ефрейтор Захт движеніями изображает нѣчто вродѣ ослабленія своих мускулов. Он стоить между лошадыю и стѣной тюремнаго двора недалеко от ворот и пожирает глазами начальство вмѣстѣ с его юпитеро-подобным, хотя и весьма непрезентабельным носом.

«Слушать», хрипит начальство. «Там назначен надзор за русским. Если даже за ним ничего не замѣчено, то вам я ничѣм не могу помочь. Я дѣлаю вас лично отвѣтственным за то, чтобы парень не ускользнул от правосудія. Я знаю, что затѣяны какія-то темныя махинаціи. Предупреждаю вас» — ротмистр внезапно понижает голос и его маленькіе глаза с холодной безошадной угрозой устремляются в широко раскрытые глаза солдата, — «не навлеките на себя бѣды. Спросится с вас, ефрейтор».

Затѣм, словно обращаясь к самому себѣ, добавляет: «Вся эта исторія продлится не болѣе двух дней». Ротмистр изображает что-то вродѣ прощальнаго привѣтствія, на что ефрейтор отвѣчает щелканіем каблуков. Всадник своей затянутой в перчатку рукой слегка хлопает по крупу Сиры и трогается с мѣста.

Сира ржет от радости; ея превосходные мускулы так и играют под блестящей кожей. Она любит своего господина. Ротмистр никогда не употребляет шпор; он заботливо старается держать в стременах свои ноги так, чтобы Сира не ощущала малѣйшаго прикосновенія шпор на своих чувствительных боках.

Бретшнейдер проѣзжает по еврейскому городу, с обычным отвращеніем наблюдая за дѣтми с чрезмѣрно большими и умными глазами, которыя шарахаются от его лошади в двери домов. Мужчин можно было видѣть только издали — может быть

потому, что специальным приказом их обязали снять перед г-ном ротмистром шапку. Бретшнейдер знал цѣлую массу рядовых и даже офицеров, которые охотно вступали в общеніе с евреями. «Странный вкус», подумал про себя ротмистр, хотя он сам сейчас ѣхал ради разговора с одним евреем. Правда, этот еврей по крайней мѣрѣ, тщательно вымыт, выбрит, причесан и одѣт в мундир со значками и погонами военного суда его величества. Этот еврей, Познанскій, буквально лѣз вон из кожи, чтобы спасти осужденнаго Бюшева. Конечно, у него ничего не выйдет. Член военного суда Вильгельми передал по телефону ротмистру одну товарищескую просьбу и ротмистр, как порядочный человек, ѣхал теперь, чтобы ее исполнить. Он должен был лично, а главное без всяких письменных формальностей привести дѣло Бюшева к желательному для Вильгельми концу. Почему ротмистру этого и не сдѣлать? Правда, он не был извергом и даже сочувствовал всякой попыткѣ отклонить вмѣшательство третьяго лица. Но здѣсь... кто был этим третьим? И развѣ можно это назвать вмѣшательством? Ротмистр отказывался понимать. Он мог только лишній раз изумиться, что кто-то такой, пусть даже фон-Лихов вдруг не исполняет слѣпо и с восторгом желанія Шиффенцана.

Бретшнейдер преклонялся перед Альбертом Шиффенцаном, и каждый здравомыслящій человек должен был, по его мнѣнію, преклоняться перед этим гением и исполнять любое из его желаній.

В общем ротмистр находился в прекрасном настроеніи; он импозантно возсѣдал на своей лошади и был вполне доволен собой. Конечно, живая голова, как Бретшнейдер, справится с таким пустым дѣлом одним движеніем руки. Ему не нужны были даже указанія Вильгельми.

Подѣхать к дивизионному суду, не слѣзая с сѣдла, изящно, по-кавалерійски, переговорить, просто через открытое окно или постучать в него хлыстом, если оно закрыто... Затѣм, — раз, два три! — приказ о выполненіи приговора небрежно положен в карман... Вот как дѣлаются эти дѣла.

Пора покончить с этим яблоком раздора между дивизіей и комендатурой. Правда, его превосходительство фон-Лихов был очень высоким лицом, но вѣдь и за спиной Бретшнейдера стоял Шиффенцан. Если правильно взвѣсить обстоятельства, то можно легко и элегантно выйти из самых щекотливых обстоятельств.

Двадцать минут спустя всадник галопом неся обратно. Брови были сдвинуты, а лицо казалось краснѣе обыкновеннаго. Особенно выразительны были его торчащія уши. Взгляд холодных сѣрых глаз ротмистра был особенно непріязненным и сколько он ни выпрямлял свою грудь, но во всей его фигурѣ сквозило бѣшенство неудачи. А жаль—было такое прекрасное сентябрьское утро.

* * *

Что ни день, что ни недѣля, то новый триумф. Пусть гибли тысячи молодых жизней, пусть во флотѣ начиналось броженіе, а депутаты рейхстага, с красными от гнѣва лицами, прилагали всѣ усилія, чтобы предотвратить четвертую зиму войны и голода,—но за ставку на мировое владычество нѣмцы боролись до конца. Мозг Альберта Шиффенцана работал с невѣроятной интенсивностью. В вѣдѣніе Обер-Оста вошла новая область вплоть до Ревеля и Дерпта. Открывались новыя гавани. Кромѣ Либавы, в распоряженіи нѣмцев теперь были Рига, Виндава, Ревель и Дерпт. Никто не осмѣлился бы кричать о насилии, если само населеніе желало быть присоединенным к Германіи. И если нѣмцы забудут спросить мнѣнія латышей и эстонцев, то какое до этого дѣло Европѣ. Шиффенцан замѣчал только крупные контуры — перед ним была карта новой Германіи с ея новыми областями. Недѣли пролетали, как дни.

Сбор яблок уже начался. Груши были собраны давно, а ярко красная рябина указывала на раннюю и суровую зиму.

«Разжирѣла, маменька», без тѣни какой бы то ни было насмѣшки, обратился один из караульных

к сѣдволосой торговкѣ, когда она быстро проходила через тюремные ворота, чтобы предложить солдатам и плѣнным содержимое своей корзинки. Теперь за недорогую цѣну она занималась также стиркой и починкой солдатскаго бѣлья. Из товаров она приносила главным образом яблока, табак, нитки, иголки и то, в чем солдаты постоянно нуждались — перстяныя нитки для штопки. Иногда при ней оказывалась и водка, правда, в небольшом количествѣ. Нельзя было отрицать, что фигура торговки пополнѣла. Обильная ѣда, которую она получала каждый день из солдатской кухни, видимо, дѣлала свое дѣло. Солдатам опротивѣл их однообразный паек: ячменная каша (или как ее называли, зубы новорожденнаго), перловый суп (голубой Генрих), сушеные овощи, картофель, горох, бобы, в воскресные дни что-нибудь мясное. «Хорошо, кому такая ѣда в пользу», проговорилъ ефрейтор, хлопая Бабку по спинѣ.

Бабка видѣла Гришу каждый день, слушала его рѣчи, и говорила с ним сама. С чувством утѣшенія и бодрости она замѣчала, как шевелится в ея чревѣ ребенок. А он все рос; может это будет мальчик, но если будет дѣвочка, и то хорошо. Из своего ребенка она сумѣет сдѣлать что-нибудь путное. Пока все шло хорошо: ея солдат был по-прежнему здѣсь и с каждым днем выраженіе его лица становилось все увѣреннѣй. Бабка знала, что он многое передумал за эти дни. Мир, в котором он жил, был полон загадок. Что ожидает чело-вѣка послѣ смерти, об этом, хотя и знали попы, но для него самого, не играло большой роли. Для чело-вѣка нѣтъ никаких основаній вѣрить в загробную жизнь, когда сплошь и рядом он умирает от дыры в головѣ или разорванный пополам минным взрывом.

«Видишь ли», сказал он как-то Бабкѣ, «зачѣм у чело-вѣка сидят в головѣ мысли, когда потом онѣ ни на что не годятся. Это то же, что ключ, который даже не входит ни в одну из замочных скважин, не говоря уже о том, что он не поворачивается и не отпирает. Я просто хозяин своего дома

и рабочій на мыловаренном заводѣ в Вологдѣ. На окраинѣ города, у самой степи стоит домик; в нем живет моя Марфа Ивановна со своей дѣвчонкой. Может быть, уже есть и второй малыш. А здѣсь вот ты и я. И ты также носишь от меня ребенка. Подумай только: вѣдь без смысла все это не бывает. Тебѣ объяснил мнѣ это. Посмотри, как все дѣлается: домой я хотѣл, домой и возвращаюсь. А ты, надѣюсь, не думаешь больше о моем бѣгствѣ, Бабка. Ты разумная женщина и, навѣрное, сейчас просто сколачиваешь деньжонки для нашего маленькаго. Сколько мѣсяцев ты уже носишь его, а?» Гриша слегка вздохнул. «Только теперь я стал понимать, как хорошо было тогда в лѣсу, когда я, наклонив голову вперед, ломился через него по снѣгу. Как вспомнишь всѣх этих кроликов, лѣсных кошек... Ах, черт возьми. И Федюшку, и Колю, и Отто Вильда... Конечно, и здѣсь не плохо. Здѣсь я научился работать. Когда я вернусь домой — я смогу стать там столяром».

Бабка посмотрѣла на него, тихонько погладила его руку и сказала:

«Ребенок, у котораго не будет отца, родится в декабрѣ».

«Ну», весело засмѣялся Гриша. «Не будет отца. Зато у него будешь ты».

* * *

Середина октября. Топкія мѣста и лужи на улицах стали покрываться к утру тонким слоем льда. Земля за ночь уже промерзала, а число пѣвчих птиц значительно уменьшилось. К этому времени из Бѣлостока в дивизию фон-Лихова привели три бумаги, подѣйствовавшія, как удар грома. Первая представляла собой запрос: почему до сих пор нѣт увѣдомленія о том, что приговор над Бюшевым приведен в исполненіе, несмотря на ясно выраженное требованіе. Вторая была отвѣтом на возраженіе дивизионнаго суда: Обер-Ост в высшей степени удивлен и желает, чтобы всякое сопротивленіе обходным путем было прекращено.

Третья бумага содержала в себѣ угрозу. Это был приказ отдать прямое распоряженіе комендатурѣ города Мервинска о выполненіи приговора. Отвѣтственность за промедленіе ложится на его превосходительство. Комендатура со своей стороны обязана сдѣлать всё нужныя приготовленія и по полученіи распоряженія немедленно дѣйствовать.

Познанскій и Винффрид сидѣли оба блѣдные и возбужденные против его превосходительства. Поглаживая свои усы, фон-Лихов проговорил:

«Это невозможно. Шиффенцан просто невѣрно информирован. На этой недѣлѣ я ѣду в отпуск и буду у него. Позвони сегодня по телефону, Пауль. Скажи, что я сам буду с ним обсуждать дѣло».

«Хорошо, дядя Отто», с облегченіем вздохнул племянник. «Это единственный хорошій выход. Ты сам будешь распутывать это дѣло».

«Я не могу допустить, чтобы он так грубо третировал человѣка старше его и с сорока семью годами службы, не считая ученья в кадетском корпусѣ. Во всяком случаѣ, между мной и им еще стоит его величество. Я даю честное слово, что не уступлю», весь покраснѣвъ от гнѣва, хрипло крикнул Лихов. «Я дойду с этим дѣлом до самаго кайзера», Лихов ударил по столу кулаком

Гриша и не подозрѣвал о пертурбаціях в его дѣлѣ. Холод по ночам это было единственное, что его донимало. Фельдфебель же во время утренней переключки, всякій раз с любопытством поглядывал на осужденнаго.

Во вторник, 31 октября, Лихов сѣлся в поезд, гдѣ для него было приготовлено отдѣльное купе, с коврами, зеркалами и диваном, обитым красной матеріей. С искусственным спокойствіем Лихов старался ободрить Познанскаго и Винффрида, в числѣ других явившихся его проводить.

«Дѣлать ничего не нужно. Тот жирный паренѣ пойдет на уступки. Во всяком случаѣ, я сам телеграфирую вам о хорошем исходѣ дѣла или поручу передать по телефону. Будьте покойны, дѣло примет хорошій оборот; в концѣ концов, мы вѣдь одѣты в прусскіе мундиры, а не в татарскіе ха-

латы. Понимаете . . . Впрочем», прибавил он, становясь на подножку вагона, «если тебѣ придется принимать какія-либо мѣры, Пауль, то, конечно, я их всецѣло покрою. Я думаю, мы понимаем друг друга. А сегодня будет снѣг», прибавил он, «это уже навѣрное».

Поѣзд тронулся. Послѣ остановки на нѣсколько часов в Брестѣ он должен был направиться на запад и был переполнен отпускными рядовыми и офицерами. За окнами вагона замелькал сѣрый дневной свѣтъ, высокія мачты с дугowymi фонарями, деревянныя строенія, и офицеры отдававшія честь отъѣзжавшему.

«Эй, пріятель, а вѣдь с нами генерал ѣдет», с изумленіем обратился к машинисту кочегар, сморкаясь при помощи пальцев.

«Н-да», отвѣчал тот. «Ну наша кофейная мельница, на которой мы ѣдем, не станет лучше и от генерала».

«Я тоже думаю, что нѣтъ», согласился кочегар и насмѣшливо прибавил: «может быть, Господь-Бог воззрит на нас, и ради генерала застрахует от несчастнаго случая в дорогѣ».

Машинист поставил рычаги на самую большую скорость и прижал клапаны. «Я хотѣл бы, Карл, чтобы мы доѣхали так же благополучно, как тогда, помнишь, когда мы вели длинный состав вагонов с сѣном и деревом. Помнишь, мы ѣхали все время через лѣс и так пріятно провели время с охотниками, когда стояли на запасном пути. Помнишь, ты еще все время хотѣл увидѣть какую-нибудь дичь. Это было когда мы тащили вагоны с сѣном».

Однако кочегар ничего не мог вспомнить.

«Я думаю, что сегодня будет снѣг. . . Остановки в дорогѣ зависят от угля, хотя и топки-то теперь сдѣланы из г. . . вмѣсто угля. Застрять в дорогѣ да еще с генералом в поѣздѣ — вот будет исторія, Франц».

Машинист только сплюнул.

«Ах!» произнес он. Сказал он это наклонившись и даже не кончив слова, но его товарищ по-

нял и без этого — потому что это было самое употребительное слово за всю войну.

Г л а в а 6.

ПОБѢДА

Шиффенцан поднялся из-за стола и, улыбаясь, замѣтил сидѣвшему против него сѣдоловому старику в штатском костюмѣ:

«Как жаль, г-н ван-Рійльте, что вы не нѣмец. Я приказал бы немедленно арестовать вас. Такія превосходныя сигары и кофе! К чему приучаете вы нас, спартапцев?»

Старик-голландец с коричнево-красным спокойным лицом таким же обязательным тоном отвѣтил:

«Если я бы был нѣмцем, г-н генерал, то конечно, у меня нашлось бы достаточно патриотизма, чтобы позволить себя арестовать».

Оба засмѣялись. Разговор этот происходил в Брест-Литовскѣ. Трое офицеров оперативнаго отдела подивились находчивости старца. Они знали, что шутки Шиффенцана всегда скрывают за собой какой-нибудь дипломатическій выпад. За все время свиданія семидесятилѣтній старик, д-р ван-Рійльте спокойно сидѣл на своем мѣстѣ. В ожиданіи превосходнаго явскаго кофе, о котором только-что шла рѣчь, он и всѣ остальные закурили привезенныя им с собой длинныя, как трубы, сигары. Щелкая руками грецкіе орѣхи, он мирно поглядывал то на одного, то на другого из присутствующих, скрывая под этими взглядами все свое глубокое разочарованіе. Он пріѣхал, как уполномоченный от Краснаго Креста, чтобы обследовать лагерь, куда были сосланы бельгійцы, мужчины и женщины, и облегчить их участь. Кромѣ того, он хотѣл откровенно предупредить и информировать Шиффенцана относительно Америки. Однако в этом пунктѣ он натолкнулся на полнѣйшее недовѣріе.

Генерал ничего не хотѣлъ слушать. Америка — это чепуха, хвостовство и баста. Совершенно также кричали и всѣ узколюбивыя мѣщанскія газеты вмѣстѣ с их читателями от базарнаго торговца до генерала включительно. Шиффенцан, только-что счастливо отдѣлавшійся отъ единомышленниковъ папы, вѣжливо поблагодарилъ голландца — но к нему от лучшихъ специалистовъ Америки приходятъ совершенно инныя свѣдѣнія, подкрѣпленныя цифрами и доказательствами. Г-н ван-Рійльте просто недооцѣниваетъ боеспособности германскаго войска, уже на протяженіи полустолѣтія ставшаго несравнимымъ ни с кѣм. Конечно, он, Шиффенцан с крайнею благодарностью выслушиваетъ благожелательныя соображенія своего голландскаго друга. Однако, если г-н ван-Рійльте хочетъ оказать большую услугу выдерживающей жестокою борьбу Германіи, то пусть онъ постарается разсѣять господствующее за предѣлами Германіи предубѣжденіе противъ присоединенія Бельгіи къ Германской имперіи. Это будетъ лучше для самой Бельгіи. Она, подобно Саксоніи и Баваріи, будетъ автономной федераціей, входящей в составъ первой по силѣ державы в Европѣ и будетъ чувствовать себя превосходно.

У Рійльте опустились руки... «А свобода», — оевѣдомился он, «свобода народа?»

Шиффенцанъ засмѣялся: «Меленькимъ людямъ подобаетъ и маленькая свобода. Оставаясь в границахъ Германской имперіи, Бельгія будетъ наслаждаться куда большею свободою, чѣмъ до войны. Вѣдь чѣмъ сильнѣе военная мощь, тѣмъ больше и свобода».

«Вполнѣ с вами согласенъ», — отвѣтилъ голландецъ и пообѣщалъ с своей стороны сдѣлать все от него зависящее. Однако в душѣ онъ былъ совершенно другого мнѣнія. Придется видно в цѣляхъ самосохраненія быстро и незамѣтно распродать всѣ цѣнности, бывшія у него в Германіи: валюту, бумаги государственнаго займа, акціи и облигаціи Шиллевскихъ предпріятій, а также векселя нѣмецкихъ коммерсантовъ.

«Если судно обречено на гибель, то глупа та крыса, которая его не покинетъ», — яростно и

огорченно подумал он, кладя в кофе сахар. — Такая крыса только и заслуживает того, чтобы потонуть вмѣстѣ с самым Шиффенцаном за неподобающее для гостя вмѣшательство во внутреннія дѣла Германіи. «Впрочем вы должны считать меня не за гостя, а за родственника, хотя бы и весьма непріятнаго. Этот родственник, движимый самыми лучшими чувствами пріѣхал, чтобы отговорить своего... ну, скажем, зятя от невыгодной сдѣлки».

«Зять—это превосходно! Им мы и останемся», — засмѣялся Шиффенцан. Затѣм всѣ сѣли за стол.

По другую сторону от вокзала город вмѣстѣ с кафедральным собором и голубыми маковками послѣдняго был тих, как привидѣніе. Обезлюдѣвшій, выжженный при взятіи Брест-Литовск был похож теперь на кладбище, гдѣ витают призраки. Цѣлые ряды домов на сѣрой вереницѣ улиц казались неповрежденными, но за фасадами их зіяла пустота. Огромныя, пересѣченныя дорогами площади с планомѣрно расположенными небольшими холмиками, из которых торчали дымовыя трубы, указывали на то, что когда-то здѣсь был квартал деревянных строеній, от которых остались только выложенныя из камня печи. Сейчас все это заносило снѣгом. А снѣг большими неслышными хлопьями падал еще с полуночи. Иногда порывы вѣтра крутили его и тогда всѣ окрестности превращались в одну бѣлесоватую мглу.

* * *

Весь день, так удачно начатый с посѣщенія голландца, Шиффенцану пришлось быть настроеннѣе. Что он даст уговорить себя каким-то умникам—об этом не могло быть и рѣчи. Он шел своей дорогой, остальные же представлялось только остерегаться наступить ему на ноги. В прекрасном настроеніи он прошел в свою комнату, которая за время его пребыванія в Брестѣ одновременно служила ему и для сна и для работы. В самом темном углу стояла простая походная постель. Сегодня Шиффенцану предстояло свиданіе с фон-Лиховым.

«Лихов в половинѣ пятаго» — было отмѣчено на листкѣ его календаря. Еще один убѣленный сѣдинами глупец будет отнимать своей болтовней его драгоценнѣйшіе часы. Ох, уж эти генералы! Вобьют себѣ что-нибудь в голову и начинают кричать повсюду, что этот Шиффенцан недостаточно почтителен к старшим по рангу. А Шиффенцану нужно было еще разработать проект об урегулированіи управленія в только-что оккупированных украинских областях. Проект уже встрѣтил многочисленныя возраженія со стороны австрійцев. А тут еще этот Лихов со своим полковым праздником и пьяной болтовней графа Дубна. Этой болтовни Лихов не должен был допускать ни в коем случаѣ. Он, видимо, уже годен только для санаторіи, раз ѣдет поправляться в Баден-Вин. Однако все это не устраняет обостреній между австрійцами и нѣмцами. Напротив, эти обостренія с каждым мѣсяцем становятся все серьезнѣй. Несомнѣнно выход должен быть. Шиффенцану только нужно его найти, хотя сперва и слѣдует развязаться с Лиховым. Этот гарнизонный генерал из провинціальных дворянчиков конечно поднимет спор и будет высчитывать свои права и полномочія «Ну, ничего, пусть он только придет,—сказал про себя Шиффенцан, приводя в порядок бумаги. — Пусть только придет. Он найдет дѣло уже сдѣланным!» — Шиффенцан снял с вилки телефонную трубку, вызвал фельдфебеля и передал елу слѣдующее распоряженіе:

«Матц, немедленно телеграфируйте в комендатуру Мервинска—урегулировать дѣло Быюшева согласно рѣшенія, и об исполненіи увѣдомить в теченіе двадцати четырех часов. До половины пятаго, Матц, представить мнѣ справку с телеграфа, что приказ послан».

Фельдфебель отвѣчал: «Слушаюсь», повторил текст телеграммы, и Шиффенцан повѣсил трубку. Один момент он почувствовал какое-то стѣсненіе в груди и вмѣстѣ с тѣм злобнаго удовлетворенія: теперь г-н Лихов может распространяться сколько ему угодно о том, с чѣм давно уже покончено!

Шиффенцан прислушался к своему пульсу, к стѣсненности в сердцѣ и понял: «конечно, все это от крѣпкого кофе, от котораго заблокированная центральная Европа уже давно отвыкла.» В три часа дня в комнатѣ Шиффенцана было уже темно. Он подошел к окну—ага! Бѣлыя хлопья снѣга безшумно падали на квадратный двор крѣпости. В комнатѣ было тепло, чувствовался приятный запах ароматных сигар,—теперь только поудобнѣе сѣсть, зажечь свѣтъ и работать...

Ровно в половинѣ пятаго у двери шиффенцановской комнаты послышался легкій звон шпор его превосходительства фон-Лихова. Ровно без пяти минут пять Лихов уже покидал эту комнату. Их разговор, в извѣстном смыслѣ весьма замѣчательный, оставался простым и шел словно по плану. Свою занесенную снѣгом пинель, Лихов оставил в передней. Старик сѣл и положил свой шлем на колѣни; лѣвая рука его была затянута в перчатку, с правой же для вѣжливаго рукопожатія с врагом она была снята. Шиффенцан был одѣтъ в свою просторную литовку, которую он почти всегда носил незастегнутой, чтобы имѣть возможность прятать руки в карманы брюк. «Большое преимущество, что он у себя дома», — подумал Лихов. Первый вопрос фон-Лихова был: «Надлежащим ли образом генерал освѣдомлен о дѣлѣ Бьюшева? Дѣло в том, что совершенно недопустимое вмѣшательство в судебныя полномочія дивизіи, а также была позволена насмѣшка над судопроизводством, образцовым по своей объективности.» Уже здѣсь в тонѣ фон-Лихова прозвучала нѣкоторая рѣзкость. Однако, Шиффенцан с мягкой масляной улыбкой человѣка болѣе молодого, чѣм фон-Лихов и поэтому прощающаго послѣднему, завѣрил его превосходительство:

Нѣсколько дней тому назад, он сам еще раз просмотрѣлъ дѣло и не понимал только одного, — что может имѣть его превосходительство против рѣшенія суда, которое он сам же когда-то одобрил?

Обоих противников раздѣлял большой письменный стол. На нем стояли: большая чернильница литой стали, сдѣланная из основанія гранаты, латунная пепельница из расплющенного патрона, пресс-папье из мѣдных колец и нѣсколько больших, весьма неприятнаго вида зубчатых осколков гранат, которые на фронтѣ повсюду собирали для памяти. На правой сторонѣ стоял телефон, налѣво — бумаги по украинским дѣлам, а также кубок из черного папье-маше с большими разноцвѣтными и грубо очиненными карандашами, которыми Шиффенцау дѣлал свои знаменитыя помѣтки. Фон-Лихову казалось, что этот стол растет до безконечности, а оба противника сидят друг против друга словно по краям земного шара. Плоская поверхность земли усѣяна пигмеями, крошечными пылинками, которые назывались людьми; он же и Шиффенцау, раздутые до размѣров колоссов, с взаимной угрозой вырастали друг просив друга по краям этого міра. Фон-Лихов чувствовал, что ему не слѣдовало придти сюда. Перед этим человѣком с отвѣсными щеками и бывшим моложе его, он был опредѣленно слабѣйшим: может-быть, потому что он чувствовал себя сегодня нездоровым, а может-быть, потому что справедливость была на сторонѣ именно его, Лихова. Кто считается с правом, тот считается и с ограниченіями, — пришло в голову задумавшемуся фон-Лихову еще до того момента, когда он начал настоящую атаку на противника. — Кто уважает право, для того священны даже клумбы в саду его сосѣда. Тот же, кто с правом не считается, может-быть во много раз ниже перваго, но он болѣе толстокож, болѣе твердолоб и без всякаго стѣсненія вламывается в области, давным давно ему запрещенныя. Какое дѣло тому до запрещенія? Я сдѣлал громадную ошибку: конечно, лучше было бы сразаться на разстояніи! Лихов тут же разсердился на свою расхлябанность и, постукивая папирисой по портсигару, почти небрежно спросил: «Как рисует себѣ это дѣло г-н генерал-майор? Дѣйствительно ли в принципѣ он уже отмѣнил юрисдикцію самостоятельных боевых единиц? Или,

может-быть, он думает ввести новый военный кодекс, согласно которому всякое законное рѣшеніе по первому капризу высшаго, а то и одинаковаго по полномочіям учрежденія может быть брошено под стол, в корзинку для бумаги?»

В отвѣтъ на это Шиффенцан проворчал: никто как он не мог оказать большаго почтенія такому опытному человѣку, к тому же поставленному на пост вождя самим его величеством, но всетаки политики никогда не может стать дѣлом каждаго. В настоящій момент судьями дивизионнаго суда была упущена важнѣйшая сторона дѣла, а он, Шиффенцан, на то и поставлен, чтобы слѣдить за этим.

«Теперь — только спокойствіе, — подумал Лихов. — Здѣсь задѣта самая чувствительная струна всего разногласія». Лихов совсѣм не желал, сломя голову, бросаться в борьбу за міровоззрѣніе. Напротив, он весьма мягко проговорил:

«Чѣм же, любезный Шиффенцан, должен руководствоваться совѣтник моего суда? — А вѣдь он весьма толковый человѣкъ, не правда ли? — Чѣм он должен руководствоваться в вопросѣ о компетентности в подобных случаях? Если же вы вынуждаете нас на такія мудрствованія, то отсюда слѣдует, что вам нельзя больше давать в руки ни одного дѣла».

Шиффенцан взбѣсился: за ребенка, что ли считает его этот старый олух? Взбѣшенный в душѣ, но весьма дѣловым тоном, он возразил: Если кто-нибудь и нуждался в разъясненій, так это именно он, Шиффенцан. Свою волю он выразил ясно и опредѣленно, — а именно устранить совершенно недопустимое положеніе, когда человѣкъ, приговоренный, как бунтовщик, как большевик, еще жив. И что же? вмѣсто простого подчиненія его желанію, он встрѣтил крючкотворство, между-вѣдомственную распрю и спор о полномочіях. Он отвѣтственен за то, чтобы побѣда германскаго оружія не ускользнула от него, пока военныя операціи идут здѣсь, на Востокѣ. Он должен поддерживать дисциплину в войсках. А среди таких крупных

событій всѣ эти тонкости в пониманіи права излишни и не имѣют никакого значенія. Он то уж во всяком случаѣ не позволит себѣ ронять престижа господ генералов («это уж звучит совсѣм поимператорски», — насмѣшливо подумал Лихов). Во всяком случаѣ, он не ждал, чтобы ему пришлось вести спор с его превосходительством, о такой чепухѣ, как вопрос о судебной компетентности.

Лихов слегка поклонился: он весьма благодарен за лестное мнѣніе. В дѣйствительности дѣло идет совсѣм не о компетентности, и уже давно. Дѣло идет о самом правѣ. В Пруссіи всегда и для каждаго должен быть одинаковый справедливый суд, как сказано и в Библии: «Одинаковую мѣру, одинаковые вѣсы должны быть и для себя и для чужеземца, стоящаго у твоих ворот». Он процитировал эти слова наудачу так, что у самого дрожь пробѣжала по тѣлу, правильно ли он их сказал.

Шиффенцан с видом согласія вѣжливо поднял руку. Конечно, право должно быть одинаково для всѣх без исключенія. Каждый день приносится в жертву в среднем тысячи жизней ради побѣды германскаго дѣла, поэтому не страшно если то же будет и с русскими дезертиром, так позорно бѣжавшим из лагеря военноплѣнных. Шиффенцан любезно улыбнулся, придя в хорошее настроеніе от того, как ловко он поймал старика в его же собственную петлю.

Отто-Гергардт фон-Лихов улыбнулся также: попался Шиффенцан! Лихов заманил его в ту область, гдѣ тот, будучи опытным работником в других областях, в данном случаѣ был абсолютно несвѣдущим... Его коллега Шиффенцан совершенно правильно поставил вопрос. В этой войнѣ каждый момент дня и ночи гибли «почетной смертью» совершенно неповинные люди. Отвѣтственность за эту смерть, помимо поколѣній, создававших государство, принимали и сами умирающіе. «Они приняли участіе в историческом спектаклѣ, и плоды этой жертвы будут пожинать их дѣти и внуки. Правда, мы этого не сознаем, благодаря акту все-

общей воинской повинности, которая кажется не слишком принудительной раз народ сам добровольно подчиняется рѣшеніям его отвѣтственных вождей».

К сожалѣнію он, Лихов, должен указать своему коллегѣ на маленькую нелогичность. «Позвольте мнѣ кончить!» — воскликнул он, видя, что Шиффенцан раскрыл рот для возраженія. — «Развѣ я посылаю своих людей в сраженіе с той цѣлью, чтобы они из него не вернулись? Да если бы это зависѣло от меня, то они всѣ вернулись бы, всѣ, сударь! Если же они не возвращаются, то мнѣ остается только с болью покориться теченію событій, пока война продолжает оставаться послѣдним средством нѣсколько возвысить судьбу человѣчества. Вы, наоборот, приносите в жертву совершенно неповиннаго человѣка и притом против его воли. Дѣлаете же это только потому, что это соответствует вашим человѣческим намѣреніям и этим будто бы оказывается услуга государству. Солдат все-таки с извѣстной долей свободной воли идет в сраженіе, из котораго выйти невредимым есть хотя бы один шанс. Тут он ставит свою жизнь на карту, в концѣ концов за свою родину, за свой народ, за своего кайзера. Русскій же, о котором идет рѣчь, должен быть умерщвлен при посредствѣ правового аппарата и притом как абсолютно безправный. Как же вы осмѣливаетесь смѣшивать то и другое положеніе?»

Шиффенцан кивнул головой: «Я осмѣливаюсь это дѣлать. Почему? А надолго ли хватает вашей свободной воли? Если какой-нибудь Мушко Мейер систематически не подчиняется дисциплинѣ, его все равно разстрѣляют. Что же касается вашей прекасной надежды на возвращеніе невредимых, то если один раз кому-либо посчастливится, значит его убьют в слѣдующій раз. Взглянем, ваше превосходительство, на дѣло трезво. Наполненные фосгеном гранаты и облака удушливаго газа с каждым мѣсяцем все болѣе и болѣе суживают границы божественнаго милосердія, о котором мы говорили. Война, повидимому, задалась цѣлью

чисто-техническими средствами оттѣснить вашего Господа Бога к границам его собственнаго царства. Что же касается таких рѣзко выраженных случаев, как с этим Бьюшевым, случаев, которые вас так волнуют, — то мнѣ они кажутся болѣе покойными и гораздо больше нравятся. Право создается государством, а отдѣльныя личности... онѣ меньше любого насѣкомаго».

Лихов откинулся на спинку стула и тихо сказал:

«Если бы мнѣ пришлось жить так, то я, навѣрное, почувствовал бы себя чѣм-то вроде собаки. Государство создает право, говорите вы. Нѣтъ на-против — правом только и существует государство, сударь. Эта идея привита мнѣ с юных лѣтъ, и только она придает жизни хоть какой-нибудь вкус. Да, если государство освѣщается правом, то ради такого права люди должны забыть о своей личности. Когда же само государство начинает творить беззаконіе, тогда ему самому остается только быть низложенным и истребленным. Я знаю, сударь, от имени кого я борюсь за несчастнаго русскаго здѣсь, в кругу свѣта вашей лампы. Я борюсь за большее, чѣм ваше государство. Я борюсь за свое царство, которое не порвало еще с вѣчностью. Государства — это то же, что сосуды. Как и сосуды они старѣют и разрушаются. Как только они перестают служить Богу, они разлетаются, как карточные домики, под дуновением вихря. Провидѣнія! Я же, генерал Шиффенцан, знаю, что право и упованіе на Бога — это столпы, на которых зиждилась Пруссія, и я не хочу слышать, как кто-то, имѣющій власть, пытается их ниспровергнуть».

Небольшая темная комната с освѣщенным в серединѣ ея кругом свѣта от лампы с зеленым абажуром, казалась опоясывала кольцом безконечности двух споривших между собой людей. За окном безшумно продолжал падать снѣг. Углубленный в свои мысли Лихов разсѣянно подошел к окну этой чужой для него комнаты и задержал за навѣсы. Шиффенцан насмѣшливо посмотрѣлъ ему вслѣд. Это называется — дожил! К нему, Шиффен-

цану, приходят с библейскими текстами. Как будто на свѣтѣ никогда не существовало «Мировых загадок» Геккеля. И такіе вот престарѣлые вояки собираются стать вождями и поддерживать новую Германію. Играя тяжелым пресс-папье в видѣ римскаго меча, Шиффенцан, наконец, спросил: развѣ его превосходительство поклялся представлять себѣ Пруссію не иначе, как в созвучіи с божественными заповѣдями? Марія-Терезія, напимѣр, и польская нація не раз выражали инья мнѣнія, а, что касается пролетаріата, то он держится уже совершенно особенных воззрѣній. С улыбкой превосходства Шиффенцан начал осторожно критиковать политическую теологію Лихова, задѣвая вопросы и выборнаго права и раздѣла земли...

Покровительственный тон Шиффенцана, казалось, совершенно не задѣл старика. Все равно, власть и право не должны расходиться между собой. «Чувство права в народѣ, — дрожащим голосом проговорил он, — всегда останется отраженіем божественной сираведливости. Если же его из политических соображеній швырнут в угол, то нельзя поручиться за то, что зловѣщее мене-текелфарес уже не рдѣет горящими буквами на этой стѣнѣ комнаты, гдѣ генерал из соображеній своего жалкаго разума осмѣивает божественные законы».

Жалкій разум! Шиффенцан даже вдрогнул на своем стулѣ. Ханжескую болтовню этого старика он еще мог вынести, не теряя на лицѣ любезнаго выраженія, пока тот оставался по крайней мѣрѣ вѣжлив. Послѣднее было уже слишком. Рѣзким и вызывающим тоном он попросил своего посѣтителя осторожнѣе выбирать свои выраженія. Здѣсь не монастырь, а они не монашки.

Лихов, совершенно спокойный с виду, стал надѣвать перчатку. Тон, которым Шиффенцан позволяет себѣ говорить с ним, ему знаком. Лиховы уже давно оставили этот тон, хотя добрая половина старой Пруссіи и продолжала им пользоваться. Повидимому, этот тон нашел себѣ послѣдніе отголоски в Шиффенцанѣ. «Ну что ж, пусть будет

так», заключил он, стряхивая пепел со своих галифе.

Шиффенцан с шумом вбирал в себя воздух; затѣм, как бульдог, он выставил вперед нижнюю челюсть. Он весьма благодарен за поученіе. Касательно божественнаго Провидѣнія он выслушал дѣлую лекцію. Теперь он, в свою очередь, желает угостить его превосходительство своей собственной лекціей. Что такое дисциплина и что идет ей на пользу—об этом его учить нѣкому. Поэтому он еще до их разговора распорядился послать по телеграфу приказ в комендатуру Мервинска о точном исполненіи приговора в теченіе 24 часов. Лихов остолбенѣл и откинулся на спинку кресла. Шиффенцан продолжал; он осмѣлился сдѣлать это. Конечно, его превосходительство может апеллировать к его величеству, но все равно это будет уже совершившимся фактом. Может-быть, ему, ненавистному Шиффенцану, придется отвѣчать за это, пожалуйста. Он многое уже брал на свою голову. Теперь он желает имѣть только ясное разрѣшеніе вопроса. По мнѣнію его превосходительства, смерть русскаго повредит дисциплинѣ — на его же, Шиффенцана, взгляд она спасет ее, и приговор обусловлен политической необходимостью. Вот ясное противопоставленіе. Дальше. Его превосходительство отклоняет от себя всякую отвѣтственность. «Да», глухо произнес Лихов. Тогда пусть он не ѣдет в отпуск и пропустит поѣзд литеры «Д» 5 ч. 20 м. С обратным поѣздом или прямым путем в автомобиль, который каждую секунду может быть представлен в его распоряженіе, его превосходительство может вернуться в Мервинск. Там он может явиться лично в мѣстную комендатуру и устно возражать против выполненія приказа генерал-квартирмейстера или, что то же самое, против приказа главнокомандующаго. Если он, Шиффенцан, пошлет лейтенанта с десятью солдатами, чтобы добыть этого русскаго живым или мертвым, тогда его превосходительство может, став во главѣ дивизіи и учитывая всѣ послѣдствія, оказать сопротивленіе. Он может дѣйствовать открытой силой,

дѣлая удар за ударом, одним словом все, что он, с библией в карманѣ, считает за справедливое. Шиффенцан, далеко наклонившись корпусом вперед, дерзко смотрѣлъ на неподвижно стоявшаго за своим стулом Лихова. «Не правда ли, ваше превосходительство?» спросил Шиффенцан. «Вы вѣдь отказываетесь от принятія на себя части отвѣтственности и вполнѣ увѣрены в справедливости вашего дѣла по отношенію к государству»... Лихов молчал.

Вопарилась поистинѣ странная тишина, словно дѣло происходило в какой-нибудь снѣжной пустынѣ или на сѣверном полюсѣ, гдѣ нѣтъ ни шума, ни связи с міром, словно вся земля смолкла вмѣстѣ с Лиховым.

«И я, Боже», произнес он наконец. «Я прусскій генерал»..

«А тогда, ваше превосходительство, вы, конечно, поѣдете в отпуск и не будете объявлять мнѣ междоусобной войны».

Лихов кивнул головой. Он, прямо и строго входившій в эту комнату, теперь весь как-то согнулся и тяжело повернулся к выходу. Шиффенцан вѣжливо встал. Шум отодвинутаго им стула прозвучал, как грохот закрываемых ворот или как звук сильно хлопнувшей двери. В этом рѣзком шумѣ прозвучало все его торжество. Шиффенцан выпрямился и, чтобы полнѣе освѣтить свой триумф, высоко поднял абажур висячей лампы. Желтый свѣтъ освѣтил все поле сраженія.

Звеня шпорами, Лихов подошел к окну. Словно забыв об окружающем, он отдернул занавѣски и нѣсколько секунд, словно не видя, смотрѣлъ наружу. Затѣм повернулся, поднял глаза на блиставшаго упрямым торжеством побѣдителя и произнес:

«Я только старый человек, г-н Шиффенцан. Никто не может перепрыгнуть через свою собственную тѣнь, как бы мала она ни была. А моя тѣнь при мнѣ уже 72 года.»

Затѣм он приложил два пальца к шлему и вышел.

А генерал-майор Шиффенцан, широко разставив ноги, стоял и с натянутой усмѣшкой смотрѣлъ, как закрывалась дверь вслѣд за побѣжденным.

Глава 7

П О Р А Ж Е Н І Е.

Этим дѣло не кончилось. Постепенно Шиффенцан понял, что сейчас он не сумѣет сразу собрать свои мысли для разрѣшенія вопроса об Украинѣ... Он слышал как внизу рѣзко зашумѣлъ и тронулся с мѣста мотор, отвозившій на вокзал старика, но, казалось, самая душа Лихова попрежнему стояла здѣсь у этого письменнаго стола. Горжества власти не осталось у Шиффенцана и слѣда. Состояніе, которое он испытал в концѣ разговора, не удержалось в нем; оно ослабѣло, сжалось. Инцидент не был исчерпан. Шиффенцан едва не выругался. Скверно, что нервы так развинтились. Он знал, что ему нужно — больше сна. Сегодня был праздник Реформаціи. Вечером Шиффенцан должен был быть на вечерѣ у саксонских офицеров. Вечер, навѣрное, затянется, а он уже сейчас чувствовал себя совершенно изнуренным, исчерпанным до конца и нуждавшимся только в покоѣ. В сердцѣ было ощущеніе пустоты, в глазах рябило. Судорожно зѣвнув два-три раза, он лѣвой рукой раскрыл документы украинскаго дѣла, но тотчас же снова закрыл его. «Выкурить сигару». — подумал он. Износился боец. Конечно, тѣнь-тѣнью, но лишь бы он сам не упал. Да, не так-то просто «итти против рожна». С изумленіем Шиффенцан замѣтил, что он сам ударился в библейскія выраженія. Вот, чорт, засмѣялся он, доставая бутылку, стоящую в ногах постели. Шиффенцан взял со стѣнной полки рюмку, налил туда коньяку и с наслажденіем отхлебнул крѣпкой терпкой жидкости. Он чувствовал себя одновременно и взволнованным и опустошенным. В таком повышенном состояніи

да еще послѣ подобных бесѣд, не рекомендуется пристально разглядывать картинки и надписи на внутренней сторонѣ крышки открытаго сигарнаго ящика. Какой-то вдохновенный фабрикант превосходных бразильских сигар изобразил на крышкѣ ящика рыцаря. Рыцарь был в шлемѣ и панцырѣ и написан в голубых и коричневых тонах. Его глаза сурово и мрачно смотрѣли через забрало прямо в усталое лицо Шиффенцана. Перед его грудью виднѣлась крестообразная рукоятка меча, а через весь лист большими готическими буквами вырисовывалась угрожающая для врагов Германіи надпись: «Возмездіе». Альберт Шиффенцан сразу обратил вниманіе на эту надпись. Он захлопнул крышку ящика и коротко засмѣялся. «Возмездіе!» Превосходное названіе для подобных бразильских издѣлій. Он обрѣзал сигару, закурил и, с наслажденіем вдыхая ея аромат, стал ходить взад и вперед по комнатѣ. Все таки надпись на сигарной коробкѣ раздражала его. «Возмездіе». Слѣдовало назвать сигары «Камерун» или «Кронпринц Вильгельм», или как угодно, хоть «Садовая бесѣдка», только не так. Вообще идиотизм этих окопавшихся в тылу начинал принимать угрожающія формы. Это же наглость совать в глаза усталым людям коробки с такими надписями. Вот что—слѣдует прилечь: есть много о чем подумать...

Дверь полутемной комнаты тихо пріотворилась. Неслышно ступая на носках, с выраженіем крайней почтительности, фельдфебель Матц прошел к письменному столу и положил на него депешу. Это была та справка, которую Шиффенцан велѣл принести до его бесѣды с Лиховым; в ней подписями телеграфных служащих подтверждалось отправка приказа «Спит», подумал душевно тронутый Матц. «И такого человѣка я буду будить. Я еще не совсем потерял разумок. Вѣдь он работает с ранняго утра и до восьми часов вечера. Будь я свинья, если разбужу его только для того, чтобы сообщить, что снѣжная буря превратила всѣ телефонные провода по ту сторону в обрывки. Связи с Мервинском все равно больше нѣтъ, а монтеры раньше завтра-

шняго вечера не найдут поврежденій. Он даст нам побѣду и трудится за нас—ну, дай ему поспать Матц. Вселенная не обрушится, и Германія не свалится в воду, если он получит справку часом позже».

С этими словами он захватил из ящика двѣ большія бразильскія сигары, чтобы вознаграждать себя за свои похвальные мысли. Затѣм, бросив послѣдній, полный почтительнаго изумленія взгляд на спящаго, он тихо притворил за собой дверь.

Вѣтер продолжал лѣпить окна большія бѣлыя хлопья снѣга. Издали, словно крик отчаянія в борьбѣ со снѣжным заносом, донесся протяжный свист локомотива.

Г л а в а 8.

СНѢГ.

Снѣжная буря над восточными равнинами. Центр урагана сейчас гдѣ-то в лѣсах. Вокруг центра по радиусу огромной окружности, вихрем несутся над землей тучи снѣжной бури, в бѣшеном танцѣ разрѣзая воздух. Земля мѣняет свой лик, становящійся сѣдым, бѣлым. Лѣса между Мервинском и Брест-Литовском кричат и стонут под подрывами бури. Столѣтніе стволы сосен гнутся, стонут, но держатся на своих корнях. Наступает трудное время. Всѣ звѣри в своих норах прислушиваются к этому взрыву зимы. Люди в окопах с отчаяніем и яростью смотрят на начало новой зимней кампаніи. Они крѣпче натягивают рукавицы на окоченѣвшія руки, ожесточенно мѣсят ногами сугробы и подкладывают побольше дров в свои печи. А призрак метели все пляшет в лѣсах и равнинах, залѣпляя все и повсюду сплошными массами снѣга.

Снѣг над Мервинском... Город лежит, защищенный от бури отлогим склоном холма и довольно далеко от центра циклона; тѣм не менѣе в теченіе ночи

и он оказался под снѣгом. На окраинах, между желѣзнодорожными постройками, товарными платформами, сараями, бараками служащих и самим городом сильно метет. Здѣсь метель даже слегка напоминает ту пляску бури, что бушует сейчас в лѣсах. На улицѣ же самого города относительно тихо, и люди благодушно прислушиваются к турниру стихійных сил. Снѣгу выпало очень много. Начался он со вчерашняго дня и теперь лежит слоем в добрых шестьдесят сантиметров. Вопрос только в новой электрической установкѣ, в моторѣ и в динамо, дающей электрической ток. Если они выдержат, — тогда хорошо. А если нѣтъ — то впредь до починки всѣ учрежденія, бараки и тюрьмы останутся в полных потемках.

* * *

На слѣдующее утро послѣ отъѣзда Лихова по всей комендатурѣ пробѣжала вѣсть о приказѣ: не выпускать плѣннаго Бюшева сегодня из камеры. Дежурный унтер-офицер только свистнул сквозь зубы:

«Так быстро!»

На улицѣ было полутемно. Когда команда высыпала на двор для переклички, всѣ солдаты на маневр школьникова принялись играть в снѣжки и валять друг друга по снѣгу. Фельдфебель дал им работу: наблюдать за чисткой снѣга, к которой было привлечено гражданское населеніе. Затѣм, как бы мимоходом и без всякаго повода, он проронил нѣсколько слов, согласно которых Гришу не слѣдовало сегодня будить.

В камерѣ Гриши было довольно темно, и он в блаженном невѣденіи проспал почти до полудня: караульная команда и не думала будить его. В отношеніи фон-Лихова Гриша был чѣм-то вроде крота, не знающаго, что происходит в мірѣ земных богов. Гриша не знал и того, что его защитник, оставив вмѣсто себя полномочнаго хотя и молодого замѣстителя, сам отправился в отпуск. Около полудня Гриша, наконец, проснулся. Он

прекрасно выспался, но был голоден и промерз до костей; да и вообще ему стало как-то не по себѣ. Чувство времени, которое всегда бодрствует в человѣкѣ, говорило ему, что сейчас очень поздно. То обстоятельство, что никто не отпер двери его камеры и никто из команды не позвал его к завтраку удивило его. Под его ногами помѣшалась цѣлая мелочная лавочка, гдѣ были и папиросы, и хлѣб, и посуда и немного денег. Имѣть все это было вообще говоря ему запрещено. «Надо, чтобы сегодня получше протопили», подумал продрогшій до костей Гриша. Жалко, что водку из закускойной он подсунул Бабкѣ. Гриша так вѣрил в своего генерала, что скорѣе мог бы представить себѣ какой-либо непорядок в службѣ, чѣм в своей собственной судьбѣ. Он придвинул к окну табуретку: узкій подоконник снаружи был покрыт толстым слоем снѣга. Повсюду снѣг! Сердце Гриши запрыгало от радости. Снѣг напоминал ему о его роди-нѣ. Он напоминал ему о Вологдѣ, когда он еще мальчиком ѣздил по степи на салазках, запряженных собаками его дѣда. Гришѣ хотѣлось ѣсть. Чтобы обмануть голод он зажег папиросу и с удовольствием курил ее. Если бы только холод не пронизывал его так сильно! Гриша развернул шинель, которая в скатанном видѣ служила ему вмѣсто подушки и надѣл на себя. Так-то лучше, с удовлетвореніем подумал он. Посмотрим, что будет дальше. О дальнѣйшем он узнал сейчас же. Не успѣл он выкурить и третьей части своей папиросы, как в дверь его камеры постучал дневальный.

«Русскій. Ты куришь», послышался голос. «Смотри, чтобы тебя не накрыли. Я-то могу и незамѣчать этого. А вот если кто другой войдет... Ну, я тебя тогда предупрежу».

Гриша удивился:

«Открой дверь-то, камрад. Случилось что-нибудь в Мервинскѣ».

«Да, это ты правильно спросил», получился отвѣт.

«Снѣг идет», промолвил Гриша.

«И это тоже», отвѣтил другой.

«Развѣ мы сегодня не пойдём на работу. Праздник что-ли какой».

«Правильно», проворчал голос за дверью. «И праздник тоже. Сегодня праздник Реформаціи. Только в этом ты ничего не смыслишь. Ты вѣдь почти что язычник».

«Как тихо», проговорил Гриша. «А я не отказался бы позавтракать».

«Еще бы не было тихо, если вся рота на работѣ. И кофе и все другое ты получишь, только... лучше бы тебѣ подождать до обѣда. Всего какой-нибудь час, пріятель. Сейчас уже почти половина двѣнадцатаго».

«Рота на работѣ?» с удивленіем спросил Гриша. «А почему же я сплю так долго?»

Стоявшій за деревянной перегородкой не отвѣчал. Видимо он что-то обдумывал; затѣм тихо сказал: «хорошо, я тебѣ скажу. Старик уѣхал вчера в отпуск».

«Какой», наивно спросил Гриша. «Бретшнейдер?»

«Нѣ-ѣт, этот-то здѣсь. И очень даже. Твой старик — Лихов. А сейчас велѣно не выпускать больше тебя из камеры. Камера твоя — лѣтняя, так что наказаніе получилось жестокое. За что? Ну, это понимай, как знаешь. Вѣдь ты сидишь здѣсь только как послѣдственный и ничего новаго не натворил».

Слова дневальнаго с трудом укладывались в представленіи Гриши. Наконец он коротко разсмѣялся.

«Что за каналы. Генерал уѣхал, и они теперь вымещают на мнѣ. А послѣ скажут: это была ошибка или этого требовала дисциплина».

Плѣнный русскій не мог видѣть дневальнаго и поэтому на лицѣ послѣдняго появилось откровенное выраженіе тягостнаго размышленія. Затѣм он пробормотал:

«Хорошо, что ты так легко все это принимаешь. Сейчас я открою тебѣ дверь, ты сможешь умыться, а тѣм временем в твою камеру найдет

достаточно тепла. Послѣ обѣда команда будет свободна от работы, настоено будет хорошо. Если дежурный закроет хоть один глаз, то дверь к тебѣ останется открытой. Тогда, по крайней мѣрѣ, ты сможешь разговаривать со всѣми и тепло будет идти».

«Спасибо, товарищ», — отвѣтил Гриша из-за двери.

На обѣд Гриша получил похлебку из сушеных овощей и мясные консервы. К его удивленію тарелки на этот раз были полны доверху, и Гриша с удовольствіем отдал честь их содержимому.

Затѣм он вышел из своей камеры, дверь которой так и забыли запереть и направился в помещеніе для команды. Люди сидѣли кто за картами, кто за книгой, а кто писал письма. При его появленіи всѣ на секунду подняли головы и затѣм с нарочито непринужденными жестами, даже с нѣсколько суровым выраженіем вернулись каждый к своим занятіям. Из котла, стоявшаго на печкѣ, Гриша зачерпнул кружкой горячей воды и хотѣл, как обычно, выйти наружу, чтобы вылить помой. Помой эти считались драгоцѣнными, потому что шли на откармливанье трех свиней, принадлежащих ротѣ. Однако у самой двери Гришу остановил ефрейтор Захт.

«Брось, русскій, вылей эти помой в свое ведро».

«А как же свиньи», улыбаясь возразил Гриша.

«Милый человек», очень серьезно ему отвѣтил ефрейтор. «До свиней мнѣ дѣла очень мало, а тебя они и совсѣм не касаются больше. На дворѣ ты не должен показываться. С двух до трех у тебя, как и у остальных, прогулка по двору, а пока пойдй и прикурни на своей койкѣ».

По словам ефрейтора, а также по мертвой тишинѣ, наступившей послѣ этого короткаго поученія, Гриша, наконец, понял. Он слегка поблѣднѣл, но стоял совершенно спокойный и смотрѣл на Захта, который был для него почти другом.

«Теперь ты понял, что они задумали?» с презрѣніем, которое относилось, конечно, не к Гришѣ, заключил ефрейтор.

«Да», слегка поперхнувшись, отвѣчал Гриша. «Теперь я знаю». Он выпрямился и медленно вышел из комнаты, сопровождаемый взорами всѣх присутствующих. Герман Захт также посмотрѣл вслѣд Гришѣ, и затѣм отправился за ним.

«Ты спокойно можешь оставить у себя дверь открытой, русской. Надо же, чтобы человѣку было тепло. И можешь курить — мы курим также. Ни один нос не отгадает, от кого несет табаком».

«Спасибо, товарищ», отвѣтил Гриша.

К этому времени снѣжная буря разыгралась над Мервинском в полной силѣ. В камерѣ сгустились сумерки. Гриша вытянулся на нарах, подложил под голову руки и укрылся одѣялом и шинелью. А матрац-то из древесной шерсти не слишком грѣет зимой, подумал он. Сквозь оконную раму тонкими острыми струйками со свистом проникал холодный вѣтер, разгоняя облачка дыма от Гришиной трубки. Однако через нѣсколько минут тот же самый вѣтер запорошил снѣгом всѣ щели, и воздух над каменным полом комнаты стал постепенно согрѣваться. Еще нѣсколько минут тому назад Гриша чувствовал себя попрежнему в надежных руках, а сейчас он стоял уже перед лицом близкой и неминуемой смерти. Со своим здоровым, цвѣтущим тѣлом Гриша чувствовал себя словно в гробу. Всѣ счеы с жизнью были покончены. «Если даже все пропало, — с нѣкоторой горечью подумал он, — то хорошо хоть, что пришел конец!»

Жесточкая усталость и пустота внезапной зѣвотой разодрала его рот: трубка вывалилась из рук, и он погрузился в сон. И в этом мертвом снѣ одинаковую роль сыграли как обильный обѣд и ранніе сумерки, так и внутреннее овладѣвшее им оцѣпенѣніе.

Людам, много перевидавшим на своем вѣку, которым приходится принимать участіе в каких-либо неприятных событіях, рѣдко бывают нужны телеграммы или другіе официальные данные. Они и без того видят, чѣм пахнет дѣло.

Как стоявший перед угрозой разстрѣла Гриша, так и рота солдат, которые, вѣроятно, будут его разстрѣливать, знали, что им готовит судьба. Они знали это еще раньше, чѣм Шиффенпан снял с вилки телефонную трубку и послал из Брест-Литовска приказ.

Около двух Герман Захт подошел к открытой камерѣ Гриши и изумленный вернулся к дежурному:

«Русскій спит. Может - быть, оставить его спать».

«Мнѣ все-равно» — отвѣтил унтер-офицер, «но служба — службой. Тебѣ придется вывести его на прогулку».

«Да. Вѣдь за его здоровье мы отвѣчаем!» — яростно согласился ефрейтор, возившійся над замком винтовки. «Может быть, ему интересно будет взглянуть, как падает снѣг и послушать как воркуют под застрѣхой голуби или как воробьи дерутся в сараѣ или еще гдѣ-нибудь, гдѣ только можно спастись от комьев снѣга, которые сыплются сверху. . . А как ты думаешь, кто будет его ухлопывать?»

«Мы, пріятель, это наша обязанность».

«Что ж правильно», засмѣялся Захт, вѣшая на плечо винтовку. «А вот и винтовки, которыя он нам чистил».

«По крайней мѣрѣ, он будет знать, что получит чистую пулю», отвѣтил унтер-офицер. «А в память о нем мы сохраним пустыя гильзы от патронов; по крайней мѣрѣ, до тѣх пор, пока не придется стрѣлять во второй раз по такому же случаю».

«Может быть ему пока вырыть себѣ могилу? Когда земля замерзнет это будет двойная работа».

«Не остался ли у нас один из тѣх гробов, которые он наковырял сам со своим маленьким евреем».

«Есть, пріятель», подтвердил один из сидѣвших поблизости, поднимая глаза от шахматной доски. «Там осталось в запасѣ еще пять гробов:

два из них на очень большой размѣр, один из них навѣрное подойдет».

«Уже без двух минут два», взглянув на часы, промолвил унтер-офицер. «Ну, буди его и — приятной прогулки!»

* * *

«А вѣдь, дѣйствительно, погода не для прогулок», сказал про себя Герман Захт, терпѣливо шагая рядом с Гришей. Гриша ходил, глубоко засунув руки в карманы своей шинели. Шинель была плотная, ногам же Гриши, хотя онѣ были и в разных сапогах, но тоже было тепло. Он маршировал из конца в конец по длинному, деревянному сараю. Герман Захт видѣл, что он о чем-то думает. Но Гриша, в сущности, ни о чем не думал; он просто ходил взад и вперед, глядя на снѣг, на деревянные балки сарая, на птичьи гнѣзда в углу, на нахохлившихся воробьев, и слушал, как воркуют голуби и скрипят подошвы сапог. Воспринимая все это, он только спрашивал себя:

«Я умру, а все это останется? Останется!»...

Гриша с удовольствіем вдыхал холодный воздух. Долго ли он сможет им пользоваться? Надо хорошенько это почувствовать — и воздух и свои легкія. Легкія надуваются у человѣка, как мячик. Наморщив лоб, Гриша старался себѣ представить — как это может быть, что человѣкъ в один прекрасный день уже не сможет наполнить воздухом этот мяч. Минут через двадцать он повернулся к Герману Захту, жестоко мерзшему в своей тонкой шинели, да к тому же еще таскавшему при себѣ винтовку, фунтов на девять, да изрядное количество патронов.

«Пойдем обратно».

Сказано это было даже не в формѣ вопроса, а скорѣе в видѣ дружескаго приказанія. Гриша сам не чувствовал всей произошедшей с ним перемены. Спокойный и увѣренный тон, которым сейчас он давал разумный совѣтъ своему начальнику, был потерян им уже с начала своего побѣга.

Герман Захт со слегка трясущимися от холода губами, произнес:

«Да, к свѣжему воздуху надо еще привыкнуть. Но ты имѣешь право на полный час прогулки, русскій».

«Знаю», кивнув головой, отвѣтил Гриша. «Все-таки пойдем».

Герман Захт облегченно вздохнул. Минув двор, гдѣ завывала буря, они поспѣшили к дому. «Если бы ты был плохим малым, ты мог бы еще цѣлых сорок минут проманежить меня здѣсь. А я как раз хотѣл приготовить посылку и написать домой письмо. Ты совсѣм не плохой малый — странно, что у тебя жизнь складывается так скверно».

«Хорошій малый, плохой малый не все ли равно», проговорил Гриша. «Когда пришел приговор, или приказ обо мнѣ?»

«Приговор?» переспросил Герман Захт, идя за ним по крытому проходу, соединявшему главный корпус со вторым двором. «Ты ошибаешься. Ни приговора, ни приказа нѣт. Не произошло ровно ничего».

«Откуда же ты знаешь, что они меня...»

«Эх, пріятель», наставительно продолжал ефрейтор, «это же ясно. Они уже давно тянут дѣло к худому концу. Они хотят во чтобы то ни стало провести приговор. Теперь, вот твой генерал уѣхал, они и заперли тебя. Все ясно. Если бы из дивизионной канцеляріи стали о тебѣ сегодня справляться,—они сказали, что ты болен. А, может хватит наглости попросту сказать — нѣт такого. Они уж телефонировали Шиффендану, что фон-Лихов уѣхал. Что ж нам дѣлать. А им только это и нужно. Может быть дѣло пойдет иначе, но мы-то — старые солдаты. Нам это дѣло знакомо. Сами служили по этой отрасли. Эх, пріятель». Захт вдруг остановился. «А вот нам предстоит удовольствіе воевать еще одну зиму».

Послѣднее восклицаніе вырвалось у него тоном такой безнадежности, что Гриша понял: нашелся человек, который завидовал ему, Гришѣ. Хотя

первый оставался в живых, но знал, что смерти не миновать и ему. И уж лучше теперь, чѣм ждать до весны.

«Понимаю, камрад», промолвил он. «В могилѣ хоть и темно, но спокойно». Небритыя лица обоих растянулись в нѣкоторое подобіе улыбки, но в глазах — в глазах сквозило отчаяніе.

Г л а в а 9.

НОВОСТИ.

В военном отдѣлѣ мервинскаго телеграфа повсюду стучат аппараты Морзе. О дѣлѣ Бьюшева телеграфист, унтер-офицер Маннинг освѣдомлен в точности. Он знал также и об отъѣздѣ его превосходительства в отпуск; поэтому, когда около четырех, он получил подписанную генерал-квартирмейстером телеграмму, у него словно что-то оборвалось внутри. В обязанности Маннинга входило также дальнѣйшая отправка бумаги, и он узнал, что через какія-нибудь три четверти часа она будет уже в комендатурѣ. Маннинг оформил телеграмму, ватѣм вскочил с мѣста, открыл дверь и позвал своего сослуживца и пріятеля Шаубе.

«Замѣни меня», попросил Маннинг, «я скоро вернусь».

«Это каждый может сказать», отвѣтил Шаубе, надѣвая на уши слуховыя трубки. Маннинг исчез в телефонной будкѣ. Всѣ уже догадались, с кѣм хочет он говорить, раз вызвал по телефону полевой лазарет.

«Сестра Бэрб не может подойти. Тогда пожалуйста сестру Софи к аппарату».

Сестра Бэрб сидѣла в этот момент со шприцем, наполненным морфіем, у постели одного из раненых чехов, чтобы облегчить ему послѣднія муки. Несчастных солдат опять слишком поздно привезли в лазарет. Что подѣлаешь—скверная дорога.

И всё это знали. Судьба даже своих раненых немцев часто бывала не лучше.

Кусая от нетерпимия губы и отбросив так и не зажженную папироску, Маннинг ждал у аппарата.

«У телефона сестра Софи», послышался голос. «С вами говорит... Я не буду называть фамилию. Сестра, будьте насторожь. Через какой-нибудь час комендатура получит бумажонку, подписанную очень большой «фирмой». Требуется в течение двадцати четырех часов довести до сведения этой «фирмы» о разстрелъ Бюшева. Понимаете вы, сестра Софи?»

«Понимаю», подтверждает голос и по его тону чувствуется как хорошо она поняла это. Софи была достаточно сообразительна, чтобы в свою очередь, не называть имен.

«Это извѣстие», продолжал Маннинг, «должно быть безразлично для некоторых лиц, тѣм болѣе, что его превосходительство как раз уѣхал в отпуск».

«Я передам», послышался вдруг ставшій очень веселым голос Софи. Очевидно, кто-то вошел в ту комнату, догадался Маннинг. Навѣрное, какая-нибудь сестра милосердія, у которой слишком длинныя уши. «Могу я пригласить также писца Бертна?»

«Прекрасная идея», одобрил Маннинг. В отвѣтъ он услышал непринужденный смѣх Софи. «Хорошо смѣйтесь», прибавил он. «Привѣтъ Бэрб. Ну, я должен идти к своему проводу. До свиданія».

Он мог бы также не называть моего имени, подумала Софи. Однако эта мысль пронеслась вскользь — настолько она была поражена непостижимой и грозной новостью. Быстро поднявшись уже до половины лѣстницы, она почувствовала всю отвѣтственность дѣла. Военная жилка, видимо, передалась Софи по наслѣдству.

Еще по дорогѣ она поняла, что теперь ей нужно дѣлать. Софи повернулась, сбѣжала с лѣстницы, прошла по коридору и остановилась перед кабинетом всемогущаго главнаго хирурга, который

в настоящее время дѣлал обход. Как и вездѣ в учрежденіях, вход в такія святилища был запрещен, и в них можно было попасть, пройдя только двѣ-три промежуточных инстанціи. Сестра Софи нажала ручку двери, — она оказалась запертой. Тогда Софи попросту повернула торчавшій в двери ключ и смѣло открыла ее. Затѣм она откинула тяжелый занавѣс перед слѣдующей комнатой. Застигнуть ее мог только либо сам шеф, либо его ассистент: первый — раскричался бы на нее, второй — поцѣловал бы ручку. Если же сюда также противозаконно, как и она, войдет кто-нибудь другой, она холодно спросит, что ему угодно. Один момент Софи колебалась: когѣ вызвать? Конечно прежде всего ей хотѣлось переговорить с Бертином и передать потрясающую новость прежде всего ему. Ей хотѣлось, чтобы вмѣстѣ с дѣлом, которое его так волнует, он прислушался бы и к ея душевному состоянію. Затѣм она рѣшила, что переговорить с обер-лейтенантом Винфридом необходимо в первую очередь. Софи попросила позвать к телефону адъютанта его превосходительства, и возбужденным голосом передала Винфриду о приказѣ Шиффенцана. Через полчаса комендатура уже получит его.

В кабинет врача никто не входил. Высокая с зеленовато-оливковыми обоями комната пребывала в безгласных сумерках. За окном продолжал падать густой снѣг. Софи отважилась позвонить в военный суд и вызвать Бертина. Нѣжными и взволнованными словами, направленными прямо в сердце Бертина, Софи рассказала ему обо всем происшедшем. Она слышала, как его голос становился все болѣе и болѣе хриплым и тревожным, как он нѣсколько раз переспросил ее: Что? Что? Софи объяснила ему, что Винфрид уже увѣдомлен. Да, да, она сама говорила с ним. А Бертина она должна видѣть сегодня лично.

«Слушай», простонал он. «Мы погибли. Обезпечены... Во всѣх отношеніях—и в моральном и в общественном». Сегодня у протестантов был праздник в память Лютера. Сестры милосердія,—еван-

гелистки, получили отпуск на этот вечер. Замѣняли их подружки, католички и еврейки. А завтра в «День всѣх святых» или послѣзавтра, в «день всѣх усопших», католички в свою очередь могли быть свободны. Молитвенное собраніе в «Солдатском убѣжищѣ» начиналось не раньше девяти и Бертин общал обязательно притти.

* * *

Овладев, наконец, собой, Винфрид стал набрасывать на клочкѣ бумаги ряд цифр. Он сидѣлъ за письменным столом своего дяди и старался вычислить по времени—могла ли бесѣда с Шиффенцаном уже осуществиться. По его расчетам выходит, что это невозможно; он вспоминает, что фон-Лихов даже говорил о часѣ бесѣды,—не то в половинѣ пятого, не то в пять с половиной. Внезапная мысль об этом как-то рикошетом отразила ужас, испытанный им при полученіи страшнаго извѣстія. Гдѣ расписаніе поѣздов. Поѣзд литеры «Д», отходит из Брест-Литовска около половины шестого... Значит, свиданіе было половина пятого. Он придет к Шиффенцану за сорок пять минут до отхода поѣзда. «Чувствительные» люди вродѣ Шиффенцана, очевидно, сдѣлали все дѣло еще до встрѣчи с человѣком болѣе сильным. Шиффенцан вѣдь побаивается дяди. Напряженное лицо Винфрида прояснилось, у него вырвался вздох облегченія. Если Лихов энергично поговорил с милѣйшим Альбертом, то тогда уж сам дьявол должен вмѣшаться, чтобы не допустить обратнаго приказа. Бесѣда Лихова с Шиффенцаном—это лучший исход дѣла. Во-первых, в Пруссіи это принято, а во-вторых, это и в человѣческом отношеніи лучше.

Через нѣсколько минут к Винфриду позвонил по телефону Познанскій и любезно спросил: не окажет ли ему г-н Пауль Винфрид чести экстренно перешагнуть порог его недостойнаго жилища. У него, у Познанскаго, в колчанѣ припасена стрѣла. Винфрид засмѣялся. Эта стрѣла уже попала в адъютанта его превосходительства. Впрочем, дѣло не

так плохо. Пойдет он к г-ну совѣтнику с удовольствіем, хотя прямо изнемогает от массы работы. Конечно, слѣдует договориться о том, что принять к завтрашнему дню. Одним словом, он сейчас уходит со службы и быстрым темпом направляется к нему.

В отвѣтъ на это Познанскій почтительнѣйше попросил г-на обер-лейтенанта оказать ему услугу. По своей странной привычкѣ он предварительно сильно высморкался. Не может ли г-н обер-лейтенантъ перед уходом узнать официально у фельдфебеля, посылался ли Папроткин сегодня, как обычно, на работу.

Винфрид поздравил Познанскаго с такой блестящей мыслью. Через пятнадцать минут он будет у г-на совѣтника и в свою очередь почтительнѣйше просит приготовить ему чашку чаю. Затѣм, Винфрид прошел двѣ пустыя комнаты и присѣлъ на край длиннаго стола, за которым сидѣлъ вице-фельдфебель Понт. Зеленый колпак лампы был низко спущен, а сам Понт прилежно занимался изученіем двух фотографій мервинской синагоги. Время службы было как будто кончено, кто же мог взять на себя смѣлость задерживать фельдфебеля.

На вопрос Винфрида Понт изумленно взглянул на свое начальство: «Нѣтъ, русскій сегодня не являлся ко мнѣ. Навѣрное он был в военном судѣ».

«Нѣ-ѣтъ», протянул Винфрид. «И там его не было».

«Они должно быть совсѣм перестали считаться с нами, как только его превосходительство уѣхал?» спросил фельдфебель.

«По своему почину они уже не обращаются к нам».

«Как кот со двора, мыши во двор», засмѣялся Винфрид.

Понт покачал своей большой коротко остриженной головой, с начавшими серебриться висками.

«Позвольте, г-н обер-лейтенантъ», проговорил он. «По своей инициативѣ они нам ничего не говорят. Нѣтъ, тут что-то спрятано, как говорит мой

старшій сын в таких случаях. А ему уж два года», не удержался, чтобы не прибавить движимый отцовским чувством фельдфебель.

«Тогда его мнѣніе достаточно авторитетно», заключил Винфрид, «Позвоните все-таки туда, Понт».

На запрос фельдфебеля из канцеляріи комендатуры отвѣтили:

«По приказанію г-на ротмистра подслѣдственный плѣнный Бьюшев не покидал сегодня своей камеры. На это, вѣроятно, были достаточныя основанія. Между прочим, только что из Бреста получена телеграмма, касающаяся этого человѣка, но говорить об ея содержаніи канцелярія не вправѣ».

«Да», насмѣшливо отвѣтил Понт. «У шикарныхъ людей шикарные и родственники. Все-таки что же вы хотите с ним дѣлать?»

Собесѣдник Понта унтер-офицер Лангерман не могъ дольше сдерживаться. (За его ревностное усердіе по службѣ, онъ три недѣли тому надъ получилъ напивки на рукава.) «Разстрѣляютъ его», вырвалось у Лангермана, «в теченіе двадцати четырехъ часов».

«Да ты ополоумѣл, парень!» По полученному возгласу Понта, который даже сразу перешел на свое нижнерейнское нарѣчіе, Винфридъ понялъ, о чемъ шла рѣчь.

«Мы уже знаем, знаем», прошептал онъ ему на ухо. «Они хотятъ похоронить его...» Затѣмъ онъ взял трубку изъ рукъ Понта и небрежно назвалъ себя.

Винфридъ говорилъ со спокойствіемъ и хладнокровіемъ, которое онъ сохранилъ в себѣ еще со времени обороны отъ танковъ при Позьерскомъ кладбищѣ в дни сраженія на Соммѣ.

«Я долженъ обратить ваше вниманіе на то», сказалъ онъ, «что его превосходительство сегодня в половинѣ пятаго имѣетъ собесѣдованіе с г-номъ генерал-квартирмейстеромъ. Всякая поспѣшность можетъ имѣть крайне тягостныя послѣдствія для всѣхъ отвѣтственныхъ лицъ».

Кандидатъ филологическихъ наукъ Лангерманъ почтительно щелкнулъ каблуками, но побѣдоносно отвѣтилъ:

«В приказѣ говорится о двадцати четырехъ ча-

сах, г-н обер-лейтенант. До истеченія этого срока, г-н обер-лейтенант может быть увѣрен, что никакой опрометчивой послѣдственности не произойдет. Г-н генерал-квартирмейстер берет отвѣтственность на себя», прибавил он тоном игрока, который долге берег у себя козырнаго туза, чтобы, наконец, с наслажденіем раскрыть его при рѣшающей взяткѣ.

«Прекрасно», высокомерно бросил обер-лейтенант Винфрид и повѣсил трубку.

* * *

Гриша находил, что в его камерѣ довольно прохладно. Хоть бы она была рядом с вахтенной, откуда шли в разныя стороны три коридора с камерами! Однако за послѣднія двадцать ночей эти коридоры были так настужены, что холод из них, вѣроятно, не удастся выгнать вплоть до самаго лѣта: «А к слѣдующему лѣту я буду выглядѣть довольно скверно», подумал Гриша, прекратив на минуту свое хожденіе взад и вперед по камерѣ. Слѣдующее лѣто! Ему приходилось видѣть трупы пролежавших в землѣ зиму и весну и поднятых из нея при рытьѣ окопов или в силу иной случайности. Эти трупы еще сохранили форму, но представляли собой далеко не прекрасное зрѣлище. Да, но какой смысл отворачиваться от того, чѣм будет он сам? А будет он совершенно таким же разложившимся трупом. Надо имѣть мужество и этому зрѣлищу посмотреть прямо в глаза... Борода у него отрастет, о глазах едва ли может быть рѣчь, язык, вѣроятно, высохнет, вывалится изо рта или сгниет. Волосы еще останутся, но живот провалится под мундиром, если только послѣдній на нем оставят. Обывательская черточка вдруг заговорила в Гришѣ, и он рѣшил, что должен быть погребен, по крайней мѣрѣ, в штанах и рубашкѣ. Так уж положено, и он знал, что его послѣдняя воля будет исполнена: быть похороненным в сапогах и мундирѣ, одѣтым с головы до ног и положенным в один из тѣх гробов, которые дѣлал сам. Он не хотѣл, что-

бы его, как обыкновеннаго плѣннаго, бросили по-свински, полуголым в яму.

Наконец, мороз пробрал-таки его. Он открыл дверь, стал у порога камеры и обвел взглядом длинный, хорошо знакомый коридор, мягко освѣщенный тремя электрическими лампочками. От печи шло сильное тепло, и Гриша с удовлетвореніем что-то буркнул про себя. Затѣм он поставил табуретку у двери, прислонился спиной к стѣнѣ и стал ждать, когда его отсюда прогонят. Однако, никто и не думал этого дѣлать. В силу общаго молчаливаго соглашенія, солдаты старались не замѣчать Гришу. Послѣ нѣскольких секунд колебанія к ним присоединился и дежурный унтер-офицер. Русскій столько времени был почти их товаришем. Ну что можно было с ним сдѣлать? — дать нагоняй самое большее. Если только не превратиться вдруг в круглаго идіота, то положительно нельзя понять, с какой стати сейчас взять и облаять его, как грязную портянку. Гришѣ были пріятны тепло и свѣтъ и коридорѣ. Ему не хотѣлось только видѣть людей. Вѣдь он должен был многое обдумать, и без людей это было легче. Табак у него был, а это самое главное: в противном случаѣ он мог занять или купить его. Впрочем, покупать ему не хотѣлось: он берег каждый пфенниг для Марфы Ивановны и своих малышей. Капиталы его хранились в канцеляріи комендатуры: 63 рубля кредитками, сбереженные от его жалованья, и 16 нѣмецких марок. Все это они должны или вернуть ему или послать Марфѣ Ивановнѣ. Гриша знал, что деньги будут посланы через Швецію. Там сидят разумные люди, отстранившіеся от участія в этой войнѣ. Благодаря им человѣческія отношенія еще не окончательно исчезли с лица земли. Даже передача каких-нибудь пустяков дѣлала их звеном, соединявшим помѣшанна на войнѣ страны. «Эх, если бы попасть на родину», со вздохом подумал Гриша. И в путь-то он отправился только, чтобы найти, наконец, покой и мирно жить около своей жены и дѣтей. А война поймала его в западню, в ров, из котораго

нѣтъ выхода. Гриша почувствовал себя словно загнанным волком, котораго заманили на приманку в овраг с глинистыми стѣнами. В одном концѣ оврага — высокій вал, а с другого не торопясь идут охотники. Они видят, как ошестинившійся звѣрь поворачивает голову то вправо, то влѣво. Наконец волк дѣлает послѣдней отчаянный прыжок на глинистый вал, карабкается по скользкой стѣнкѣ и достигает вершины. На этот раз он не сорвался вниз. Вся эта картина представилась Гришѣ, как наяву, вполне реальной. Он понял: это глубоко затаенная мысль о побѣгѣ давала знать о себѣ. Однако Гриша безнадежно потряс головой. Вѣдь волк избѣжал этих охотников, только чтобы попасться слѣдующим. Сейчас вездѣ от Мервинска до фронта в самых неожиданных мѣстах расположены новые военные лагеря, а по дорогам повсюду конные патрули, жандармы и отпускные, идущіе на станцію или возвращающіеся с нея. Ясно и понятно — только дурак может думать о бѣгствѣ. Сознаніе этого пришло к Гришѣ вмѣстѣ со вздохом облегченія: не хочет он больше. Кость устала от грызни собак... Герман Захт сказал ему, что он хорошій парень. Гриша бросил взгляд в сторону помещенія для команды. Там на свозах койках из древесной шерсти, бумажных волокон или на «пружинных» матрасах, в видѣ проволочных садовых рѣшоток лежали нѣмецкіе солдаты и читали. Коекто сидѣл у стола за письмами или за игрой в карты. Часть болтала между собой и всѣ сплошь курили. В воздухѣ, и без того испорченном от дыханія такого количества людей, поднимались сѣрые клубы дыма. А что они всѣ — дурные люди? Если он, Гриша, подойдет сейчас к выходной двери и откроет ее, то ефрейтор Захт, лежащій на своей койкѣ в полной формѣ, выскочит за ним со своим ружьем. Если затѣм Гриша пробѣжит по крытому проходу через первый двор и направо к воротам, — за ним послышатся крики: «стой, стой!» Затѣм он услышит хорошо знакомый треск и выстрѣлы из винтовки. Может быть, пуля пробьет ему спину, а может быть... и нѣтъ по

счастью. Положим, он бѣжит дальше. Услышав выстрѣлы, а может быть и до них, всѣ эти солдаты с холодным оружіем в руках, с озлобленными или улыбающимися лицами побѣгут за ним. В концѣ концов они к своему великому удовлетворенію найдут его на землѣ окровавленным бьющимся в судорогах или неподвижным, с лицом, уткнувшимся в камни и в грязь мостовой. Или в снѣгу. Да, теперь, конечно — в снѣгу. Всѣ эти люди не были дурными. Гриша знал их всѣх. Они не были ни дурными, ни хорошими: просто в нужную минуту они были способны дѣйствовать соответствующим образом. За их спиной был кулак начальства, а перед ним они трепетали куда больше, чѣм перед таким дѣлом, как убійство человѣка. Каждую минуту совершенно то же совершали на землѣ двадцать милліонов, а четыреста милліонов людей обоого пола считали это благодѣтельным, нужным и само собой понятным. Гриша повторил себѣ: если человѣкъ бѣжит на волю, потому что не хочет быть в теченіе двух суток убитым, то его все-таки убивают. Убивают же его не дурные и не злые люди: значит таких вообще не существует. Это он уяснил себѣ твердо. Хорошій ли человѣкъ он, Гриша, который сидит здѣсь со своей изогнутой трубкой под носом, — этого никто не может рѣшить да и никому нѣтъ дѣла. С другой стороны, дурным он был так же мало, как и всѣ остальные. Вот он невинен, и все-таки его убивают. Значит, быть хорошим и дурным, быть разстрѣлянным или остаться в живых — всѣ эти вещи совершенно не связаны между собой. Это понял бы и слѣпой. Значит, Господу Богу уже не разрѣшают вмѣшиваться, а о Бабкином чортѣ и говорить не приходится. По настоящему об этом должны знать евреи: у них есть особыя книги. Но позвольте спросить: вот его убьют и притом довольно скоро — какой тогда для него будет толкъ в их знаніи? Жизнь идет так, что шевинный человѣкъ будет здѣсь разстрѣлян — вот что важно. А пахнет это гораздо больше чортом, чѣм Богом. Гриша нисколько не был удивлен, что он так

страстно вдруг стал разбираться в подобных вопросах. Почему бы и нѣтъ, спросил он себя. У человѣка, который стоит перед смертью, конечно, может оказаться время и для Бога и для чорта. Убить невиннаго — очень похоже на этот мир; однако Гриша видѣл разницу между смертью в бою и торжественным разстрѣлом ни за что, в полном смыслѣ этого слова. Что это была за разница, Гриша не умѣл ни продумать, ни выразить словами; он просто видѣл, что эти вещи различны между собой, как яблоко и вишня. Вишня, — это смерть в бою, это одно дѣло. Яблоко — это значит быть невинно разстрѣлянным, дѣло уже совершенно другое. Вдруг что-то судорожно и болѣзненно взбунтовалось в нем против чинимаго над ним насилія. Не самый разстрѣл был здѣсь наихудшим, нѣтъ, — а то, что это было безвинно, бессмысленно, без основанія. Вот тут было от чего полѣзть на стѣну.

Гриша согнулся на своей табуреткѣ и полусонно закрыл глаза. Перед ним снова поплыли картины; на этот раз это были воспоминанія. Все-таки он оставался героем, храбрым солдатом. Он умѣл мѣтко стрѣлять из винтовки, и знал, как обходиться с ручными гранатами. Ему вспомнилось, как при взятіи Новогоріевска какой-то маленькій и молодой унтер-офицер с четырьмя солдатами изо всѣх сил, задыхаясь, вбѣжал под прикрытіе. Хладнокровно брошенная Гришей ручная граната упала, как камень, среди воробьев, взорвалась и ни один из тѣх не ушел невредимым. Всѣ остались на мѣстѣ. Да, он был опредѣленно не плохим человѣком, но лучше все-таки не называть по имени то, что он дѣлал. Он повѣрил когда-то военному уставу, гдѣ говорилось о храбрости за царя, за родину и о долгѣ солдата, ну — результаты учили другому. А что говорил Тевье? Кто прольет человѣческую кровь, кровь того также будет пролита людьми. Вот в чем дѣло. Здѣсь ничего не говорилось о добрѣ и злѣ. Здѣсь не было сказано: если дурной человѣкъ прольет человѣческую кровь, то его кровь будет пролита хоро-

ними людьми или наоборот. Было сказано просто: если кто прольет чужую кровь, и его кровь будет пролита, кто ударит, тот получит удар обратно. Весь человѣческій род пролил людскую кровь — значит, весь он должен изойти кровью. Каплями или рѣками крови, это не важно как, но все должно идти по справедливости. Гриша удивился сам той легкости и умиротворенности, которыми он почувствовал. Он встал и попросил Германа Захта выйти с ним наружу, чтобы глотнуть немного свѣжаго воздуха. На дворѣ были уже голубые сумерки, а ночной воздух был свѣжим и легким. Гриша взял пригоршню снѣга и стал его ѣсть.

«Вкусно», с улыбкой замѣтил он Захту.

«Пить от него хочется», отвѣтил нѣмец, который во время своего похода по Сербіи достаточно намучился от этой жажды.

«Ничего», засмѣялся Гриша, «он чистый. Этот снѣг, как хорошая постель — так и хочется в него лечь».

Затѣм он задумчиво взглянул на Захта:

«Если придет эта старуха, Бабка, я мог бы с ней поговорить?»

«Конечно», отвѣтил ефрейтор. «О том, чтобы не допускать посѣтителей, в приказѣ ничего не сказано. Но раньше шести она никогда не приходит, боится встрѣтиться с начальством».

* * *

Было время вечерняго перерыва между службой. Познанскій сидѣлъ за своим столом, Винфрид — на кушеткѣ, а Бертин бѣгал взад и вперед по комнатѣ.

«Альберт послал свою телеграмму, когда он еще и в глаза не видѣлъ Лихова», промолвил Винфрид. «Его указ помѣчен половиной четвертаго. Дядя же приглашен в половинѣ пятаго. Шиффенцан поступил, как нервный школьник. Если учитель пристыдит его, он возьмет обратно всѣ слова и будет утверждать противоположное. Я увѣрен, что он еще до ужина кассирует свою телеграмму».

Познанскій на этот раз был в унылом настроеніи, что всегда выражалось у него в обиліи афоризмов. «Вашими бы устами, да мед пить», замѣтил он.

Затѣм Винфрид, уже собираясь уходить, вызвал по телефону унтер-офицера Маннинга. Он дал ему знать, гдѣ будет находиться на тот случай, если от его превосходительства придет телеграмма, адресованная ему или в комендатуру. «Вечером в офицерском собраніи, а около одиннадцати — в Солдатском домѣ — есть такое саксонско-протестанское учрежденіе», весело проговорил он в телефонную трубку. «Если будет желаніе — приходите туда. Там будет нѣсколько сестер милосердія, музыка; будет очень мило. Позднѣе же звоните ко мнѣ на квартиру».

Маннинг происходил из зажиточной интеллигентной семьи берлинских коммерсантов, без поддержки которых не обходился ни один из театров Берлина. Винфрид ожидал услышать в отвѣтъ какую-нибудь небрежную и смѣлую остроту, но вмѣсто этого послышался крайне озабоченный голос:

«К сожалѣнію, г-н обер-лейтенант, я вполне могу уйти со службы даже во время ея. Все сообщеніе с Западом прервано из-за метели. Мы сидим здѣсь и ничего не дѣлаем».

«Что?» растерянно крикнул Винфрид и притом так громко, что у испуганнаго Познанскаго выпала из рук сигара. Маннинг на основаніи послѣдних свѣдѣній сообщил Винфриду о границах поврежденной бурей области. Связь с Западом не может быть восстановлена ни в коем случаѣ. По всей лѣсной области между Бакла и границами губерніи телефонные провода представляют собой клубки спутанной проволоки. До завтрашняго утра ни один из монтеров не высунет носа наружу. Послѣднія же извѣстія пришли около половины пятого.

«Если связь будет прервана надолго, то Брест, вѣроятно, пришлет летчика».

«Великое небо», пролепетал Винфрид. «Значит,

тот парен погяб». Он вытер внезапно выступившій на лбу пот.

«Как? Скажите же что-нибудь!» осаждал его вопросами Познанскій, «Они выключили нас?»

Винфрид объяснил им, что произошло.

Всѣ трое с бессильной яростью смотрѣли в окно, за черным четырехугольником котораго лежали снѣга. И этот самый снѣг они каждый на свой манер еще так недавно благословляли, как избавителя от мерзвянской пыли, сѣрости и грязи.

Познанскій, наконец, пришел в себя. «Тут ничего не сдѣлаешь», сказал он. «Один из нас должен поговорить с Бретшнейдером. Если он хоть сколько-нибудь разумен, то он подождет до вторичной телеграммы. Если же его превосходительство не протянул своей руки, тогда этот Ирод вполне может повторить избиеніе младенцев».

«Нѣтъ», слабо улыбнулся Бертин, «роль Ирода исполняет другой».

И всѣ трое увидѣли тетрарха, сидящаго на своем тронѣ, увѣнчаннаго митрой, с отвисшими щеками и носом поцугая со знаками отличія и в—образѣ генерал-майора Альберта Шиффенцана.

Г л а в а 10.

БАБКА ГОТОВИТСЯ.

Как часто бывает, о судьбѣ Гриши меньше всего подозрѣвал наиболѣе близкій ему человек, Бабка. По вечерам она приходила в жарко нагретое помѣщеніе для команды, гдѣ в сторонкѣ, у стѣны, сидѣл по обыкновенію Гриша, наслаждаясь теплом. Бабка здоровалась с знакомыми, и солдаты, которые при их монотонной жизни, бывали рады всякому развлеченію, кричали ей «алло» и ждали от нея новостей. Уже привыкшая торговать, Бабка почти всегда приносила с собой — зимнія яблоки, папирасы, русскія булки, а также особенно аппетитные пироги с капустой или творогом, испе-

ченные на дешевом салѣ из бѣлой муки. В силу недостатка продуктов, имѣть чистую бѣлую муку запрещалось специальным приказом, поэтому такую муку можно было доставать только контрабандным путем. На каждую шутку солдата у Бабки находился лаконичный, но мѣткій отвѣт. Никто не мог отрицать того, что она пополнила, но никому также не могло притти в голову, что она уже седьмой мѣсяц как носит у себя под сердцем ребенка. Как и у многих женщин, беременность Бабки в силу ея конституціи была мало замѣтна. Команда уже не считала Бабку старухой, хотя еще менѣе могла назвать ее молодой. В своих солдатских сапогах, в грубой юбкѣ и простом платкѣ она была для них только поставщицей товаров, а привычка притупляла в них возможность видѣть в ней женщину.

К вечеру того дня, когда Гришу не выпустили из его камеры, Бабка съѣла подлѣ Гриши и испытующе взглянула на него. Лицо Гриши показалось ей осунувшимся, но было спокойно и носило на себѣ какое-то особенное выраженіе. Гриша грубо и просто передал ей все происшедшее. Хотя извѣстіе о телеграммѣ Шиффенцана и не дошло до команды, но Бабка была убѣждена чутьем, что пришел какой-то приказ. Не требовалось даже особых доказательств, чтобы эта мысль в ней укрѣпилась. Да такова жизнь. Об этом Бабка знала уже давно и сказать ей что-нибудь новое было довольно трудно. Чья-то рука сжала ея сердце; невольная тяжесть на душѣ перехватила дыханіе. Она поняла, что час для дѣла освобожденія настал; ея вмѣшательство, если бы оно дажешло против желанія Гриши, становилось неизбѣжным. Нѣсколько раз Бабка глубоко вдохнула в себя воздух. Наконец ей стало лучше; она боялась только одного — повредить блаженно спавшему в ней ребенку. Конечно, говорить что-либо Гришѣ не стоило: это то же, что убѣждать ее неродившагося младенца. И тот и другой были заключены каждый в свою темницу: каждый должен был вырваться на свободу и никого из них нельзя было ни о чем спрашивать. Бабка спокойно посмотрѣла в сторону сол-

дат и пересчитала их. Ея приправленная травами водка была на вкус превосходна. Если двери будут по обыкновенію не заперты, то в какіе-нибудь пятнадцать минут Гриша будет свободен. Правда, достаточно легких признаков отравленія у перваго же из солдат, чтобы сбѣжались люди из других помѣщеній, но об этом Бабка не думала. Вообще тюремный распорядок, по которому всѣ части мгновенно связывались в одно цѣлое, не был ею предусмотрен. Единственное, что она примѣтила, это кратчайшую дорогу от вахтенной комнаты через второй двор к воротам. Затѣм, идя вдоль стѣны, можно было повернуть в один из переулков. А там пусть нѣмцы попробуют его отыскать. Потирая руки, она спросила Гришу:

«Когда?»

В отвѣтъ Гриша сказал ей:

«Вот видишь, Бабка, так мнѣ гораздо больше нравится, если женщины спокойны. А когда? — этого никто не знает. Перед этим еще должны быть выполнены разныя формальности. Могу сказать, что завтра утром — навѣрняка нѣтъ, так что я могу спать спокойно. Завтра днем — тоже еще нѣтъ: это время не совпадает там у них с распредѣленіем службы. Послѣзавтра они еще смогут наладить дѣло. Тогда завтра фельдфебель оповѣстит об этом и приготовит людей... Знаешь», вдруг сказал он, подымаясь с мѣста, «сейчас я хочу спать. Может быть это и глупо, я знаю, но я страшно устал. Если бы ты могла посидѣть около меня, тогда я заснул бы еще лучше. Вот ты носишь от меня ребенка, а у Марфы Ивановны ея малыш навѣрное уже ползает и прыгает по избѣ. И ни того, ни другого я не увижу». Гриша положил руку на голову что-то жевавшей Бабки и прибавил: «Вот заключат мир, поѣзжай с твоим дитем в Вологду. Ты и представить не можешь, как это далеко отсюда. Хотя все равно, по желѣзной дорогѣ можно доѣхать и дальше. Покажите друг другу своих ребят да выругайте меня, как слѣдует». Гриша улыбнулся, пожал Бабкѣ руку и отправился к себѣ. «Завтра,

пожалуйста, приходи во-время», бросил он ей через плечо, кивнул еще раз головой и исчез в темном проходѣ, слившись с царившим там холодом и мраком.

Бабка неподвижно смотрѣла ему вслѣд. Неужели это и есть ея болван-солдат? Сколько должно быть он пережил. К нему прямо не знаешь, как и подступиться. А что... если и двери будут открыты, а он все-таки откажется бѣжать. Бабка содрогнулась от страха. Причина и страх перед неудачей коренились именно в этом. Однако, она утѣшала себя: завтра, как подопрет ему к глоткѣ он поймет и согласится бѣжать. Бабка вздохнула: материнскія чувства смягчили ея сердце и ей становилось жаль солдат, которым ея сладкая зеленая водка может быть до смерти искалѣчит желудки. Для того чтобы отправить человѣка на тот свѣтъ, хватит одной или двух рюмок: бѣлены, дурману, паслену и бѣшеной вишни примѣшано в водку в достаточном количествѣ. Конечно, эти парии довольно выносливы, но, если даже дѣло ограничится у них простой рвотой, она возьмет Гришу за шиворот и просто вытащит его из тюрьмы, как маленькаго щенка. Солдаты же навѣрное оправятся, и им же будет лучше, потому что они получают отпуск. Слабо улыбаясь и кивая головой во все стороны, эта «чудная тетка», как называли Бабку солдаты, вышла со своей корзинкой из комнаты. Снѣг продолжал падать мѣрно и неуклонно и, казалось, грозил итти до безконечности. Вѣтра не было и поэтому воздух, искрившійся при свѣтѣ фонарей, стал много теплѣе. Нижнія вѣтви каштанов, электрическіе и телефонные провода сгибались под тяжестью налипшаго снѣга и были натянуты до предѣла. У ворот Бабка перекинулась, по обыкновенію, нѣсколькими словами с сидѣвшим в своей будкѣ часовым и пожелала ему спокойной ночи. Часовой снова остался один. От скуки он переводил взгляд с одного прохода на другой. Проволоки были из простого желѣза: мѣди не было уже давно. Если снѣг будет итти еще долго, то онѣ обязательно гдѣ-нибудь перервутся. Может быть

ему повезет и это случится во время его дежурства — тогда весь корпус сразу останется без свѣта. И часовой угѣшался этой картиной, пока, наконец, ему не надоѣло.

Тѣм временем сознание Гриши блуждало в обманчивых чертогах сновидѣній... Гриша бросился в объятія сна, как мальчик бросается в душистое сѣно. Из окна больше не дуло; из коридора все время шло тепло, и воздух в его камерѣ становился относительно теплым. Сняв сапоги и подложив под голову вмѣсто подушки бѣлье, Гриша укрылся одѣялом и шинелью. В комнатѣ, в которой лежал свернувшись, как куколка мотылька, осужденный, стоял запах табачнаго дыма и сырости; но он перестал замѣчать дѣйствительность и жил только сновидѣніями. Близость смерти дѣлала в нем свое дѣло.. На сѣром, исхудавшем лицѣ осужденнаго появилось какое-то подобіе улыбки. Он пил на «брудершафт» с тѣми, кого он когда-то убил в боях. Всѣ они сидѣли за грубыми длинными столами, стоявшими на красной от крови землѣ, и черпали из больших кипящих котлов кофе, которое также было кровью. Здѣсь были нѣмцы в своих сѣрых шинелях, французы в голубых мундирах и шлемах стального цвѣта, егры, всѣ в формах коричневаго хаки, австрійцы и русскіе, и среди них — Гриша. Когда-то всѣ они убивали друг друга, а сейчас в этом солдатском раю или, вѣрнѣе, в солдатском аду поднимали друг за друга бокалы. Вся пролитая ими кровь была собрана в один огромный котел и была сладкой, как пунш. Гришѣ казалось, что она пьянит и клокочет в жилах сильнѣе, чѣм даже вино на праздникѣ генерала. Он встал на лавку, протянул руку с горячей желѣзной кружкой и обратился к остальным с восторженной рѣчью:

«Братцы! — крикнул он по-русски, — хорошо нам сейчас. Наконец-то мы пьем всѣ вмѣстѣ, и каждый освободился от проклятой жизни. Она и без войны не была нам сладкой, а теперь мы дышим свободно. Пью за вас, други». Он протянул свою кружку и с радостью видѣл, как остальные вскочили и чокались с ним: и нѣмцы с Карпат; и

тѣ пятеро из Новогеоргіевска, и австрійцы, убитые в большом сраженіи под Лембергом; и всѣ они стали чѣм-то единым, эти поистинѣ блаженные, мертвые. Гриша с наслажденіем пил горячую, сладкую кровь. Ни одного офицера, даже фельдфебеля не было между ними. «Тѣ, навѣрное, гдѣ-нибудь в особом отдѣленіи», подумал Гриша. Здѣсь же были только унтеры и рядовые всѣх родов оружія. Потом всѣ заплѣли, и пѣсня их была та самая, что звенѣла, когда Гриша в одну из морозных ночей, при голубоватых отблесках снѣга, разрѣзал первое проволочное загражденіе лагеря военноплѣнных. Он лежал, а перед ним было пустое пространство, синее, как труп, и серебристое, как рыба чешуя... Пахло цвѣтами миндаля и сладким запахом разложенія, а Гриша с узлом на спинѣ, в котором была увязана вся его прошлая жизнь, гигантскими шагами, как на коньках, летѣл по нескончаемой плоской равнинѣ. Лоскут за лоскутом рвал вѣтер его мундир, срывал мясо и кожу с костей и, когда он достиг окопов на опушкѣ лѣса, это был лишь скелет на коньках и с большим круглым мѣшком на спинѣ. А мѣшок этот был — Бабкин живот, внутри котораго рос ея еще нерожденный младенец. Гриша страстно желал увидѣть его, пока еще не порвалась послѣдняя связь между частями скелета и он не превратился в беспорядочную бессмысленную грудку костей. Однако воспоминаніе о маленьком Гришѣ пропало, а сам он лежал внутри пронзившей его тѣло пули. Ему было тепло и покойно: чудесным образом сохранившійся внутри полой пули, он лежал и ждал, когда прорвется наконец, оболочка и он, как ласточка, вылетит на свободу.

В таких сновидѣніях протекла вся ночь...

Глава 11.

ЗАСѢДАНІЕ ВОЕННАГО СУДА С МУЗЫКОЙ

Мириады чистых снѣжинок красивыми кристаллами продолжали беззвучно падать из охлаждающихся слоев атмосферы.

Длинные стѣны зала «Солдатскаго убѣжища» были украшены гирляндами из дубовых листьев, сдѣланных из зеленой бумаги. Такія же гирлянды обрамляли и плакаты, гдѣ красными буквами были сдѣланы гордые надписи с именами завоеванных крѣпостей от Льежа до Мобежа. Под потолком тянулась черная металлическая труба от огромной желѣзной печи.

Хорошим началом для богослуженія послужил исполненный присутствующими хорал. Затѣм пастор Людеке в краткой, но прочувствованной рѣчи говорил о Божьем человѣкѣ Лютерѣ. Лютер, по его словам, считаясь с нелюбовью нѣмцев ко всяким новшествам разных фантастов, только затемнявших чистоту ученія, мужественно выступил против послѣдних; хотя сам считался реформатором. Поэтому Лютер и признал германских князей, как поставленных самим Богом начальников над церковью. Послѣ проповѣди всѣ провозгласили «ура» кайзеру и стране вѣрующих было закончено нѣсколькими строфами «Вѣнденосному побѣдителю слава Тебѣ». Кромѣ гирлянд огромное бочкообразное помѣщеніе было украшено портретами вождей и черным крестом над головой проповѣдника. В первом ряду сидѣло изрядное количество чиновников офицерскаго ранга, а за ними человѣк шестьдесят рядовых. Послѣдніе пришли сюда больше из-за чашки сладкаго чая, подававшася помощницами пастора послѣ молитвеннаго собранія. Кромѣ того, сидѣть в этом «убѣжищѣ», несмотря на его благочестивую тупость было все-таки болѣе пріятно, чѣм в казармах. Нѣсколько позже организовались танцы с унтер-офицером Маннингом в видѣ тапера: свѣтскій дух в войсках требовал своей доли. Танцевать можно было конечно только вальсы. Управительница «Убѣжища» графиня Клейнинген, бывшая здѣсь, повидимому, как раз на своем мѣстѣ, не могла допустить никаких других (развратных по ея мнѣнію) танцев.

Дверь в сосѣднюю с залом комнату, бывшую своего рода «святая святых» была открыта и это позволяло сидѣвшим там наблюдать за «моло-

дежью». Графиня со сладкой улыбкой обратила внимание пастора на характерное обстоятельство: число присутствующих изрядно увеличили собой посѣтившіе убѣжище израелиты. Жаль только, что они пришли уже по окончаніи духовнаго праздника. К числу этих израелитов принадлежали Познанскій со своими выпуклыми глазами за жестокими толстыми стеклами очков и писец Бертин, пришедшій вмѣстѣ со своим шефом. Обер-лейтенантъ Винфрид вальсировал в это время с сестрой Бэрб. Внезапно появилась и фигурка сестры Софи, которую до сих пор никто здѣсь не видѣлъ. Странным это не могло показаться: фрейлен фон-Горзе по свойственной ей скромности могла с самаго начала просидѣть гдѣ-нибудь в углу с больничными сидѣлками и слушать слово г-на Людеке, которое вышло у него сегодня особенно прочувствованным.

Сестры из «Убѣжища» разливали чай в принесенныя с собой каждыя жестыя кружки. Чай был очень горяч, так что лица не освѣдомленныя об этом, обжигали себѣ губы. Костюм унтер-офицера Маннинга с каждым днем все больше и больше приближался к офицерскому. Пастор с неодобрѣніем указал на это графинѣ, но она нашла возможным извинить провинившагося Маннинга свойственным всѣм берлинцам неумѣньем различать всѣх тонкостей такта. Винфрид и Бэрб захыхавшіяся присоединились к Бертину, побыли нѣкоторое время с Познанским, а потом отправились дразнить Маннинга. Графиня и пастор возбужденно ждали, не пройдет ли мимо их двери адіютантъ его превосходительства. А сестра Бэрб Озанн, неужели она так невѣжлива, что откажется выразить свою почтительность перед дамой, которая много старше ея и перед которой дрожали всѣ сестры «Убѣжища»? О, как часто эта старѣющая дама умѣла превращать свои слова и сладкія улыбочки в штыкъ и не только пронзять им сердце болѣе молодой души, но и повернуть его там раза два! Подумайте только! Всѣ нашли нужным, не ограничиваясь бѣглыми привѣтствіями посидѣть в обществѣ двух лиц, замѣнявших собой как бы хо-

заяв в этом домѣ, и только этот Маннинг продолжал сидѣть у своего фортепiano, да еще с руками в карманах, что окончательно шло в разрѣз всѣм правилам, предписанным для нижних чинов.

«Маннинг, — попросил Винфрид, — сыграйте что-нибудь на этих цимбалах. Что хотите. Нам нужно только выманить этих двух аллигаторов из их норы. На нѣсколько минут нам нужна их комната».

Маннинг в видѣ согласія опустил рѣсницы. Он любил музыку, учился у извѣстных преподавателей, и в нем была заложена жилка настоящаго виртуоза. В это время в «святая святых» угощали чаем и предлагались для стачиванія зубов куски Августа-кекса (камнеподобныя издѣлія, изготовленныя по рецепту военного времени из овсяной муки и мармелада, посыпанныя маком).

Тут Маннинг сдѣлал нѣчто такое, от чего оба крокодила весьма быстро были превращены в ангелов. Большею звѣри любят музыку. Бурно мрачная Бетховенская соната подходила под настроеніе и самого пианиста, потому что сестра Бэрб только посылала ему ласковые взгляды, а сама все время находилась под боком своего Винфрида. Маннинг снял с крышки фортепiano кипу старых журналов, открыл ее и положил руки на клавиши. Взгляд его глаз становился все болѣе далеким. Первыя легкія, как дыханіе, темы любимой им вещи, полились из-под его пальцев. Затѣм, как героическія воздушныя тѣни прозвучали модуляціи страстнаго F-dur. Потом «Лунная» с ея томительными переливами. Однако, чтобы тронуть сердца жадных до сенсацій звѣрей, требовалось большого блеска в исполненіи. Маннинг взглядом общал Бэрб достигнуть этого эффекта и тѣм же взглядом просил у нея помощи для усиленія артистическаго порыва своего сердца.

И вот среди царившаго кругом шума внезапно раздались мощные аккорды, которыми Бетховен ниспровергал людскую повседневность и открывал человѣку врата во внутренній мир — Валдыштейн-соната. Когда послѣ первых семи тактов разговор

еще кое-гдѣ не утих, то люди в потертых сѣрых шинелях, желавшіе слушать музыку, запыкали на говоривших. Воцарилось молчаніе; только графиня Клейнинген продолжала сладко и неутомно болтать. Наконец прорвало и ее. Пустота ея жалостнаго, опустошеннаго жизнью существованія требовала, чтобы ее постоянно чѣм-нибудь наполняли. Однако слушать одной в комнатѣ — с этим она никогда бы не примирилась. Она поднялась со своей софы и направилась к двери: ей обязательно нужно было видѣть пальцы музыканта, которые как раз исполняли октавные пассажи с таким блеском, котораго, как ей казалось, она не слышала даже на концертах Бюлова, Рубинштейна и Розенталя. Пастор Людеке, видѣвшій в графинѣ квинт-эссенцію свѣтскаго міра, который приблизился к его маленькой провинціальной жизни, учтиво послѣдовал за нею. Сестры Эмми и Неотль также не могли оставаться на своих мѣстах, если графиня покинула свое. Это правило твердо засѣло у них в головѣ. Всѣ онѣ тѣснились у двери за спинами графини и пастора, которые, приложив пальцы к губам, тихо направлялись к піанисту. Глаза Маннинга засмѣялись — он правильно рассчитал укрощеніе звѣрей. Правда, в нем скользнула и легкая грусть, но это было только мгновенье, а затѣм его душа снова улетѣла в сферы эстетических эмоцій. В это время в оставленной комнатѣ попотом начался военный совѣт.

«Я все-таки совершу завтра свое паломничество к Бретшнейдеру. Он должен отдалить срок разстрѣла, чтобы мы имѣли возможность получить телеграмму», озабоченно проговорил Познанскій.

«Предположим, он этого не сдѣлает, — перебил Бертин, — что тогда?»

«Его превосходительство поручил вам этого человѣка», обратилась Бэрб к своему другу. В то же время глаза ея говорили: «вѣдь мы достаточно молоды, чтобы дерзнуть вмѣшаться. . .»

«Нашему брату ничего не остается дѣлать,» — нерѣшительно отвѣтил Винффрид.

«Т-е. отдать этого бѣднаго парня на съѣденіе. Опомнитесь», — воскликнула Бэрб, страстно на-

клоняясь вперед. — «Будь я мужчиной вашего положения, я сумѣла бы пристыдить вас».

Обер-лейтенант высоко поднял брови.

— «Как бы то ни было, но приказ Шиффенцана лежит на столѣ», — рѣзко возразил он.

Глаза Бэрб продолжали угрожающе пронизывать его: «Ну, и что же?»

«Спроси Шиффенцана», — усмѣхнулся Винфрид.

«Его превосходительство возьмет на себя ваши поступки», осторожно вмѣшался Познанскій.

«А что собственно можно сдѣлать?» — спросила Софи.

Нагнувшись над столом, Бэрб рѣзким шопотом произнесла:

«Нужно вырвать этого бѣдняка из мерзкой комендатуры и держать, пока не вернется Лихов».

«Спрятав его», — закончил Бертин.

Винфрид задумчиво крошил пальцами твердый овсяный кэкс:

«Это называется — похитить».

«По меньшей мѣрѣ, облегчить бѣгство» — комментировал Познанскій. — «Зытащитъ его из кривых зубов¹⁾ комендатуры, как какая-то птица вытаскивает остатки костей из зубов гиппопотама».

Наступило общее молчаніе. В сосѣдней комнатѣ гремѣло великолѣпное Рондо, гдѣ сильные трели чередовались с синкопными аккордами. Бэрб же не отрываясь смотрѣла на Винфрида: тот видимо что-то соображал.

«Всевозможных рабочих рот у нас имѣется достаточное количество на старых позиціях, — проговорил он. — Всѣ они внѣ района комендатуры. . . Там этот русскій был бы недостижим для Бретшнейдера, как луна. Развѣ только он поведет против них открытую войну и возьмет его силой».

---

¹⁾ Непереводимая игра слов: *schießen Zähnen* — кривых зубов (подразумѣвается из зубов Шиффенцана).

«Это нужно сдѣлать. Вѣдь этот русскій все еще прикомандирован к вам», шопотом настаивала Бэрб.

«С формальной стороны, — заключил Бертин, — он будет причислен к одной из рабочих военных частей. Там он и останется до возвращенія его превосходительства».

«Лихов возьмет на себя отвѣтственность», — подтвердил Познанскій.

Винфрид ясно видѣл опасность, которой он подвергался, но с другой стороны, Бэрб, заступавшая за безвинно приговореннаго, становилась для него все дороже. Наконец он рѣшился.

«Итак,—похищеніе русскаго!» — засмѣялся он.

К этому времени инструмент в сосѣдней комнатѣ сотрясаясь под заключительными, ликующими, чисто бетховенскими аккордами.

«Тому человѣку можно помочь,— со вздохом облегченія подумал Познанскій.— А к Бретшнейдеру я все-таки спутешествую. Для таких маленьких людей, как наш брат, легальная сторона дѣла имѣет свою привлекательность».

Когда около половины одиннадцатаго они вышли на улицу, то снѣг уже перестал падать и безчисленные звѣзды слабо мерцали на подернутом легкой дымкой прояснившемся черном небѣ.

«К счастью, кажется будет мороз», — замѣтил Винфрид стоявшій рядом с ним у автомобиля Бэрб. На перекресткѣ улиц у входа в комендантскую лавку горѣл покрытый снѣговой шапкой дуговой фонарь, бросавшій невѣрные блики на вереницы домов.

«А вѣдь не маленькая тяжесть висит на всем этом», произнес Познанскій, указывая палкой на покрытые снѣгом фонарь, провода и карнизы окон. Вывѣска над лавкой комендатуры натолкнула Бэрб на прежнія мысли:

«У тебя уже есть план?»

Винфрид отрицательно покачал головой.

«Никакого. Всѣ заранѣе надуманные планы обычно проваливаются. К завтрашнему дню собы-

тія обрисуються яснѣе — нужно только все время быть начеку».

Легкій восточный вѣтер был предвѣстником заморозков. Над океаном и Западной областью Европы был сохранен достаточный запас тепла, чтобы вызвать движеніе в холодной атмосферѣ Восточной Россіи. Сильный вѣтер образуется вряд ли, а так — понемножку.

Глава 12.

В КАНОССУ.

Через полчаса послѣ того, как стали замѣчаться обрывы проводов развѣдочныя части уже располагали достаточным матеріалом, чтобы отмѣтить на картах, гдѣ эти обрывы могли проеизойти. Вся причина была в недостаткѣ мѣдной проволоки — таков бы вывод. В свое время монтеры совершенно правильно сдѣлали проводку линий, которая шла у них частью по землѣ, частью была воздушной. Но развѣ станешь спорить с силами природы? С ранняго утра вдоль по линиям желѣзных дорог, по шоссе и лѣсным опушкам видялись собиравшіеся с разных сторон монтеры со своими инструментами и мотками проволоки. Однако найти и снова связать затерявшіеся телефонные провода было дѣлом куда болѣе безнадежным, чѣм отыскать нервы в человѣческом тѣлѣ. Немудрено, что в это утро на 1 ноября можно было услышать столько отчаянных проклятій.

Счастливіе других оказался отряд из трех человек, направлявшійся в лѣс, со стороны Беклы. Это были трое молодых солдат, баварцев, из конькобѣжной роты. Вслѣдствіе полученных ими ран, их пришлось отчислить от батальона альпійскаго корпуса и присоединить к развѣдочной части. На лыжах с палками в руках они легко и весело проходили там, гдѣ с таким трудом пробирались их товарищи, зачастую даже возвращавшіеся обратно.

Благодаря лыжам всё трое летѣли, как на парусах; уже вскорѣ послѣ восхода солнца они оставили за собой обитаемый мир и пробивались теперь к лѣсным областям.

«А знаешь Ализи, — обратился к своему товарищу другой по имени Пфлейдертони, — я и не думал, что наши дощечки на нсгах сослужат нам такую пріятную службу».

«Если бы не было так туманно. Нам слѣдовало бы находиться повыше», возразил шедшій впереди Ганс Миттермайер.

Тони не понял ефрейтора.

«Снѣг лежит достаточно высоко; новаго напало по крайней мѣрѣ на метр высоты».

Ганс нѣсколько насмѣшливо объяснил ему. Не снѣг должен лежать выше, а самый уровень мѣстности; хотя бы и не так высоко как Цугшпитц, но по крайней мѣрѣ как Крейцек.

Они быстро скользили между торчавшими из глубокаго снѣга верхушками молодых сосенок. Временами Ализи замѣчал висѣвшіе на вѣтвях обрывки проволок и указывал на них Тони. В тишинѣ этого утра было что-то очаровывавшее и захватывавшее дыханіе. На опушкѣ лѣса виднѣлись цѣлыя стѣны из снѣга. Тони критически осматривал направленіе снѣжных сугробов. Наконец он едѣлал вывод: центр урагана должен был пройти гдѣ нибудь неподалеку: сперва направленіе сугробов было строго с сѣвера на юг, а сейчас они начинают описывать кривые. Ализи в отвѣтъ только молча указал на висѣвшій конец проволоки; это был тот самый провод, на поиски котораго они и отправились. Провод умѣло прикрѣпленный на вѣтвях шел почти над их головами от ствола к стволу. Всѣ трое согласились в том, что их предшественниками по проводкѣ линіи была сдѣлана хорошая работа. Затѣм баварцы стали прохаживаться насчет других германских народностей, которыя заставили их, добрых католиков, работать в самый день праздника Всѣх Святых. Со стороны пруссаков они считали это намѣренно рассчитанным и личным оскорбленіем. Гремя кружками, охотничь-

ими ножами и походными фляжками, с инструментами и мотками проволоки за спиной, они скользили на лыжах по направлению провода. По дороге, сами того не замечая, они спугивали дремавшую дичь, которая спряталась в чащѣ от ночной бури.

«Посмотрите-ка на тѣ сосны!» произнес ефрейтор Миттермайер.

Дѣйствительно, неподалеку нависло жутко истерзанное бурей дерево. Порывы свѣжной метели покончили с ним в какіе-нибудь десять часов. Рядом с ним, наклонившись, стоял, как обрубок, ствол другой сосны со сломленной кроной. Слѣдуя по недавно вырубленной просѣчкѣ, отряд достиг самага центра разрушительной дѣятельности бури. Под толстым слоем свѣга перед ними лежали вырванные пронесшейся воздушной лавиной и расщепленные стволы.

«Недурно, чорт возьми», с изумленіем произнес Тони.

«Смотрите-ка!» и Ализи указал на провод. Находил он его просто чутьем, как хорошая охотничья собака находит слѣд.

В двух метрах от них свѣшивался с березы, как бич, черный провод. Вот гдѣ начало разрыва, в 15-ти или 17-ти километрах от того мѣста, гдѣ тщетно искали его другіе монтеры.

«Это еще только начало, — проговорил Ализи, — а теперь мы можем и закусить».

Они стали обсуждать, сколько им предстоит еще сегодня работы. В святой праздничный день рыскать по лѣсу из-за этой проклятой собаки Шиффендана! Какое безстыдное оскорбленіе праздника!

«Вот что! Разведем сперва костер, а там видно будет».

Осторожно ступая, чтобы не задѣвать пѣплавшихся за ноги вѣтвей, они пришли к мѣсту наиболшаго разрушенія. Ганс, который как ефрейтор должен был знать толк в метелях, высказал свои соображенія. Продираться здѣсь невозможно. Может-быть, посчастливится найти второй конец про-

вода там, по ту сторону бурелома. Тогда можно будет соединить концы просто новой проволокой. А монтеры додѣлают уже окончательную работу. Они порѣшили наскоро позавтракать, развести в укромном мѣстечкѣ огонь, а потом за день обойти разрушенные мѣста. А то... можно и не дѣлать послѣдняго. Найденный конец проволоки мог прекрасно повисѣть еще на своей березѣ. Из сломанных вѣток они соорудили нѣчто вродѣ крыши, развели с помощью бензина из зажигалок уютный костер, вскипятили чай и поѣли хлѣба с салом. Затѣм чуть не цѣлый час ходили по слѣдам, которые они принимали за слѣды кабанов. А принести домой кабана было бы для всего их отдѣленія, вплоть до унтер-офицера включительно, дѣлом далеко не неприятным. Между тѣм, неподалеку от стоянки, у толстаго дуба, они могли бы найти и второй конец проволоки, прежде чѣм он окончательно не ушел под снѣг. С другой стороны, все, что передавалось по этим проволокам приносило все равно однѣ неприятности для рядовых; поэтому охота за дикими свиньями казалась им болѣе подходящим занятіем, чѣм ловля какой-то проволоки. Работа сегодняшняго дня была всецѣло оправдана находкой березы с ея проводом; а завтрашній день, который навѣрное будет таким же прекрасным, совершенно так же подходит для поисков, как и сегодняшній. И вот всѣ три краснощеких молодых парня с удобством устроились на свѣжем воздухѣ. Жаль только, что на этот раз ни одна свинья не хотѣла подойти под выстрѣл ефрейторскаго парабеллума. Таким образом прав оказался все-таки фельдфебель Матц в Брест-Литовскѣ: ни один генерал-майор так и не мог поговорить по телефону с Мервинском.

Каждый фельдфебель самым заботливым образом составляет на каждый день распредѣленіе работ. Затѣм это подобіе объеденнаго меню он представляет на одобреніе своего начальника.

Тот, для поддержанія хорошаго тона, иногда измѣняетъ что-нибудь, зачеркиваетъ или прибавляетъ и затѣмъ ставитъ подъ этимъ произведеніемъ свое имя. Послѣ этого оба могутъ испытывать самыя высокія чувства по поводу выполненной работы. Сегодня же утром, в день Всѣхъ Святыхъ, числомъ тысяча девятьсотъ семнадцать, фельдфебель Шпирауге не имѣлъ никакого представленія о томъ, что нужно дѣлать. Что же касается разстрѣла человѣка, то это дѣло было исключительно торжественнымъ, связаннымъ съ объявленіемъ смертнаго приговора, передачей осужденному его имущества и т. д., вплоть до прихода ученыхъ особъ: богослова, спасающаго жизнь и душу осужденнаго и доктора, удостоверяющаго смерть его тѣла. Такъ же торжественно и своевременно должны быть оповѣщены самыя исполнители казни, которые должны явиться в самомъ лучшемъ костюмѣ. Правда, в данномъ случаѣ возможностей къ послѣднему было очень немного, потому что каждый рядовой ландверной роты имѣлъ всего-то на всего одинъ костюмъ. Если, согласно приказа, отправка на тотъ свѣтъ назначалась на сегодня, скажемъ часовъ около трехъ (самое удобное освѣщеніе!) тогда приказъ в ротѣ долженъ выйти не позднѣе девяти утра. Поводъ къ тому, чтобы онъ вышелъ сегодня, казался для Шпирауге тѣмъ болѣе важнымъ, что благодаря перерыву дальнихъ телефонныхъ сообщеній, другихъ дѣлъ не было, и онъ чувствовалъ себя оглушеннымъ мыслью, что пришелъ сюда зря.

Ротмистръ фон-Бретшнейдеръ выполнялъ свои начальственныя функціи в парадной комнатѣ, принадлежавшей прежде блаженной памяти русскому приставу в Мервинскѣ. Комната эта помѣщалась в большомъ казенномъ зданіи с величественными сводчатыми потолками, лѣстницами чисто-русской ширины и окнами в ростъ человѣка. Посрединѣ стѣны, противъ письменнаго стола, висѣли два в натуральную величину портрета в золоченыхъ рамахъ, размѣрами с добрыя ворота: царя Александра I и царя Николая II, о царствѣ котораго много говорить уже не приходилось. Обоихъ царей фабрикантъ Там-

шинскій подарил своему полицейскому управленію в благодарность за энергичные разстрѣлы рабочих в маѣ 1905 года. Теперь же, когда эту комнату эlegantныя фигуры г-на Бретшнейдера и его гостей возвысили до назначенія клуба, оба царя снова нашли среди них приличествующую себѣ одѣнку.

В настоящую минуту свѣтъ сильной электрической лампы, отражаясь на золоченых руках узорчатаго кресла, сверкает также и на длинных выхоленных ногтях г-на ротмистра. Перед ним, как сама неусыпная служебная бдительность, стоит фельдфебель Шпиррауге. Он нѣсколько растерян и чувствует себя словно виноватым: на представленной им бумагѣ, называемой ротмистром «ежедневным меню», отсутствует распоряженіе об окончаніи дѣла Бьюшева. Чтобы напомнить г-ну ротмистру об исключительности сегодняшняго дня, он даже собственноручно написал на краю листа «Бьюшев» с большим знаком вопроса. Сейчас восемь часов утра; рота выстраивается в половинѣ девятаго, значит время есть. Бретшнейдер набивает трубку голландским табаком, — табак, правда, не первосортный, но курить его можно — и погружается в размышленіе по поводу слова «Бьюшев». До каких пор этот человек будет служить яблоком раздора между комендатурой и дивизіей? За все послѣднее время самолюбіе Бретшнейдера постоянно подвергалось оскорбленіями со стороны власть имущих — генерала и его сподвижников по службѣ. Лично он, Бретшнейдер, мало обращал вниманія на этого русскаго. «Жив — так жив, убьют его — туда и дорога». Вообще это было менѣе всего важно. В сознаніи своего триумфа Бретшнейдер слегка улыбнулся. Эту партію выиграл, наконец, он, а не его превосходительство. Конечно, большая часть успѣха приходилась на долю Шиффенцана, недопускавшаго над собой шуток; послѣдняго можно было сравнить с королевой в шахматной партіи. Для выполненія процедуры разстрѣла Бретшнейдер назначил первое отдѣленіе второго взвода. Время — так около трех, правда, нѣсколько необычное, но самое удобное по освѣщенію.

нію. Затѣм он отдал распоряженіе принести из склада в тюрьму вещи Бьюшева. Чтеніе приговора он счел излишним: оно уже имѣло мѣсто, а сегодняшній разстрѣл в сущности был только выполненіем на время отложенной процедуры. Затѣм фельдфебель должен был попросить главнаго врача о командированіи на мѣсто экзекуціи кого-нибудь из младших врачей. Вопрос о присутствіи духовнаго лица был обойден. Дальше — нужно обратиться к уполномоченному от краснаго креста за содѣйствіем пересылки через Швецію вдовѣ Бьюшева вещей и денег. Как-раз в Мервинскѣ проѣздом находился шведскій делегат, профессор, граф Анкерстрем. Кромѣ всего этого немедленно послать людей счистить повсюду снѣг с проводов и ламп! Тяжесть, висѣвшая на этих хрупких предметах, была слишком велика: того и гляди, произойдет короткое замыканіе, обрыв провода или еще что-нибудь. Необходимо это предотвратить. Тут Бретшнейдер разрѣшил фельдфебелю отвлечь свои мысли. Да, кого послать на выполненіе такой жизненно-необходимой операціи, как разстрѣл? Требуется восемь—десять человек. Тогда... если не из команды, то можно взять из подслѣдственных или уже отбывающих наказаніе.

В это время в дверях выросла вытянувшаяся по швам фигура ординарца. «Член военнаго суда д-р Познанскій желает видѣть г-на ротмистра». Бретшнейдер выпрямился на стулѣ и слегка усмѣхнулся. Пощипывая свои короткіе, на англійскій манер усы, он по обыкновенію поднял глаза на портрет Александра I и задумался. Ага.— В этом произнесенном про себя междометіи выразилось все торжество его побѣды. Ясно, как день, что к нему пришли просить о чем-то по дѣлу Бьюшева. Ротмистр сообразил: сейчас у него в руках всѣ козыри, а через четыре недѣли фон-Лихов опять примется оспаривать дѣло при помощи тѣх же самых лиц, которыя сейчас приходят к ротмистру с просьбой. Шиффенцан же так занят, что навѣрное забудет о ротмистрѣ и именно тогда, когда тот больше всего будет ему нужен. Поэтому он

приказал немедленно проводить г-на совѣтника, а прошмыгнувшему в сосѣдную комнату фельдфебелю коротко бросил:

«Ждать!»

Познанскій вошел в шинели застегнутой на всѣ пуговицы, со шлемом и перчатками в рукѣ. Он был чисто выбрит, но, видимо, не выпался, потому что глаза у него были красные, а взгляд как-то разсѣянно блуждал за толстыми стеклами очков. Оба поздоровались. Познанскій с самаго начала с видом сожалѣнія заявил, что давно уже не видѣл в Мервинскѣ такой прекрасной комнаты.

«Вот как вы живете, г-да коменданты», откашливаясь произнес он. «Мы, как послѣдніе провинціалы, сидим на сосновых лавках, а вы—за столами из орѣхового дерева, да еще можете класть ноги на их украшенія».

В отвѣтъ Бретшнейдер сухо замѣтил:

«Да, здѣсь недурно». — Затѣм, грубоватым жестом предложил гостю курить.

Познанскій сказал, что если г-н ротмистр позволит, то он охотно всунет себѣ в рот одну из этих сигар, которыя толсты уж с самаго кончика. Онѣ вполнѣ будут гармонировать с его лицом Силена.

«Ну, конечно, я пришел по дѣлу этого русскаго, непринужденно начал он послѣ нѣскольких затяжек. — Сколько хлопот причинил он нам!»

«Могу себѣ представить», — проговорил Бретшнейдер. Он вспомнил о своей поѣздкѣ по этому же дѣлу и мысленно поздравил себя за свою проницательность.

«Я думаю, г-н ротмистр», — с видом простодушія, но осторожно продолжал Познанскій, — я думаю, что вам не хотѣлось бы стать на ножах с его превосходительством».

Этот выпад уже тактически не был вѣрен. У Познанскаго составилось о Бретшнейдерѣ ложное представленіе, как о каком-то жаждущем крови садистѣ, котораго можно осадить только сильными средствами.

«Я исполняю свой долг и отвѣчаю за послѣдствія», — напыщенно и с высоко поднятыми бровями возразил гусар.

«Прекрасно, прекрасно, — одобрил Познанскій. — Кто же мог предполагать что-нибудь другое? Но у его превосходительства по стѣздѣ, в половинѣ пятого должна была быть бесѣда с Шиффенпаном. А вѣдь телеграмма послѣдняго была отправлена около половины четвертаго, не правда ли?»

«Развѣ телеграфъ обязан давать подобныя свѣдѣнія?» спросил Бретшнейдер. Познанскій с усилием продолжал говорить свое:

«Телеграмма была сдана, по меньшей мѣрѣ, за два часа до бесѣды его превосходительства с генерал-майором. Правда, генерал-майор может привести такія основанія в пользу выполненія приговора, что его превосходительство должен будет едаться. Однако данных в пользу этого исхода дѣла очень мало. Один взгляд на документы дѣла, г-н ротмистр, показывает совершенно ясно, что наш приговор был невѣрен, потому что основывался на ложных показаніях. Цѣны ему нѣтъ никакой. Это соображеніе, по моему мнѣнію, должно уничтожить всѣ военно-политическія возраженія г-на герерал-квартирмейстера»... «А вѣдь виной всему я, — мелькнуло у поблѣднѣвшаго Познанскаго. — Кто вынес этот приговор? Я. Кто болтал всякую чушь? Я. А кто отвѣчает за этическую сторону дѣла? Трижды я»... «Его превосходительство общал сообщить по телеграфу о благополучном исходѣ дѣла», обливаясь потом, продолжал он. «А тут как раз от проводов остались одни обрывки, так что о телеграммѣ и думать нечего».

Бретшнейдер снял телефонную трубку и вызвал унтер-офицера Лангермана. Пусть Лангерман достанет ему справку, сколько приблизительно времени может продлиться перерыв в сообщеніи. Затѣм он отвѣтил Познанскому:

«В сущности, все это могло бы меня не касаться, потому что текст телеграммы ясно требует исполненіе приговора в теченіе двадцати четырех

часов. Всю отвѣтственность берет на себя генерал-майор Шиффенцан».

«Конечно», привѣтливо кивнул головой Познанскій, пытливо смотря на собесѣдника своими большими, выпуклыми глазами, «но вѣдь, в концѣ концов, здѣсь дѣло идет о человѣческой жизни, которая висит на волоскѣ. Если потом окажется, что промедленіе было возможным и необходимым, то послѣдствія будут крайне неприятны. Видите ли, г-н. ротмистр, — Познанскій с конфиденціальным видом нагнулся вперед. — по этому дѣлу его превосходительство рѣшил дойти до самаго кайзера. Ему крайне нежелательно создавать прецедент, подобный исторіи с Бьюшевым. Военный кабинет его величества, конечно, затребует документы. Документы — у нас, значит, военный кабинет их получит. Если бы там была телеграмма от его превосходительства о невозможности отложить дѣло Папроткина или Бьюшева до его приѣзда в связи с приказом г-на генерал-квартирмейстера по адресу комендатуры...»

«Будем говорить просто «дѣло Бьюшева» — небрежно перебил Бретшнейдер, — и давайте, сократим всѣ эти объясненія. Для меня дѣло совершенно ясно. Оказывать любезность его превосходительству, который нѣсколько раз меня третировал, у меня нѣтъ никакого основанія. Он мог бы быть со мной болѣе любезным, чѣм имѣл обыкновеніе. Причина к этому есть, г-н совѣтник. Да и почему бы мнѣ ее не высказать? Фон-Лихов является представителем земельного капитала, а я — промышленнаго. (Фирма «Бретшнейдер и сыновья», — мелькнуло у Познанскаго). Индустрію, сударь, создаем мы. Пора снять такелаж с этой аграрной галеры и лишить ее преобладанія в Пруссіи. А теперь посмотрите, как их будут защищать, этих ваших Лиховых и ему подобных джентльменов! Ой-ой, — зубами, ногтями, топорами и плетками! Все это посыплется, как град, подождите только». Затѣм, видя изумленіе Познанскаго, он холодно откинулся на спинку кресла и вернулся к прежней темѣ: «Вам нужна отсрочка. Так я скажу вам

прямо — почему бы нѣт. Почему мнѣ не дать вам шанс доказать вашу правоту? Телеграфный приказ ясен — до полудня сегодняшняго дня оповѣстить Брест о том, что приговор выполнен. Могу я это сдѣлать? Ясно, что нѣт. Вы видите, что мой унтер-офицер не сообщает мнѣ, сколько времени продолжится еще вся эта исторія с телеграфом. Поэтому вы можете быть совершенно спокойны, что сегодня дѣло еще не будет сдѣлано. Первое сообщеніе мы получим завтра утром, а может-быть еще сегодня в ночь. Если ваш генерал телеграфирует, что он обвел Шиффенцана вокруг пальца — русскій будет жив. Если до завтра я извѣстія не получаю, — то вмѣсто того, чтобы разстрѣлять его в три часа сегодня, я разстрѣляю его в то же время завтра. Если телеграфное сообщеніе и завтра не будет восстановлено, а вам понадобится дальнѣйшая отсрочка — пожалуйста! Только позвоните мнѣ об этом. Предупреждаю. если я буду имѣть возможность увѣдомить Обер-Оста об исполненіи приговора, то я рано или поздно это сдѣлаю. В этом вы также можете быть совершенно спокойны. В концѣ концов, мы вѣдь имѣем дѣло с Шиффенцаном».

У Познанскаго вырвался такой тяжелый вздох, что стало ясно, как мало надежды возлагал он на этот путь. Он, старый осел, все время имѣл дѣло с ротмистром, а не с сидѣвшим внутри его Фрицом Бретшнейдером... Когда он поднялся с мѣста, с его лба падали капли пота; как извѣстно, печи в высших начальственных сферах топятя всегда, как в старину на Руси,

«Ну, мы еще поговорим!» — заключил бесѣду Познанскій, прощаясь и благодаря ротмистра.

Вскорѣ позвонил Лангерман: «Пока трудно установить, будут ли исправлены поврежденія сегодня или завтра».

Бретшнейдер кивнул Лангерману головой, как если бы тот стоял прямо перед ним, и позвал к своему столу Шпирауге. Он желает отложить разстрѣл Бьюшева на двадцать четыре часа. На сегодняшній день нужно только десятерых молодых для чистки оуѣга с телеграфных и электрических

линій. Самому ему уже пора испаряться. Ротмистр взглянул на часы—да рота уже навѣрное выстроилась.

Шпирауге исчез. Бретшнейдер вставил в глаз монокль, поднялся из-за стола и взял с кресла шлем, перчатки и стѣк; затѣм, не торопясь, отправился к мѣсту службы. Прежде чѣм выйти из комнаты, он с благодарностью кивнул головой в сторону портретов обоих самодержцев. Ему казалось, что он читает в их лицах полное одобреніе его умному и царственному поведенію. Хотя они были только портретами, а ротмистр был живым, он тѣм не менѣе шутливо отдал им честь, приложив к шлему затянутую в перчатку правую руку. Сегодня его шпоры особенно игриво звенѣли, когда он шел по блестящему паркету своей комнаты.

Пользуясь временем до прихода ротмиистра, фельдфебель Шпирауге подошел к первому отдѣленію второго взвода, выстроившейся роты Благо-склонно, хотя и нѣсколько боязливо он сказал вполголоса:

«Может случиться, что завтрашній день у вас будет особая работа. Чтобы быть у меня, как на парадѣ! Дѣло совершенно особое: придется пострѣлять из винтовок. Вычистить свои щелкушки, как для смотра! Галстухи, шлемы, сумки, — чтобы все было в порядкѣ. Привести в порядок обувь—придется итти по снѣгу. Чтоб поддержать у меня честь батальона!» Шпирауге ждал, что ему в отвѣт будут сочувственно скалить зубы. Однако лица у всѣх были застывшими, безучастными, и даже как будто стали болѣе серьезными и озлобленными. «Так, так!» замѣтил про себя фельдфебель. Тотчас же ефрейтер, выставленный в видѣ дозорнаго, сообщил, что идет ротный командир.

«Он сегодня в духѣ»,—шепнул ефрейтор фельдфебелю.

«А тебѣ то что?»—благодарно отвѣтил Шпирауге. «Нѣ-ѣт, сразу видно, что ребята ухлопают Бьюшева без особаго удовольствія. Так, так»...

Размахивая в воздухѣ стѣком, как никогда, и слегка насвистывая что-то из «Летучей Мыши»

ротмистр Бретшнейдер прошел через ворота. Часовой с шиком отдал ему честь.

«Смирно! — пронеслось по снѣжному пространству,

Г л а в а 13.

БОЖЕСКОЕ УЧЕНИЕ И ЧЕЛОВѢЧЕСКОЕ МУЖЕСТВО.

Наступил первый день ноября 1917 года, день праздника «Всѣх Святых». Небо было затянуто плотными и сѣрыми, как холстина, облаками. В нижних слоях атмосферы тянул легкій вѣтер. От степей и болот шли огромныя и холодныя атмосферическія волны, смѣшиваясь с сырým воздухом запада. Приближались морозы; пока, впрочем, шло все попрежнему.

Получив на сегодня пароль, солдаты вернулись в казармы. Завтракавшій вмѣстѣ с ними Гриша обратился к унтер-офицеру Шмилинскому с вопросом: не слышно ли чего-нибудь особеннаго относительно его, Гриши. Шмилинскій был взводным четвертаго отдѣленія, а не второго, поэтому он со всей искренностью мог завѣрить Гришу, что он лично ничего не слышал.

Ефрейтор Захт тоже ничего не слышал. Тогда Гриша заявил, что не хочет больше оставаться в своей камерѣ, а хочет перейти в болѣе теплую, — в ту большую, что находится в началѣ коридора. Кромѣ того, он хочет ее вычистить. Прежде всего он нагрѣет себѣ горячей воды. Солдаты переглянулись; дежурный почувствовал смущеніе. Развѣ можно было разрѣшать подслѣдственному арестанту хотя бы и приговоренному к смерти, такую дерзкую рѣчь. Он мог, самое большее, просить, но никак не требовать. Собственно говоря, Шмилинскій давно уже созрѣл для производства в сержанты и поэтому ему не хотѣлось дать здѣсь маху. Однако, взглянув в глубоко запавшіе глаза Гриши, он кончил тѣм, что сказал:

«Ну, — дѣйствуй, камрад».

Шмилиньскій был убѣжденным, завзятым социалистом, и поэтому получал по почтѣ не только «Форвертс», но и другіе печатные листки, — так называемыя солдатскія письма, но нѣсколько особаго содержанія. С виду же он был худым, с безпокойными глазами человѣком. Дав разрѣшеніе Гришѣ, он сѣл, скрестал свои длинныя ноги и принялся за чтеніе газеты.

Первым дѣлом Гриша вычистил в новой камерѣ нары. Он взял из ведра побольше зеленого мыла, вооружился старой шваброй и тряпкой и нѣсколько раз вымыл пол своего новаго жилища. Всѣ клопы, какіе только есть, должны были быть уничтожены. Занятіе это было не по душѣ Гришѣ, хотя оно и имѣло выигрышную сторону — за работой часы проходили незамѣтно. Состояніе безконечнаго ожиданія, неопредѣленности и безмѣрнаго рабства приближалось къ концу. «Пока вымытая камера будет сохнуть, — сказал Гриша, — он хотѣлъ бы навѣстить Тевье». Тот оказался дома, занятый выдѣлкой рам для желѣзнодорожных барачков, предназначенных для отпускных. Подвижной как всегда Тевье встрѣтил Гришу с выраженіем самой живѣйшей радости. Гриша пришел с цѣлью отыскать вмѣстѣ с Тевье гроб, который он примѣтил для себя. Они отправились на склад. Герман Захт со своей вѣчной трубкой отправился за ними. Тевье сразу понялъ, что именно нависло над Гришей. Придя къ большому деревянному сараю, гдѣ оставалось еще пять гробов, Гриша и Тевье независимо друг от друга направились къ гробу, который каждый инстинктивно считал наиболѣе подходящим. Гроб был особенно большим и широким. «Вот в этом будет удобно», — улыбаясь проговорил Гриша. Тевье осторожно замѣтил:

«Да, этот будет впору даже такому высокому и плотному человѣку, как Гриша».

«Надо его попробовать», рѣшил Гриша, и он, как был, в шинели и в шапкѣ, улегся в построенное им самим жилище; там он вытянулся и скрестил на груди руки. Казалось, забыв о присутствіи

двух других, весь погруженный в себя, он закрыл глаза и, глубоко вздохнув, подумал: «Здѣсь покойно. Если бы можно было не дышать, то я мог бы жить и под землей. Пусть закроют сверху крышкой, — думалось ему, — как можно больше набросают земли — я останусь один. Никто не будет нарушать моего покоя приказами, распределеніями работы, когда в девять часов ты должен дѣлать то, а в десять это. Одним словом — хорошо будет». . . И Герман Захт с легким испугом увидѣл, что человек, лежавшій перед ним, тихо улыбался. Тевье, напротив, нисколько не казался удивленным. До слуха Гриши, словно издалека долетѣл вопрос: может быть, он устроился тут лежать вплоть до воскресенья мертвых? Гриша, с трудом воспринимая смысл произнесенных слов, с видом человека, далекаго уже от всего земного, тяжело открыл глаза.

Он прекрасно мог бы подождать здѣсь до воскресенія мертвых. Этот гроб как-раз для него. Он же сам его и дѣлал. Еще у изголовья в доскѣ должен быть сук, большой и сморщенный, как слива.

Герман Захт наклонился и нашел этот сук. «Вот так исторія! — подумал он. — Оказывается русский, сам того не подозрѣвая, сдѣлал этот гроб как-раз по себѣ». Затѣм он велѣл Гришѣ вставать: пора было возвращаться в казармы.

Однако Гриша заявил, что возвращаться он еще не хочет. Он сѣл в гробу, спустил через борт ноги и стал толковать с Тевье о воскресеніи мертвых. Если страшный суд будет, то как же возстанут из гроба тѣ, у кого всѣ члены тѣла раздроблены и оторваны друг от друга?

Тевье объяснил ему, что и для послѣдних дѣло не вполне потеряно. Бог предусмотрѣл этот случай и при сотвореніи человека создал одну маленькую косточку по имени «люс». Эта косточка неразрушаема и, в случаѣ надобности, из нея, как из сѣмени, может снова вырасти человек — весь как он есть, с душой и тѣлом. Это и случится в тот момент, когда ангелы, вооруженные трубами и

бараньими рогами, возвѣстят о наступленіи страшнаго суда.

Это обстоятельство подѣйствовало на Гришу успокоительно.

Стоявшій тут же со своим ружьем Герман Захт изумленно спросил его: неужели русскій вѣрит в Бога. Он, Герман Захт, не вѣрит в Него. Если жизнь так несправедлива, а эта подлая война тянется так долго: война с ея милліонами мертвцов, вдов, дѣтей и убійством неповинных людей — что же тогда дѣлает Бог. Да и с сотвореніем міра дѣло обстоит совсѣм не так. О шести тысячах лѣтъ вообще рѣчи не может быть. Земля существует милліоны лѣтъ—это уже точно установлено наукой, а сам человек куда болѣе сродни обезьянѣ, чѣм Богу. Его, Германа Захта, никто не убѣдит, что сперва человек жил в раю и только за желаніе узнать что-то точнѣе, Бог прогнал его оттуда. Все это сказки, которым люди могли вѣрить раньше, но не теперь, когда они ѣздят по желѣзным дорогам и посылают по телеграфу депеши.

Гриша слушал, изумленный в свою очередь. Что же общаго между его словами и существованіем Бога? И он Гриша также не вѣрит в Него. Об этом не может быть и рѣчи. В воскресенье мертвых он вѣрит, потому что это совершенно особая статья, но к Богу это не имѣет никакого отношенія. Все дѣло в том: кто раз родился, тот должен вообще существовать. Как, — это уж каждый сам увидит, но в это воскресенье должен вѣрит каждый, кто хоть раз сажал в землю зерна и видѣл, как из них вырастает стебель.

Тут Тевье не мог уже болѣе выдержать. Ну а кто возвращает сѣмя? Или может-быть Гриша будет ему говорить, что сѣмя растет само собой? Кто устроил так, что из пшеничнаго зерна вырастает со временем длинный, узловатый стебель с колосом на концѣ?

Однако здѣсь против Тевье объединились вмѣстѣ и Гриша и Захт.

Это уж природа: она возвращает все, а сама люди если еще не знают как это происходит, так узнают поздно.

Тевье засмѣялся. Узнают поздно! Как-будто люди не становятся все глупѣе. Развѣ Моисей не был умнѣе всѣхъ профессоров? Другіе пророки немного уступали в умѣ Моисею, а Танаим уступали пророкам и. т. д., вплоть до теперешнихъ раввинов, которые уже сами говорят о себѣ как мало они знают по сравненію с их отцами. А развѣ священныя писанія другихъ народов не мудрѣе, чѣмъ теперѣ сами народы, с их войнами и различными партіями? «Вот что я вам скажу, — менторскимъ тономъ и побѣдоносно продолжал он, — когда-то жили великаны. Они были больше, чѣмъ Ог из Башана, а Ог из Башана, былъ больше, чѣмъ Голиафъ, Голиафъ былъ больше Александра Великаго, а Александръ былъ больше Помпея. А развѣ Помпей не былъ больше генерала Шиффендана. Ясно, — заключил он, переводя духъ, — люди все болѣе становятся мелкими. Короли не знаютъ даже тысячной доли того, что зналъ царь Соломон. Судей нельзя было бы даже сравнить с Гедеономъ. Женщины — смѣшныя болтуны по сравненію с Деборой, а матери жалки перед Ревеккой и Рахилью. Вот как! А вы говорите — узнаемъ поздно! Только если люди вернуться назадъ къ Богу и раскроютъ ему сердца и такъ будетъ отъ поколѣнія къ поколѣнію только тогда вернется имъ знаніе. Тогда же придетъ и Мессія и даруетъ освобожденіе всему человѣческому роду».

Нѣмецъ и русскій с удивленіемъ слушали Тевье: всѣмъ этимъ старымъ исторіямъ этотъ еврей вѣрилъ такъ же, какъ они вѣрили во то, что день начинается с восходомъ солнца. Но что имъ было с нимъ спорить? Германъ Захтъ протянулъ Гришѣ руку, чтобы помочь ему вылезти изъ гроба. Гриша тщательно стряхнулъ с себя стружки и положилъ ихъ обратно в гробъ, чтобы не лишиться самого себя мягкой подстилки. Тевье же, задумчиво устремивъ свой взоръ в землю, прибавилъ:

«Вопрос только в том, — не есть ли эта война карой человѣческому роду, идущему от рода Содома. Может-быть эта война есть начало лучших времен, когда люди начнут возвращаться обратно к Богу». Однако никто ему не отвѣтил, и он послѣдовал за выходящими из склада Гришей и Захтом.

На складѣ пахло соломой, и этот запах напомнил Гришѣ его давнее-давнее путешествіе в вагонѣ, груженом сосновыми досками. Тевьерѣшил, что поднятый вопрос он обязательно поставит сегодня вечером на разрѣшеніе своему пріятелю. Почему бы и не поставить на обсужденіе этой темы, важности которой не мог бы отрицать никто. Если этот русскій, при всем желаніи своей невинности теряет жизнь в силу никуда негоднаго приговора, то развѣ теперешнее поколѣніе людей не самое худшее со временем самого Авраама. Гриша попросил Тевье, чтобы тотъ завтра или даже послѣзавтра пришел проститься с ним. Тевье тепло посмотрѣлъ на Гришу, пожал его руку обѣими руками и обѣщал притти в любую минуту, как только Гриша этого пожелает. Оба солдата мирно отправились домой. Когда они шли по тюремному двору, оба с удивленіем обратили вниманіе на погоду: «Неужто стало холоднѣе?» Липкій, начавшій уже таять снѣг становился твердым; сапоги же обоих солдат были подбиты гвоздями, и они поддерживали друг друга, чтобы не упасть.

* * *

Перед сидѣвшим за письменным столом Винфридом, стоялъ, облокотившись на спинку стула, фельдфебель Понт. Выглядѣлъ он устало: все это насильственное пребываніе в Мервинскѣ в концѣ концов удручающе дѣйствовало на его дѣятельную натуру.

«Мы не должны оставлять этого так, Понт, — проговорил, бывшій также озабоченным, Винфрид. — Вчера вечером кое-кому из нас стало ясным, что русскаго мы должны вырвать из тюрьмы силой

так, чтобы он исчез вплоть до возвращенія его превосходительства».

Понт вернулся от своих дум к дѣйствительности. Эту мѣру он позволит себѣ отсовѣтовать. С формальной стороны полномочія, данныя обер-лейтенанту, не предусматривают подобнаго шага.

Винфрид кивнул, — это он знает «Но вѣдь дѣло давно уже катится внѣ всяких рамок формальностей и даже законности» — с усмѣшкой возразил он.

«Может быть, внѣ законности», перебил его Понт, «но не внѣ формы службы с нашей точки зрѣнія. Вѣдь мы не совершаем актов превышенія власти, а наоборот, подчиняемся ей. От этого наша позиція, требующая пересмотра дѣла, и становится неуязвимой. То, что русскій во власти комендатуры, соответствует уставу. Если же мы возьмем его оттуда, то это будет самочинство или еще что-нибудь похуже».

Винфрид начал выказывать нетерпѣніе. Познанскій уже заготовил доклад о необходимости расширенія границ полномочій дивизіи в интересах судопроизводства и устраненія для него помѣх. Доклад этот содержит невѣроятное количество параграфов. Если он, Винфрид, согласно докладу отправит русскаго в одну из инженерных рот, неособенно далеко от Мервинска, внѣ района полномочій комендатуры, то противозаконность этого будет трудно распознать по первому взгляду.

«А по второму взгляду?» — проворчал Понт.

Винфрид нѣсколько по-мальчишески возразил, — для чего тогда спрашивается у него хранятся печать дивизіи и знаменитыя подушки с зеленой штемпельной краской.

Все равно, это будет только видимость законности, стоял на своем Понт. Как-будто ему, фельдфебелю Понту, достаточно этого, чтобы при распредѣленіи работ командировать русскаго наравнѣ со всѣми другими!

Нѣсколько секунд Понт раздумывал. Конечно, при наличіи подписи и печати адъютанта, он лично ничѣм не рискует. Лично о себѣ он не думает, а

вот г-ну оберлейтенанту не совѣтует этого дѣлать. Несомнѣнно, Шиффенцан станет искать козла отпущенія, а он достаточно силен, чтобы отправить виновнаго, куда-угодно, даже на фронт.

Винфрид засмѣялся. «Ну, кто должен сам бояться судебного дѣла — тот не будет таскать в суд других! Шиффенцан прекрасно знает, что поступает противозаконно, а ему, Винфриду, также нѣтъ оснований тянуть это дѣло из поколѣнія в поколѣніе. Одним словом, у него есть печать, он желает дать свою подпись, а от Понта желает только слышать: во-первых, кто может помочь его увезти».

«В тюрьму отправлюсь я сам,— сказал Винфрид. — Для этого мнѣ не нужно никаких пропусков. Возьму с собой Бертина; он согласен. Нужно еще человѣка к рулю автомобиля, а чѣм меньше посторонних будет об этом знать, тѣм лучше. Хотите поѣхать? Конечно, вы запутываетесь в рискованное дѣло, Понт, но то же самое будет если вы ограничитесь командированіем русскаго в другое мѣсто. Вы—уже мой соумышленник, поэтому, я думаю, что и на дѣлѣ лучше быть сообщником вам, чѣм кому-либо из наших шоферов. Конечно, я также покрыл бы и их участіе, но им как простым рядовым может больше влетѣть».

Кровь рейнских искателей приключеній заговорила в Понтѣ:

«Благодарю, г-н обер-лейтенант,—сказал, он,—если уж на то пошло, то почему бы и мнѣ не пошутить!»

«Итак, ѣдете?»

Понт кивнул головой.

«Теперь куда отправить того молодца?»

Понт отвѣтил: «Это очень просто. К востоку от Мервинска на правом склонѣ одного из отрогов холмов расположено укрѣпленіе, которое солдаты называют обычно «Куриный глаз Лихова». Там же расквартирована инженерная рота. Дорога мнѣ извѣстна. Ѣхать по ней хорошо, развѣ только спуск с горы нѣсколько скользок».

«Куриный глаз Лихова», со смѣхом повторил Винффрид. Это превосходно. В планѣ он помѣчен как У. 5, но послѣднее названіе далеко не так образно. Итак, завтра утром сообщите туда о командированіи в качествѣ помощника для рабочих русскаго военноплѣннаго. На его командировочном свидѣтельствѣ я дам свою печать и подпись, а часов в 5 или в 6 мы доставим туда самого русскаго. Думаю, что при видѣ моих эполет часово́й у ворот просто-напросто вытянется во фронт. Надо будет достать дая русскаго шинель и шапку из нашего инвентаря. Ну, этого мнѣ не жалко. Постарайтесь, чтобы к вечеру вещи уже лежали в автомобилѣ».—И он улыбнулся с веселым задором мальчика, играющаго в «казаки-разбойники». Этот задор вполне подходил к его двадцатидвухлѣтнему возрасту.

«Знаете, что? Напишите вы эту бумажо́нку сейчас. Вот моя пишущая машинка».

Понт повернул выключатель у лампочки с зеленым колпаком и вставил бумагу в машинку. В пасмурные ноябрьскіе дни в комнатѣ даже днем приходилось прибѣгать к искусственному освѣщенію. Понт уже дошел до фразы: «Со 2 ноября с. г. временно прикомандировывается к инженерной ротѣ...». Вдруг свѣтъ потух...

«Перегорѣла». Понт пошел в сосѣднюю комнату, взял из выдвижнаго ящика другую лампочку и ввернул ее на мѣсто первой. Свѣта не было.

«Вот так штука!»—сказал он.

Понт снова вышел и повернул общій выключатель. Тока не было. Адъютант, послѣдовавшій за Понтом, взглянул на него.

«Может быть короткое замыканіе в самой линіи. Это уже значительнѣе», с торжеством в голосѣ вырвалось у Винффрида. «Надо сейчас же послать в лавку за свѣчами. Если в тюрьмѣ тоже нѣтъ свѣта, значит боги на сторонѣ справедливости».

Он снял с телефона трубку, чтобы узнать, что случилось—телефон бездѣйствовал.

От радости Винфрид поднял руки и потряс ими в воздухъ как побѣдитель подымает в своем триумфѣ вѣнок.

Дѣйствительно, желѣзные провода и без того натянутые под тяжестью снѣга, были схвачены 4-градусным морозом, стянулись и лопнули в наиболѣе слабом мѣстѣ. Случилось это на линіи около главнаго лазарета. Там на развѣтвленіи главной улицы, поперек ея, между двумя столбами висѣлъ большой дуговой фонарь. В момент обрыва провода поблизости не было никого. Находившійся под током провод хлестнул по телефонным проволокам; сильныя голубыя искры полетѣли в разныя стороны. Из пробок распредѣлительной доски на электрической станціи также снопами брызнули искры. Сбѣжавшіеся техники увидѣли динамо-машину остановившейся. Служащіе на станціи выругались от огорченія—простой градусник мог предупредить их несчастье. Теперь же оставалось только скорѣе искать мѣсто обрыва проводов. Счастье еще, что это случилось днем, так что к вечеру поврежденіе возможно было исправить.

* * *

Послѣ обѣда в тюремной караульной появился сам своей особой фельдфебель Шпирауге. Гриша в это время сидѣлъ на лавкѣ и хлебал суп. Фельдфебель искоса посмотрѣлъ в сторону русскаго: ему было не по себѣ перед этим человѣком.

Дѣло приближалось к развязкѣ и Шпирауге, которому приходилось дѣйствовать по долгу службы, испытывал странное смущеніе. В сущности ему нужно было только сообщить Гришѣ об исполненіи приговора и назначенном для этого часѣ. Это, конечно, было нетрудно; гѣм не менѣе мысли плохо ворочались в головѣ фельдфебеля. В смыслѣ исполненія приказаній он был мастером своего дѣла, но в отношеніи психологических заданій дѣло шло туго. Итак он пришел сюда из-за Бьюшева, а не по своим дѣлам. Было 1 ноября. В этот день солдатам платили жалованье, подвергали врачебному осмотру,

а также выдавали сигары, папиросы и табак на слѣдующіе 10 дней. Кромѣ того, производилось распределение прибыли от комендантской лавки. И нужно же было электрическому свѣту погаснуть именно в этот день! Это вот всегда так. Покручивая густые усы, Шпирауге благоклонно распространялся на эту тему. Ну, ничего, пусть только команда, идя на получку жалованья, захватит с собой свои карбидные фонари.

«Может быть, эту процедуру можно отсрочить?» спросил Шмилинскій. На это он получил скоропалительный отвѣт.

А сдачу лѣтняго бѣлья, а экзекуцію над Бюшевым тоже отсрочить? Что? Всегда все отсрочить. Ты должно быть пользоваться своими мозгами тоже отсрочил, заключил он, впрочем довольно милостиво. Уж очень он был доволен тѣм, что вдруг нашел подходящее иностранное слово «экзекуція». Это слово было менѣе выразительно, чѣм «разстрѣл» и освобождало фельдфебеля от чувства неловкости. Когда Шпирауге увидѣл, что Гриша кончил обѣдать, он подошел к нему и кивнул пришедшему вмѣстѣ с ним переводчику. Тот нашел себѣ мѣсто недалеко от двери и вяло курил там.

«Скажи ему, что отсрочка экзекуціи заканчивается. Экзекуція должна была быть сегодня, но может быть будет получено извѣстіе о том, что генерал фон-Лихов подал прошеніе о дѣлѣ на высочайшее имя, поэтому экзекуцію мы переносим на завтра. Скажи ему также, чтобы на помилованіе он особенно не рассчитывал. Послѣдній срок истекает завтра в 12 часов. Самая экзекуція назначена на завтра же, в 3 часа дня.

Настала такая тишина что слышно было, как за закрытой почти вплотную дверью шепталась команда К величайшему огорченію Шпирауге тишина эта стала распространяться по всему длинному и мрачному тюремному помѣщенію. Всѣ, кто там ни находился, бросали свои занятія, и как прикованные, смотрѣли на Гришу и на фельдфебеля. Глаза послѣдних также напряженно были

устремлены друг на друга. Гриша сперва поблѣднѣлъ, стал каким-то зеленовато-бѣлым, потом покраснѣлъ от гнѣва. Однако он владѣлъ собой настолько, что не набросился с криком на переводчика, а только громко сказал:

«А ты скажи ему, что они разстрѣливают невиннаго и что мнѣ все равно, гдѣ ткнуться лицом в грязь. Скажи, что приговор невѣрен и что всѣ это знают. Передай также, что это позор, но позор не для меня».

Латыш перевел, замѣнив только слово «позор» словом «несправедливость». Не к чему затѣвывать перебранку, подумал он. Ни к чему она не приведет, а так — и Гриша облегчит свою душу и фельдфебель не разгнѣвается. Страстный тон плѣннаго показался послѣднему необычным. Он стал крайне официален:

«Правда, осужденным спускается многое, но надо всетаки знать мѣру», произнес он. Переводчик и здѣсь пошел на компромисс, зайдя так далеко, что перевел вмѣсто «осужденный» — «несчастный».

«Если он желает получше поужинать, пусть обратится к ефрейтору Захту — всѣ остальные пойдут на получку жалованія, понял? Он может получить, что хочет. В офицерском собраніи есть на ужин гуси, первые в этом сезонѣ. Он может получить также краснаго вина и курить сколько хочет — конечно в извѣстных предѣлах. Завтра ему выдадут его вещи: пусть распорядится, если желает послать что-либо своей женѣ. Красный крест берет на себя отправку. Так», фельдфебель перевел дух. «И скажи еще, чтобы он выбросил глупости из головы. На фронтѣ отправляются на тот свѣтъ сотни тысяч молодых, которым перед смертью не удается даже понюхать жаренаго гуся». Шпирауге уже приготовился к отступленію, но вдруг хлопнул себя по лбу. «Да-а, самое главное я и забыл. Может быть он желает православнаго попа или нашего пастора. Я не знаю, есть ли в городѣ русскія духовныя лица. Если нѣтъ — ему

придется выбирать их между католиками и протестантами.

Гриша выслушивал все это очень спокойно. Потом он сказал, что большой радости от священника он не получит. Если он должен умереть, то, конечно, историй он никаких поднимать не будет. Единственное, что он хотѣл бы, это еще раз сходить в баню, а вечером посидѣть с людьми, с которыми он может говорить на родном языкѣ — с Бабкой и маленьким евреем Тевье. Быть похороненным он желает на русском кладбищѣ и если не будет рабочих рук, то завтра утром сам выроет себѣ могилу.

«Ладно, ладно, — закивал головой фельдфебель. — Все это вполне возможно». Затѣм он приложил руку к шлему и вышел. По двору он шел в каком-то удрученном состояніи, глядя больше на облака, или вѣрвѣе на завѣсу тумана, стоявшую перед ним; затѣм нѣсколько раз вздохнул и попытался прогнать необычное для него состояніе унынія.

Гриша, не двигаясь с мѣста, стоял, пока фигура фельдфебеля не скрылась; затѣм со стоном упал на лавку. Кровь прилила ему к сердцу так, что оно готово было разорваться. Блѣдный, с холодным потом на лбу, он сидѣли сжимая кулаки, повторял: «Я знал, я знал, что это так и будет. Какая разница, — быть разстрѣлянным теперь или раньше. Я же все это знал наперед». Послѣ нѣскольких глубоких вздохов его сердцебіеніе начало успокаиваться. Он захотѣл подышать свѣжим воздухом. Герман Захт, полный сочувствія и не отрывая от Гриши взгляда, послѣдовал за ним. Гриша взял снѣгу и стал растирать им виски и лоб. Стоявшіе во дворѣ солдаты смущенно разступались, а позади уже слышался шум взволнованных и озлобленных за него голосов.

Глава 14.

ЛЕЙТЕНАНТ и ЕФРЕЙТОР.

Около двух часов дня в информаціонном отдѣлѣ штаба было получено извѣщеніе, что мѣсто

поврежденія телефонной и электрической линіи найдено. Городской телефон будет дѣйствовать через полчаса. С освѣщеніем придется повременить: однако вечером, часам к шести, уже можно рассчитывать, что будет ток.

Винфрид вздохнул. «Может быть, телефонная связь и на дальнее разстояніе будет установлена».

«К сожалѣнію, нѣтъ», отвѣтил унтер-офицер, получавшій эти справки для штаба. «К счастью, таяніе снѣга в поврежденном районѣ облегчает нахождение проводов. Они скоро будут шплеваны».

Это было чисто морское выраженіе, но Винфрид, много читавшій о морѣ, понял, что это означает соединеніе двух проводов.

Винфрид отпустил унтер-офицера и отправился к Понту узнать, когда фельдфебель думает покончить с раздачей жалованья.

Около четырех тот уже был в распоряженіи обер-лейтенанта.

Начинать дѣло в четыре часа казалось Винфриду слишком рано. Это нужно дѣлать так, около пяти, а может быть и еще позднѣе, во всяком случаѣ, под вечер. Понт все-таки дописал до конца свою бумагу о прикомандированіи русскаго к «Куриному глазу Лихова». Винфрид подписал бумагу и попросил:

«Отнесите мнѣ ее наверх, я поставлю печать».

Писцы в канцеляріи работали, сидя у окон, а наверху в оперативном отдѣлѣ слышался хохот офицеров. Пока не дадут свѣта они рѣшили поразвлечься. Ротмистр фон-Баденбах рассказывал уморительную исторію, как однажды он со своим денщиком и двумя рядовыми вломился в еврейскія женскія бани, чтобы сфотографировать моющихся женщин; при рассказѣ же он пользовался такими выразительными словечками, что веселье было полное.

«Прямо, как на рождественской елкѣ!» выругался Герман Захт. На длинном столѣ караульной команды горѣла одна, единственная свѣча, другая горѣла в Гришиной камерѣ, новой и чистой, которую он сам для себя приготовил. В пустом обширном помѣщеніи со сводчатым потолком было невыносимо тихо: доносилось только непрерывное бормотанье Гриши, гулко отдававшееся по коридорам. Русскій разговаривал сам с собой, тихія но неумолкаемыя слова все время срывались с его уст. «Заболтался», подумал, тяжело вздохнув Герман Захт. А что если Гриша его тут придушит. Вѣдь теперь ему терять нечего. Может быть он сдѣлает попытку к бѣгству. Вѣдь они одни во всем помѣщеніи. Вся команда в главном корпусѣ. Кто из тѣх, кому нечего терять, пропустил бы случай овладѣть свободой, хотя бы даже через убійство? На всякій случай Захт вложил в магазинную часть ружья боевой патрон. Слова Бретшнейдера, сказанныя у ворот, крѣпко запали ему в голову. Захту стало жутко: с одной стороны, он сочувствовал русскому, — с другой — боялся за свою шкуру. В это же время в камерѣ сидѣл на нарах другой, неподвижно смотря на огонь и бормоча какія-то слова. Он прижимал руки к лицу и смотрѣл, как стораает свѣча: ему казалось, что это догорают послѣдніе часы его собственной жизни. Печь, в которой пылал каменный уголь, отбрасывала на стѣну огромную тѣнь. За окном сгушались темно-синіе сумерки. В пустом помѣщеніи, среди плясавших на стѣнѣ тѣней и бормотанья человѣческаго голоса, было тепло, но жутко. Гриша злился, упрекая самого себя за свой страх. Он высчитывал всѣ безконечныя лишенія, оставшіяся позади и всѣ, которыя будут, если он остался бы жив. Он говорил себѣ, что умереть теперь куда легче, чѣм когда он отправлялся на фронт и прощался с Марфой Ивановной. С чѣм тебѣ прощаться, пріяель! спрашивал он себя. Ни с чѣм. С грязью, с тюрьмой и вообще с тюрьмами во всѣх видах!

Ясно же — останешься жив и опять будешь заперт. Опять работать, холодать, голодать, мокнуть под дождем. Что русские, развѣ они дѣлают замиреніе? Войну они дѣлают, вот-что. А нѣмцы — принуждают они кого-нибудь к миру? К войнѣ они принуждают. А там еще французы и англичане, и американцы. Одна безконечная бойня. Ты устроился очень хорошо. Сам себѣ выбрал гроб, это жилище как раз тебѣ впору, — ты же его и приготовил. Ты хотѣл домой? — да хотѣл. Но вѣдь они тебя все-таки не пустили. К тому же между ним и покрившимся домиком в Вологдѣ стоят проволочныя загражденія, штыки, фугасы, пулеметы, да ураганный огонь снарядов. Эх Гриша, со вздохом обратился он к самому себѣ, знаешь — дурак ты, что боишься. Совсѣм болван-солдат. Хоть бы Бабка пришла. Она скоро придет. Она сейчас придет, вѣдь она носит от тебя ребенка. . . Ох вѣдь и у Марфы Ивановны дома ребята. . . Вот ты боишься, а чѣм это тебѣ помогает? И все-таки он дрожал всѣм тѣлом от инстинктивнаго страха перед смертью.

В запертую наружную дверь постучали. Герман Захт открыл. Правда, это была только Бабка, но и то он почувствовал себя свободнѣе. На Бабкѣ была накинута шаль; в рукѣ, по обыкновенію, корзинка. Она вошла, бѣгло окинула взглядом своих смѣлых сѣрых глаз необычно пустое помѣщеніе и прошла дальше. «Вон сидит Гриша», сказал ей Герман Захт. «Хорошо, что к нему пришли. Его надо ободрить, развеселить. Потом будет ужин и водка».

«Водка?» спросила Бабка. Это хорошо. У нея тоже есть водка и она указала на свою корзину, гдѣ в углу лежали двѣ бутылки водки.

Гриша схватил ее за руки и притянул к себѣ на лавку. Он рад, что она пришла повидаться с ним. Завтра всему придет конец, — зубы его застучали, а глаза почти закатились. Хорошо, когда все пройдет. Только бы поскорѣе прошло. Конечно, и так не плохо. Только бы поскорѣе конец...

Герман Захт рѣшил, наконец, выйти из камеры. Вот что. Пусть они не примут в дурную сторону, но он запрет их снаружи. Герман Захт вышел. Хорошо, когда, наконец, знаешь, что эта камера за твоей спиной крѣпко заперта.

Бабка с состраданіем гладила Гришину руку; потом поцѣловала ее и сказала:

«Не бойся, мы уйдем отсюда. У меня еще с собой есть водка и ее хватит на всѣх. Двѣ бутылки: одна хорошая, а другая отравленная. Хорошую выпьем мы с тобой, от нея только лучше чувствовать себя будешь. Другую будут пить они. Прежде чѣм она подѣйствует, я выйду и буду ждать наружи. Ты найдешь меня в воротах дома еврея Ротштейна. Им будет очень худо, может быть даже умрут. С ними ты справишься быстро, Гриша. В эту же ночь мы спрячем тебя так, что никто не найдет. Торговец Вересьев — наш друг; нужно только держать его в руках. У него хранится ключ от маленькой боковой двери собора. Он же тебѣ ее и откроет. В подземной часовнѣ под алтарем ты проживешь первую недѣлю. Там у тебя будут и хлѣб, и водка, и свѣт. В этой часовнѣ довольно тепло и лежать будет мягко. Там ты выждешь, пока я не приду за тобой, и мы уйдем отсюда на лыжах. Будь покоен, они не узнают, гдѣ ты, и не отыщут». Бабка говорила тоном побѣды, но глаза ея испытующе и боязливо искали его взгляда. Он же упорно уставился на свѣчу и все время смотрѣл на нее. «Я достала тебѣ шубу и шапку, штатское платье и паспорт. Мы направимся в Вильну на лыжах, а там спрячемся у старухи Бьюшевой. Хотя — это уже дальнѣйшая работа. Давай выпьем, Гриша». Бабка откупорила одну из бутылок и наполнила до краев рюмку. Гриша взял ее и с жадностью опрокинул внутрь.

«Еще», хрипло потребовал он и выпил еще одну. А развѣ Бабка не выпьет с ним?

Та отвѣтила:

Она не хочет. Это вредно для ребенка. Каждая женщина это знает. Скоро она родит ему сына — сына! Глаза ея горѣли, а в голосѣ звучало

почти торжество. Бабка взяла его руку и положила на свой живот, гдѣ находился ея еще нерожденный младенец. Бабка болтала с Гришей, как счастливая жена с своим мужем... Родит она у старухи Бюшевой, та, кстати, была повивальной бабкой. Рубашечки и пеленки она уже сшила из солдатских рубах. Собственно говоря, солдаты должны были сдать свое лѣтнее бѣлье фельдфебелю, но они и не собирались этого дѣлать. Солдаты поступили гораздо проще, продав его или вымѣнявъ на что-либо. Из панталон вышли пеленки, а из сорочек — маленькія рубашки. Да-а, она вѣдь принесла с собой и Гришино фланелевое бѣлье — все выстирала, зачинила. И Бабка вытащила из корзины завернутое в холстину бѣлье.

Тут к ним снова вернулся Герман Захт. При свѣтѣ свѣчи Гриша выгладѣлъ задумчивым, но уже не таким блѣдным и разсѣянным. Ему захотѣлось курить. Бабка дала ему папиросу. Гриша закурил ее, прислонился на нарах к стѣнкѣ и впервые почувствовал себя снова утѣшенным. Насилія над собой он больше не чувствовал.

Дорога к свободѣ была бы ему открыта, если он этого пожелал бы. Он уже не был животным, котораго гонят на живодерню по дорогѣ, гдѣ справа и слѣва заборы. Сейчас перед ним был выбор. Гриша потерялъ пальцамъ лѣвое ухо и спросил о подробностях плана. С глубоким удовлетвореніем он услышал, что таковых не имѣется. Правда он мог бы использовать отправленіе команды, сказав, что его тошнит и ему нужно выйти на двор. Затѣм дать хорошаго тумака часовому и выйдет в ворота. Может быть они еще будут открыты: если нѣтъ, нѣсколько хуже — придется самому отодвигать задвижки. Да нѣтъ, едва ли они еще будут заперты. На улицѣ — там другая опасность. Придется пробѣжать по пространству, освѣщенному сильным свѣтом, конечно, если он к тому времени будет горѣть. Пока исторія со свѣтом была даже болѣе наруку, чѣм кто-либо мог ожидать. Это уже чорт помог. Он испортил свѣтъ. В темнем переулкѣ должна стоять она. Она возьмет

его за руку и проведет по задним дворам, которые всё соединены между собой. К Вересеву они пройдут двумя темными переулками даже раньше, чем патруль успеет выехать на главную улицу. А что Бабка, неужели она своей торговлей занималась и в городъ, не только в тюрьмѣ? «Город то же, что лѣс, только четырехугольный», засмѣялась она. Нѣмцы попрежнему остались чужими в этой странѣ, с презрѣніем проговорила она. Встрѣтить шпионов можно не бояться. Здѣсь никто не ходит по ночам. Кому охота быть арестованным. Как они будут жить в Вильнѣ? А совершенно так же, как в Мервинскѣ. Там вѣдь цѣлые ряды улиц стоят с запертыми домами, всюду, гдѣ прошли тиф и дизентерія. Сколько бы нѣмцы ни старались, но в эти трущобы они не пойдут. Она и Гриша будут жить за хорошим прикрытіем вплоть до заключенія мира. Тогда они выйдут на свободу. Как — в видѣ пораженной или побѣдившей націи это не имѣет никакого значенія.

Гриша гладил ее руку и прислушивался к своим мыслям. Да все это очень хорошо. Этого нельзя отрицать. Правда, придется скрываться и, может-быть, испытывать страх, но за спиной будет солнце и настоящая свобода. «Все-таки жизнь», прибавил он, чтобы не огорчать Бабку. Тут Гриша зѣвнул: он немножко устал. Он приляжет и подремлет, а она пусть посидит. Он скоро опять будет бодрым, — это все от водки. Он отвык от нея и потому устал. Это сейчас пройдет. В дѣйствительности же ему хотѣлось просто подумать, но так, чтобы никто не мѣшал.

Гриша нисколько не был усталым; напротив, он чувствовал себя свѣжим и бодрым. Что предлагалось ему для выбора? Просто-напросто могилы. Могила под церковью и какой-нибудь погреб в Вильнѣ. . . С другой стороны — такая же могила, но спокойная. Он может лежать в своем самодѣльном гробу, который был ему как-раз впору. Правда, там не будет ѣды, свѣта, но этого и не нужно. Ему нужен только покой. Да. . . и потом

развѣ в тюрьмѣ не было солдат, которые хотя и ругали службу, но все-таки исполняли ее. А часовой у ворот! Конечно, он будет стрѣлять. Эх, уж эти женскіе планы. Да, они хорошо задуманы, осторожны, но, к сожалѣнію, не подходят. А жизнь. . . Ну, он довольно испытал на себѣ ее злобу. Нѣтъ уж иди своей дорогой, Гриша. Он протер глаза, сѣлъ на нарах и зѣвая одновременно улыбнулся Бабкѣ. Та встряхнулась от своих мечтательных мыслей и также улыбнулась ему в отвѣтъ.

Они заговорили о том, как устроить жизнь послѣ заключенія мира так, чтобы остаться вмѣстѣ. Может-быть, так: он продаст свою избу, которая, вѣроятно, представляет собой что-то вродѣ хлѣва и переселится сюда, гдѣ теплѣе, да и земля плодороднѣе. Он будет жить на два дома: с женою и с Бабкой, конечно, не вмѣстѣ, но и не слишком далеко друг от друга. Она, Бабка, имѣла дѣло с мужчинами, но никогда не думала о дѣтях и не имѣла их. Теперь же пришло совсѣм другое; закрывать на это глаза не приходится. Есть также признаки, которые заставляют ее смѣяться от радости. Герман Захт, курившій и читавшій в своем углу какой-то юмористическій журнал, увидѣлъ, как женщина наклонилась к рукѣ осужденнаго и поцѣловала ее. . . Затѣм Бабка почувствовала себя плохо, что бывает у беременных и вышла во двор. Гриша, стоя за спиной ефрейтора, недолго думая, откупорил бутылку и вылил зеленую рѣзко пахнущую жидкость в ведро. Нѣ-ѣтъ, сказал он про себя. Сперва тебѣ надо было сообразить, что дѣлаешь. Так с людьми не поступают. Чтобы сильный запах не внушил подозрѣній, он взял другую бутылку со своей водкой и пролил немного водки на стол. Затѣм наполнил зеленоватую бутылку водой и усмѣхнулся. . . Вскорѣ из комендантской лавки пришел ординарец. По приказу комендатуры он принес с собой абрикосоваго мармеладу, свѣжаго хлѣба, бутылку вина и бутылку превосходной виноградной водки. Ординарец передал Гришѣ особый привѣтъ от завѣдующаго и унтер-офицера Гальбшейда. Гриша угостил ординарца и попросил его

зайти на обратном пути к столяру Тевье и позвать сюда. Ординарец, в свою очередь, сообщил, что Гришѣ ни в чем не будет отказано, что утром на завтрак ему обѣщаны копченныя селетки, а сейчас тут помимо прочаго есть коробка с сотней папирос для него и его гостей. Через нѣкоторое время пришел Тевье. Не снимая с головы шапки, он призвал благословеніе этому дому, отвѣдал хлѣба и с сіяющим лицом со смѣхом выпил первую рюмку водки.

Вдустившій его Герман Захт пришел к выводу, что он сыт этой игрой в швейцары. Дальше так не может продолжаться. От этих открываній двери у него даже ноги стали короче. Возможно, что завтра, когда всѣ солдаты выстроятся, как обычно, по росту — ему придется стать на одно или на два мѣста ниже, чтобы выровнять строй. Вдруг он ухмыльнулся... А тѣ всѣ еще стояли в канцеляріи или на лѣстницах, дожидаясь осмотра по венерическим болѣзням. — Захт пояснил свою мысль крѣпким солдатским словечком. «А мы, тѣм временем, устроились тут не хуже, чѣм Юна во чревѣ китовом».

Тевье эти слова страшно понравились, и он извлек из сокровищницы «мидрашим» малоизвѣстныя сказанія о китѣ, Юнѣ и морском драконѣ-левиафанѣ. Этот левиафан был собственноручно убит Юной и, к великой радости праведников в раю, приготовлен как фаршированная рыба с превосходным соусом. Затѣм Захт, Гриша и Тевье немедленно возобновили свой утренній богословскій спор. Герман Захт, исходя из присущей Западу и близкой ему концепціи міра, вачисто отрицал безсмертіе. Бабка вообще ничего не хотѣла знать о нем. Тевье по нѣкоторым соображеніям всецѣло утверждал его, а Гриша заявил, что лично он узнает это на опытѣ. Яростно стуча по столу кулаком, он только оспаривал у Тевье точность его познаній о раѣ. Никто не может знать, что будет послѣ воскресенія из мертвых. Вот ты потушишь свѣчу, или она догорит до конца,—кричал он — будет темно. Это ты можешь сказать, что знаешь. Зажжешь по-

вую, будет свѣтло—это ты знаешь тоже. Но каким будет новый свѣт и как он будет горѣть? Развѣ ты можешь сказать наперед? Пламя может быть и большим и маленьким; может быть желтым, может быть и бѣлым. Что ж остается дѣлать? — Только ждать».

Герман Захт засмѣялся. «Я в точности знаю, какова будет жизнь послѣ смерти. Смотри, вот здѣсь свѣчи из лавки; онѣ всѣ совершенно одинаковы, всѣ из того же парафина. А если настанет голод, так их будут ѣсть, гдѣ только возможно».

«Так и есть,—добавил Тевье.— Голод несчастных людей так велик, что они готовы пожрать все блаженство своей души, чтобы только насытиться. Развѣ это не времена Содома и Гоморры».

«Чортово время», закончила диспут Бабка.

* * *

В наружную дверь постучали. Герман Захт был в приподнятом настроеніи: он ворча открыл дверь и отступил назад. Свѣт карманнаго фонаря ослѣпил его. Когда это ощущение исчезло, он при свѣтѣ свѣчи, наконец, узнал пришедшаго.

«Г-н обер-лейтенант», с изумленіем проговорил он. «Г-н адъютант!»

«Добрый вечер», небрежно произнес Винфрид. «Нужно же взглянуть на нашего протеже».

«А-а. Ну ему не дурно,—отвѣчал тот.—Сейчас он курит со своими знакомыми и чувствует себя лучше, чѣм, может-быть, г-н обер-лейтенант. Он даже забыл о своих прогулках по снѣгу».

«Ну, значит ты не все еще знаешь», подумал Винфрид.

Герман Захт счел нужным быстро оцѣнить положеніе дѣла. Адъютант штаба, конечно, может посѣтить Гришу, если ему угодно. Самому же ему, ефрейтору Захту, неудобно сидѣть сейчас вмѣстѣ с ним в камерѣ за столом. Как бы ни был расположен к солдатам офицер, но все-таки неудобно. Положив возлѣ себя винтовку, он вытянулся на лавкѣ, чтобы немножко вздремнуть.

Винфрид был принят с выраженіем самой искренней радости. Гриша сіял, принимая такого высокаго гостя, и даже преувеличивал это событіе. Он говорил, что никогда еще в жизни ему не было так хорошо и весело, как сейчас, когда он сыт вполнѣ и у него есть вино, которое он может предложить ему, обер-лейтенанту. У г-на обер-лейтенанта добрая душа, и, конечно, он пришел, как думал Гриша, завѣрить его, что он не виноват в исходѣ дѣла. Это он уж знает. Гриша знает, что генерал сдѣлал все от него зависящее. Невозможнаго никто не может сдѣлать. Может-быть, г-н обер-лейтенант присядет? Это вот Тевье—еврей, а это Бабка—просто женщина. Вмѣстѣ с Тевье он, Гриша, соорудил гроб, который пришелся ему как по мѣркѣ.

Винфрид стоял у стола и осматривался. Конечно, всякому человѣку свойственно веселиться на свой манер. «Однако, прежде всего, надѣ открыть окно», сказал он. Гриша не мог допустить, чтобы это сдѣлал кто-нибудь другой, а не он. Он влѣз на табуретку, но, прежде чѣм отодвинуть задвижку у окна, обратился к своим гостям срѣчью, чтобы показать, что он совершенно трезв. Однако во время рѣчи он все же слегка покачивался. Наконец, поток холоднаго воздуха освѣжил испорченную запахом водки, нагорѣвшими свѣчами и чловѣческими испареніями комнату. Пламя свѣчи заколебалось.

Винфрид посмотрѣл на часы. Он не напрасно велѣл отворить окно. Ему нужны свѣжія головы, сказал он. Тевье служил в качествѣ переводчика. Он пришел, чтобы взять Гришу с собой. Никаких объясненій он давать не будет, да и нѣтъ к этому повода. Гриша должен знать, что он дѣлает для него все возможное. Пусть он собирает свои вещи.

Гриша внимательно прислушивался к тому, что передавал ему Тевье. Казалось, бурное объясненіе было неминуемым; вмѣшалась и Бабка. Все это происходило на русском языкѣ. Наконец Гриша встал на табуретку и закрыл окно.

«Он не хочет в новую тюрьму», пожимая плечами, сказал Винфриду Тевье. «Не хочет на свободу. Он не хочет уходить отсюда. Он говорит, что лишёній с него довольно. Здѣсь ему хорошо, здѣсь он и останется».

Русскій, очевидно, забыл, что предстоит ему завтра? Винфрид рѣшил, что лучше не говорить ему о помилованіи, которое может притти, как только телеграфная линія будет починена. Тогда онъ еще больше и безосновательно упрется на своемъ.

Гриша широким жестом пригласил Винфрида сѣсть и обратился к нему со словами.

Он, русскій, очень благодарен г-ну обер-лейтенанту, но он не хочет уходить отсюда. Он прекрасно знает, что получается, когда собаки дерутся из-за кости. Прежде чѣм сильнѣйшая побѣдит, кость уже давно будет разгрызена. Он разгрызен, и теперь слишком поздно. Он очень благодарен, но здѣсь ему хорошо и тепло, особенно, когда закрыли окно. Доброта же г-на обер-лейтенанта для него все равно, как крѣпкая и чистая водка. Винит во всем он только себя, но тѣм не менѣе итти не хочет. Часы идут только, пока сломается пружина, а новую он вставлять не желает.

Винфрид начал выходить из себя. Время шло. чорт его возьми! Однако он овладѣлъ собой, посмотрѣлъ на часы и сѣлъ на табурет. Он даже разстегнул шинель и закурил одну из Гришиных папирос. Развѣ Папроткин забыл, что он хотѣлъ попасть домой? Тевье, напряженно прислушиваясь, переводил каждое слово. Конечно, это дѣло нѣсколько затянулось, но пусть он только будет разумнѣе сейчас и согласится итти за лейтенантом. По всѣм данным ему можно гарантировать хорошій исход. Иначе—должно случиться чудо, чтобы он остался жив. Сейчас его просто отвезут в лагерь, гдѣ он останется до приѣзда генерала. Судебный процесс будет пересмотрѣн, а прежде чѣм рѣчь пойдет о наказаніи, будет заключен мир. Он, Винфрид, как адъютант его превосходительства, утверждает, что мир с Россіей сейчас ближе, чѣм когда-либо. Будет

обмѣн плѣнными, повсюду будет радость, и наказания будут отмѣнены. Тогда прямо в свою Вологду! Придешь,—скажешь—вот и я женка, ну как мой малыш? А вся эта исторія будет казаться только дурным сном. Пусть он послушается только сейчас, пока не горит свѣт. Прозѣвает какія-нибудь двѣ минуты, и обер-лейтенант уже не сможет освободить его, а Гриша сам себѣ подпишет смертный приговор.

В комнатѣ стало так тихо, что слышно было, как на столѣ трещит свѣча. Наконец, Гриша положил голову на руки и залился слезами.

«Тебѣ только выйти на улицу», убѣждал его Винфрид, «а там уже ждет автомобиль и дѣло сдѣлано».

Бабка, вся дрожа, цѣплялась за руку Гриши и шептала ему на ухо короткія, рѣзкія фразы. Иди. Это куда надежнѣй. Он должен итти, это спасет его. Он отец своих дѣтей и должен имѣть голову на плечах.

Гриша поднял свое лицо. Слезы продолжали катиться из его глаз.

«Они не дают мнѣ покоя», всхлипывая проговорил он. «Опять в новую клѣтку. Я никогда не буду имѣть покоя. Тебѣ, ты видишь, как они меня рвут, то сюда, то туда. Ну что же мнѣ остается. Надо итти». Он высморкался и поднялся из-за стола. «Хорошо, пойду под новое ярмо... под новое ярмо». Слезы градом катились по его щекам.

«Слава Богу», воскликнул Винфрид, вскакивая с мѣста. «Шапку и шинель оставь здѣсь. Тебѣ все приготовлено в автомобилѣ. Ну — вперед. Как есть, так и иди».

Тебѣ и Бабка остались на мѣстах. Гриша нерѣшительно теребил пуговицы своей куртки, Винфрид сдѣлал нѣсколько шагов из камеры.

Вдруг перед ним блеснул свѣт фонаря.

«Это что еще?» Винфрид остановился.

«Дежурный ефрейтор. Г-н обер-лейтенант знают, что...»

«Вы что, подслушиваете что ли здѣсь в потемках?» с досадой проговорил Винфрид.

«Всегда на посту».

Винффрид сразу сообразил, что перед ним выросло препятствие, своего рода, барьер. Нужно было его взять. Э, да что тут, подумал он.

«Ефрейтор, я думаю, вы не будете ставить мнѣ препятствій».

«Зависит от того, что пожелает г-н обер-лейтенант».

«Он просто возьмет русскаго с собой», небрежно бросил Винффрид — словно это была самая обыкновенная в мирѣ вещь.

«У г-на обер-лейтенанта, несомнѣнно, имѣется полномочіе?» Винффрид освѣтил своим фонарем напечатанную на машинкѣ бумажку, скрѣпленную большой печатью дивизіи.

Оба пошли в караульную, гдѣ горѣла свѣча. «А то жаль батареи», замѣтил Герман Захт. Затѣм он внимательно прочел бумагу, осмотрѣл ее и повернул даже обратной стороной, гдѣ часто ставились визы. Таковых здѣсь не было. Документ был только из военного суда. Для того, чтобы разрѣшить взять отсюда русскаго ему нужно еще подтвержденіе комендатуры с подписью г-на ротмистра.

Винффрид с нетерпѣніем вздохнул. «Все это можно сдѣлать потом», успокоительным тоном произнес он.

«Лучше сейчас. Иначе ничего не выйдет».

Винффрид почувствовал, что препятствие вырастает. Он попробовал слегка подѣйствовать начальнической угрозой. «Сейчас вы передадите мнѣ этого человѣка. Всѣ послѣдствія и отвѣтственность я беру на себя».

Ефрейтор стоял на своем.

«По этой бумажонкѣ, отсюда ни шагу».

Винффриду пришлось собраться с духом. Осталось только подѣйствовать на психологию. «Вѣдь вы же человѣк, — напомнил он ефрейтору, — а не палач и не слуга палача. Отпустите его со мной, камрад», — дружелюбно и почти просительно увѣщевал он. В отвѣт на это Герман Захт с таким же

дружелюбным видом поставил у винтовки предохранитель на боевой взвод.

Тогда, к сожалѣнію, ему придется застрѣлить г-на обер-лейтенанта. В отвѣтъ на такую наглость рука Винфрида невольно протянулась к кобурѣ с револьвером. Ефрейтор же, смотря в упор лейтенанту, тихо, но яростно прошептал:

Знает он это, как берутся на себя эти отвѣтственности. Обер-лейтенантъ будет только снижен по должности. Самое худшее, если ему придется командовать ротой гдѣ-нибудь в тихом уголку фронта. Все же свалится на голову низших чинов и на него, Захта, в том числѣ. Самое легкое наказаніе, если он, как рядовой 2 класса, будет мучиться и голодать. Сдерут с него всю шкуру, как со скота, пока не издохнет. А то еще проще — пошлют в окопы на «смерть героя», и дѣло с концом. Нѣтъ уж, г-н обер-лейтенантъ. У него есть инструкція, и если он от них отступит, то немедленно отправится к чорту. «На нас, рядовых», почти крикнулъ он, «на нашей печонкѣ отзовется вся эта исторія. С нами не долго возьтятся. Нас не жалѣют. Или на вашей бумажонкѣ будет подтвержденіе комендатуры, или русскій останется здѣсь, и завтра его ухлопают». Ему, как и всякому в арміи в самую кровь и плоть всосалось, что своя рубашка ближе к тѣлу. Чтобы покончить с этим дѣлом, он бросился к Гришѣ, — в лѣвой рукѣ у него была винтовка, а правой он схватил Гришу за руку. Гриша стоялъ в трех шагах, он не улавливал смысла слов, но понимал все происходившее перед его глазами. Пусть товарищ простит его, Германа Захта. Он всегда желал ему добра, но сейчас разсуждать не приходится. Прежде чѣм отпустить Гришину руку, солдат тихо добавил: «Спрашивай с тѣх, кто зажимает в тиски нас, честных людей, до тѣх пор, пока от страха мы не научимся дѣлать ничего, кромѣ свинства». Затѣм он повернулся, нахлобучил шлем и подошел к выходной двери. Там, став к ней спиной и держа винтовку на-перевѣс, он положил палец на спуск.

Винфрид бросил свой документ на стол, желая как-то реагировать. Его сердце отчаянно билось. Вдруг рѣзкой вспышкой, болѣзненно ослѣпившей глаза, во всѣх лампах обширнаго помѣщенія загорѣлся свѣтъ.

«Кончено», вымолвил Винфрид.

Стиснув зубы, он дрожащими пальцами поднес бумагу к пламени свѣчи; посмотрѣлъ затѣм, как пепел кружится по полу, и потушил свѣчу. Гриша, неподвижно стоявшій все время, протер глаза, повернулся и, без единого слова, отравился в свою камеру. Бабка, остро слѣдившая взглядом за троемъ мужчинами, хрипло и бѣшено шепнула Гришѣ: «вот теперь, сейчас!» имѣя в виду отравленную водку. Тут Гриша совершил ошибку. Он усмѣхнулся, покачал головой и без слов показал пальцем сперва на себя, потом на помойное ведро.

В один прыжок Бабка была уже около бутылки. Она увидѣла откупоренную и ввovь заткнутую пробку, вырвала ее и поднесла бутылку к носу. Гриша с ужасом видѣлъ, как она налила нѣсколько капель на руку и слизнула их. Это была вода — простая вода, слегка отзывавшаяся водкой с нѣсколько горьким запахом. У Бабки вырвался стон, но этот стон шел как-будто из самой глубины души. Что-то схватило ее за сердце. До крови вонзив ногти в свои собственные руки, она рухнула на стул. Комната кружилась перед ея глазами. Вдруг рѣжущая, как нож, боль разодрала ей внутренности. Послышался долгій жалобный крик.

Вторая волна боли пронзала тѣло...

Да, женщинамъ в началѣ восьмого мѣсяца беременности не рекомендуется испытывать сильный испуг. Из поспѣшныхъ объясненій Гриши Тевье, будучи сам супругом, сразу понял, почему эта женщина так кричит. Когда команда, вернувшаяся с полочки жалованья и с венерическаго осмотра, ввалилась во вновь освѣщенное помѣщеніе, она увидѣла на нарах извивавшуюся в судорогахъ женщину.

Винфрид попросил, чтобы нѣсколько человекъ осторожно вынесли «старую женщину». Ждавшій

его у ворот автомобиль пригодился только на то, чтобы отвезти Бабку в больницу.

Смотря в покраснѣвшее, искаженное болью лицо Бабки, солдаты в первый раз увидѣли, что у нея молодые глаза. Да, всякія вещи случаются с людьми. Разговаривая о том, как вдруг помолодѣла забеременѣвшая старуха, они даже не замѣтили Германа Захта. А тот, пепельно-сѣрый и покрытый потом, с винтовкой, стоявшей рядом, лежал на своей постели. Закрывши шлемом лицо и, невзирая на свѣтъ и шум, он спал — и спал, как человек только-что закончившій труднѣйшую работу в своей жизни.

Выслушав отрывистыя, короткія сообщенія Винфрида, Бертин и Понт поняли, что все пропало. Вот какія бывают дѣла, и как судьба играет человеком. Бабку они отвезли в городской лазарет. Там им сказали, что слѣдует ждать нормальных родов, но у рожаящих в первый раз они продолжают довольно долго. Врач, блѣдный сѣдобородый еврей, в чистом бѣлом кителѣ, только пожимал плечами: никто не может знать, продолжатся ли роды 12 часов или 24. Г-на обер-лейтенанта во всяком случаѣ об этом оповѣстят.

А в это время Гриша, выжатый, как тряпка, ложился на свои нары. Унтер-офицер Шмилинскій запер за ним дверь. Однако даже во снѣ слезы продолжали катиться из его глаз: была ли в них просто жалость к себѣ, или, может-быть, скорбь о людях — кто знает?

Г л а в а 15.

КОММЕНТАТОРЫ.

Окраина города. В квартирѣ Винфрида электрическія лампы горят ярко, как никогда: всѣ провода починены, и динамо мѣрно жужжит.

«Кажется, уже тает», жалуется Бэрб, прини-

кая лицом к стеклу; затѣм она прикрывает форточку, а Винфрид шепчет ей на ухо:

«Терпѣніе, любимая моя, терпѣніе».

Винфрид сильно измѣнился: лицо обострилось, исхудало, глаза запали внутрь. Сейчас он выглядит так, как выглядѣл, когда сидѣл в окопах, у пулеметов, когда лицо его освѣщалось сигнальными ракетами, позиціи гремѣли от выстрѣлов и кругом зіяли бреши от разрывов гранат. Разница только в его цвѣтѣ лица: прежде оно было темно-красным, а теперь, от постоянного пребыванія в комнатах поблѣднѣло.

«К сожалѣнію быть терпѣливой сейчас довольно трудно», отвѣтила на его слова Бэрб.

Прижавшись к углу дивана курит свою матово-коричневую сигару Познанскій. Перед нотным пуопитром сидит со скрипкой в руках Бертин. Сестра Софи — у рояля. Однако в настоящую минуту всѣх пятерых присутствующих вмѣстѣ с комнатой можно считать только чѣм-то незначительным по сравненію с блестящим черным телефоном, доминирующим над ними в своем углу. Если будет звонок по телефону от Обер-Оста или с Брест-Литовскаго вокзала, Маннинг, у котораго сегодня ночное дежурство, должен немедленно сообщить им. Даже если разговор будет происходить только с комендатурой, и то Маннинг пренебрегая служебной тайной, доведет его до свѣдѣнія Винфрида. Из пограничной зоны уже было сообщеніе: если не сегодня в ночь, так завтра утром монтеры поставят новые провода на испорченных бурей телефонных линиях. Если же будет настоятельная необходимость, то для сообщенія с Мервинском будет установлено радіо.

«Ну, одного ничтожнаго русскаго они не сочтут за настоящую необходимость», критически замѣчает из своего угла Познанскій.

Состояніе напряженнаго ожиданія невыносимо давит этих пятерых людей. Ни у кого нехватает смѣлости сознаться, что всякая надежда потеряна.

Винфрид в девятый или десятый раз начинает увѣрять:

«Не может быть, чтобы фон-Лихов ограничился ходом с маленькой карты, не показавши своих зубов. Его голос мы, несомненно, услышим по телефону, — лишь бы только это не оказалось поздно».

«Для кого поздно», спрашивает Бертин от своего шопитра.

«Для всѣх нас?» отвѣчает Винффрид, «для нашей чести, для страны, для нѣмцев, для кого бы то ни было».

Пауза. Слышно как поет электрический чайник. Сейчас восемь часов вечера; ожидать извѣстій так поздно совершенно бессмысленно. Связь с восточной областью никому не нужна до такой степени, чтобы заставлять монтеров работать еще по ночам.

«Мы попросту обезьяны», поясняет Познанскій.

«Курите, господа, курите», предлагает Винффрид своим гостям.

Всѣ пятеро сидят здѣсь уже не один час. Завтра, в день «Всѣх усопших» в маленькой полковой церкви пастор Людеке совершает службу. Сестра Софи будет пѣть арію из кантаты Баха, а сегодня вечером она общала своим друзьям пропетировать. Однако до сих пор Софи не пропѣла ни одной ноты. Казалось, весь дом был поглощен только ожиданіем, а находившіеся в нем люди чувствовали себя всецѣло во власти бѣгущих секунд, которыя, как распыленный в тонкій порошок пепел, непрерывно падали в вѣчность.

Познанскій снял со своих усталых глаз очки. «Выскажемся, наконец, ясно и точно, что собственно здѣсь с нами происходит», проворчал он. Его глаза с покраснѣвшими вѣкам казались без очков какими-то беспомощными по сравнению с его сократовски умным лицом.

«Мы ждем, что невиновный человек, несмотря ни на что, будет спасен», раздраженно и рѣзко отвѣчала Бэрб.

Познанскій покачал своим выпуклым, голым черепом.

«Развѣ сейчас такое время, чтобы думать об отдѣльных личностях», мягко отвѣтил он. «Кому

какое до них дѣло, виновны они или невиновны. Как раз сейчас там, на Западѣ или в Италіи рвутся шрапнели и движутся облака удушливых газов, — а вѣдь там такіе же, как мы. Во всѣх морях, омывающих Европу, пробивают корпуса судов и топят совершенно таких же, как мы людей. «Бѣднѣй Гриша», прибавил он, покачивая головой, «если ты завтра перейдешь в иной мір, то не думаю, чтобы ты пострадал один».

Голубоватое облако дыма стлалось над столом и походило на призрак той самой бѣды, о которой говорил Познанскій.

«А чего мы дѣйствительно ждем по вашему мнѣнію?» рѣзко спросил Бертин, зажав подмышкой свою скрипку, «если область дивизионнаго суда кажется вам только символом, а вмѣшательство Шиффендана метафорой».

Сидѣвшая рядом с ним Софи крѣпко пожала ему руку; никто этого не замѣтил.

«Вѣрно угадали, молодой человек», кивнул Познанскій: «именно, символом и метафорой».

«Дѣло идет о самой Германіи», устало проговорил Винффрид. «Должны же существовать право и справедливость в странѣ, ради дѣла которой мы погибаем в нищетѣ и грязи. Как бы эта милая страна не исчезла вмѣсто того, чтобы расцвѣсть? Не очутилась бы наша родная Германія вообще за бортом міра? Кто теряет понятіе о правѣ с тѣм можно считать счеты поконченными».

Софи покачала своей милой головкой. Она не может выразить то, что чувствует, но ея чувство идет дальше сфер, гдѣ куется судьба стран и народов. «Играйте», вдруг выйдя из своей подавленности, говорит она Бертину и сама начинает прелюдію. Затѣм вступает Бертин. Чистое контрольно Софи прогоняет тревожную атмосферу комнаты. Нѣжный дѣвичій голос поет безыскусственно просто. Страстное желаніе дрожит в трепетной красотѣ глубокаго голоса, как когда-то в мощной душѣ самаго мастера, в порывѣ восторга любви написавшаго эту арію.

В тот момент, как Софи начала вторую стро-

фу, Бэрб быстро обернулась к телефону: ей послышался телефонный звонок.

«Обман слуха, Бэрб. Ничего нѣтъ», прошептал ей Вяйфрид.

В этот момент, там, в брест-литовской канцеляріи фельдфебель Матц разрывал какую-то испи-санную карандашом бумажку; это были предвари-тельные замѣтки для разговора по телефону, который вчера вечером так и не удался Шиффен-цану. Позже генерал уж и не спрашивал о нем, а извѣстіе о порчѣ проводов принял равнодушным кивком головы. Значит — нѣтъ, только и всего, спокойно подумал он, и дѣло будет закончено со-гласно приказу. Вообще он не понимал, как мог он вчера так рвать и метать, чтобы только полу-чить возможность отмѣнить свою телеграмму. Развѣ ея посылка не была обдуманна основательно и всесторонне? Просто старик вывел его из рав-новѣсія, а переутомленіе сдѣлало свое. В настоя-щее время дѣло Бьюшева было уже внѣ его поля зрѣнія, а вся дѣловая переписка по этому вопросу была отправлена в регистратуру к Матцу. Шиф-фенцан не хотѣл засорят своей памяти и вычер-кнул из нея всю исторію с Бьюшевым; поэтому Матц, разрывая послѣднюю бумажку относительно телефонных переговоров, дѣйствовал, хотя и без вѣдома Шиффенцана, но в полном согласіи с его намѣреніями. Матц заботливо подобрал два разор-ванных клочка, упавших мимо корзины для бумаги, и проворчал: «И без того окажется достаточно неотложных дѣл, как только будут исправлены провода».

Неописуемо хорошо звучит эта музыка, тѣм временем думалось Познанскому. Это вѣдь не только голос Софи и не только Баховская музыка. Это что-то... безотносительно прекрасное, продолжал он размышлять. Эта полнота, глубина, в каждом моментѣ несущая на себѣ печать гениальности. И как она кротко поет, малютка! Никто из присутствующих не произносил ни слова, Бертин чувствовал какую-то особенную нѣжность к Софи за ея пѣніе. Он охотно прижал бы к себѣ ея

головку и поцѣловал ея губы, в которых чувствовалось дыханіе самой природы; однако ему пришлось удовольствоваться только поцѣлуем руки.

Бэрб все время, как прикованная, упорно смотрѣла в свою чайную чашку. Жалость к чело-вѣку, страданіям котораго она не могла помочь, терзала ее. Винфрид чуть ли не в шестидесятый раз посмотрѣл на часы и тотчас же забыл об этом.

«Н-да», откашливаясь, проговорил, наконец, Познанскій. «Германія, говорите? А что означает это слово, мой милый? Власть Германіи поднялась как опара для кулича, а моральные устои съежились в ней до толщины нити. Удивить это никого не сможет: это обычная судьба государств, и ничего особеннаго в этом нѣтъ. Но вот, если эта ниточка оборвется, и безправіе будет санкціонировать, вот тогда будет нѣсколько хуже. К счастью, всегда найдутся люди, которые не останутся безучастными, — вот такіе меленькіе кружки людей, как наш. Если приложить старанія, то можно еще исправить дѣло. Не удастся—ну что ж. Германія не есть нѣчто безусловно необходимое и, если она рано или поздно сойдет со сцены, то одного Себастьяна Баха уже достаточно, чтобы по ней осталась славная память. Может ли кто-нибудь сказать», закрыв глаза, мечтательно продолжал он, «для чего собственно люди так прикрѣпились к землѣ? Конечно, не потому только, что они суть результат первичной протоплазмы. Человѣкъ претендует на мѣсто преобразователя с тѣм, чтобы измѣнить лицо дѣйствительности, согласно осознанным или міровым задачам. А выходит, что ему гораздо легче выучиться летать, сообщаться на разстояніи по радіо и плавать в подводных лодках, чѣм создать для самого себя понятіе права. Привести всѣх людей к сознанію, что справедливость, как звѣздное небо, должна находиться над нами так, как это могут ощущать отдѣльныя личности (если только они не окончетельно потеряли разсудок от борьбы за существованіе) — вот кажется наша ближайшая задача».

Познанскій умолк. Затѣм, чтобы избавить каждаго из своих слушателей от малѣйших угрызений совѣсти перед самим собой, он своим скрипучим, нѣсколько глухим голосом, шутливо прибавил:

«Таким путем была бы разрѣшена эта мировая проблема. Дайте слѣдующую».

Винфрид смотрѣлъ на его блестящій голый череп и чувствовал себя утѣшенным. Может-быть, Германія еще и встанет на ноги.

* * *

Гриша спал в своей камерѣ таким глубоким сном, что не просыпался даже от собственных стѣсненнаго дыханія. Камера его была высока и узка и напоминала собой стоямя поставленный гроб; в этом гробу казавшійся маленьким и затерянным лежал Гриша. В бодрственном состояннн он не позволялъ себѣ обнаруживать свой страх перед смертью. Во снѣ же было другое: его нижняя челюсть отвисла и дрожала мелкой дрожью, а дыханіе было похоже на дыханіе чловѣка, котораго душит обвалившаяся земля.

Софи и Бертин в сопровожденнн Познанскаго вмѣстѣ покинули уютную комнату в квартирѣ Винфрида.

«Страшно мнѣ», тяжело дыша проговорила Софи.

Бэрб задержалась у телефона, справляясь, как чувствует себя в городской больницѣ рожавшая Бабка. Познанскій, Софи и Бертин не ждали Бэрб. Они воспользовались ея разговором по телефону, чтобы тактично уйти; они как бы не замѣчали того, что Бэрб остается еще у Винфрида.

Старшая сестра в больницѣ, она же акушерка, охотно дала Бэрб всѣ свѣдѣнн:

Роды — правильные, но ребенок лежит несовсѣм удобно; схватки превосходны, но роженица уже немолода. Пока слѣдует оставить так, как есть. Когда есть возможность избѣжать наложенн щипцов, то лучше немножко подождать.

МОГИЛЬЩИКИ.

Вплоть до самой команды «смирно», которая заставила роту замереть на мѣстѣ, среди солдат слышался возбужденный шопот. Было уже 2 ноября, а фельдфебель Шпирауге, как ни в чем ни бывало, распредѣлил дневныя работы и ушел, оставив всю команду в состояніи величайшаго изумленія. Среди солдат, заявивших о болѣзни сегодня оказался ефрейтор Герман Захт. Больные записывались обычно в реестровую книгу и затѣм отправлялись на осмотр в амбулаторію или прямо в лазарет. При гарнизонной службѣ особыя строгости в лазаретах не имѣли смысла. Однако, по привычкѣ или ради муштровки, ребяческія попытки симулянтов отклонить от себя на нѣкоторое время благословенную службу, преслѣдовались здѣсь во-всю. Ефрейтор Захт весь сѣрый, без кровинки в лицѣ, как-то совершенно не по-военному машет руками. Он все время произвольно моргает глазами, и от этого его взгляд кажется блуждающим. При измѣреніи температуры у него оказывается 39°: на все остальное дежурный врач д-р Любберш уже не обращает вниманія. Чтобы не прослыть евреем, он строго муштрует рядовых солдат; однако выпроводить Германа Захта из приѣмной ему не удастся. Может быть, послѣ нѣскольких дней покойнаго лежанія в постели лихорадка пройдет и внѣ зависимости от удрученнаго психическаго состоянія больного. Тогда его пошлют в отпуск, но это никому не повредит.

Послѣ ухода Шпирауге рота осталась в полном недоумѣніи: что же теперь будет с Бьюшевым? Во всяком случаѣ, видимо, остались правы тѣ, кто вчера вечером угрожающе стучал кулаком по столу и кричал: «Не будем его разстрѣливать. Он—наш товарищ. Он оказывал нам тысячу услуг. Он невинен, как новорожденный, и мы его не ухлопаем».

Однако опытный и смывленный солдат Шпир-ауге давно уже поставил дѣло с разстрѣлом на нужныя рельсы. Его пронизательность простерлась так далеко, что он не упомянул ротмистру о мотивах, почему на этот раз он предпочтет не брать ландверную роту в качествѣ исполнителей разстрѣла. Выскажи он Бретшнейдеру истинныя основанія этого шага, и тот, припертый к стѣнѣ, должен будет настоять на соблюденіи дисциплины. Рота должна держать язык за зубами и стрѣлять, если прикажут в собственных отцов и матерей. Конечно, настоящій человек сразу догадается, в чем тут дѣло. «Молчок!» подумал про себя фельдфебель. Тѣм не менѣе, при утреннем рапортѣ коменданту он, не моргнув глазом, тоном сожалѣнія доложил:

По ходу сегодняшних работ он, к несчастью, не может между тремя и пятью часами дня предоставить пятнадцать человек, во исполненіе приказа г-на генерал-квартирмейстера. В дезинфекціонном же баракѣ рекрутскаго депо находится батальон солдат и поставить пятнадцать винтовок оттуда батальон сможет.

Ротмистр фон-Бретшнейдер сам знает, что это как раз то, что нужно. Однако ему и в голову не приходит назвать фельдфебеля «своей жемчужиной» или хотя бы «лисицей». Ни одной мыслью ротмистр не разрѣшает себѣ коснуться истиннаго положенія дѣла, которое он в глубинѣ души, несомнѣнно, чувствует. «Прекрасно», бросает лишь он и переходит к слѣдующему пункту. Однако оба знают, что выход найден.

* * *

«Положить на мѣстѣ одного—и ничего больше?» произносит вице-фельдфебель Берглекснер по-баварски. «Сдѣлаем, если поставите водки. На одного унтера и 14 человек команды это составляет три бутылки, да на меня одну—четыре... Я поставлю людей с карабинами, с ними легче бить на коротком разстояніи».

Шпиррауге обѣщает поставить водку и продолжает разговаривать с вернувшимся с фронта Берглехнером о судьбѣ батальона. Главное оружіе батальона, пулеметы, а самый батальон выдѣлен из состава конных стрѣлков. Видѣл ли камрад, спрашивает Берглехнер, трупы умерших от отравления газами? Это недалеко, в 20 минутах ѣзды на трамваѣ. Батальон принимал участіе в прорывѣ на итальянском фронтѣ: до этого он был на румынском фронтѣ, во время великаго отступленія при Фокшанах, и еще раньше участвовал в зимней кампаніи в Карпатах: вот гдѣ были дѣйствительно страшныя схватки. Теперь батальон послан для участія в боях во Фландрію. Сейчас у них сплошь молодежь, не старше 20 лѣтъ, но особой щепетильности от них ждать не приходится. На лафетном передкѣ перваго орудія они возят с собой канарейку и кормят ее сахаром. Эта канарейка для них вродѣ батальоннаго ангела-хранителя, а в началѣ этого года они устроили непріятелю такой «спектакль», что небу жарко стало. Всѣ они опытные маскировщики, хотя при началѣ войны каждому из них было не больше семнадцати лѣтъ.

«А чего нам стѣсняться», продолжал Берглехнер. «Кому так часто приходилось стирать со своей винтовки кровь своего сосѣда, как, напримѣр, нам, того вашим «пансіоном», да вашими «комнатными жеребцами» не удивишь. Бывало, лежишь и не знаешь: что вон там валяется твоя нога или она еще у тебя на мѣстѣ? Прямо, не придумаю, что мы будем дѣлать, когда придется стягивать с себя военный мундир. Та лавочка, из которой мы всѣ вышли, как-будто уже больше и не подходит; вообще всѣ мы немножко перешли через край. Ровно в два», заключил он, «я приведу к вашему притону четыре перенги; будет один вице-фельдфебель, один унтер-офицер и пятнадцать рядовых. По правдѣ говоря, вы — большіе хвастуны, раз идете на такую роскошь». Он щелкнулъ пальцами по коричневой кобурѣ своего револьвера. «Двух маленьких дырок, просверленных в затылкѣ вот этой штукой, было бы вполне достаточно.

Впрочем, вам виднѣй, как говорит Шиллер». Он кивнул головой и размахистой походкой отправился в свою сторону, унося вмѣстѣ с собой свою серебряную портупею с офицерским кортиком, сумку с военными картами и зеленые обмотки на ногах. «Что это у меня сердце как давит», подумал Шпирауге смотря вслѣд уходящему. «Это уже третья сигара сегодня. Проклятое курѣво, надо быть болѣе умѣренным!»

* * *

Утреннее небо было еще покрыто громоздившимися друг на друга облаками, но уже начинало проясняться. К десяти часам выглянуло и солнце. В девять утра телефонная связь на одной линіи была налажена, и майор Грасник уже передавал в оперативный отдѣл Брест-Литовска весьма важныя свѣдѣнія. Вскорѣ в комнатѣ майора появился Винфрид. Адъютант попросил узнать, не оставил ли его превосходительство для военнаго суда срочнаго извѣщенія. Оказалось, что его превосходительство прослѣдовал дальше, согласно имѣвшемуся у него маршруту. Ни телеграммы, ни каких-либо порученій он не оставлял. В отвѣтъ на это оберлейтенантъ выразил свое удивленіе, правда очень сдержанное, и отправился к себѣ. Однако, едва выйдя за дверь, он должен был прислониться и вытереть покрывшійся потом лоб. Воротник литовки душил его; Винфрид разстегнул воротник и жилет и возможно глубже стал вдыхать в себя воздух. Озноб, который чувствовал Винфрид, он объяснял холодом в нетопленных коридорах. Винфрид снова застегнулся на всѣ пуговицы. «Боже мой, Боже мой», повторял он. «Чѣм все это могло быть вызвано? Что же теперь дѣлать?» Конечно, мѣр, могущих быть предпринятыми было много: можно было просто приказом задержать шедшій на экзекуцію маленькій отряд или, напримѣр, сфабриковать самому депешу, которая внесла бы замѣшательство в ход событій. . . В то же время Винфрид сознавал, что примѣнить всѣ эти воз-

возможности к дѣлу все равно не удалось бы. Если бы даже фон-Лихов не уѣзжал в отпуск, а оставался на мѣстѣ, все равно при мертвой хваткѣ Шиффенцана и всеобщем страхѣ, перед нарушеніем дисциплины, равносильном бунту, сдѣлать нельзя было ничего. «Бѣдный малый», подумал Винфрид, «бѣдная родина!» Он попросил Водрига принести ему коньяку, затѣм позвонил Познанскому, чтобы узнать нужен ли от военнаго суда человекъ в качествѣ свидѣтеля послѣдней экзекуціи. Познанскій обѣщал притти.

* * *

Русское кладбище в Мервинскѣ находилось на восточном гребнѣ холма, выше самого города. Шпирауге распорядился, чтобы Гриша с помощью кладбищенских солдат, также подчиненных комендатурѣ, сам вырыл себѣ могилу. Конечно, это звучало жутко, но опытный фельдфебель знал, что доброе дѣло часто связано с жестокостью. Сидѣть и трястись в своей камерѣ, прислушиваясь, не поступит ли в дверь палач, было бы куда болѣе мучительно. Здѣсь же осужденный, по крайней мѣрѣ, пройдетъ до кладбища и обратно, а физическая работа отвлечет его от тяжелых мыслей. Гриша, дѣйствительно, обрадовался этому обстоятельству. Как вышло с гробом, который он случайно сдѣлал сам для себя, так и здѣсь ему хотѣлось самому приготовить мѣсто своего новаго жилища. Сказавшагося больным ефрейтора Захта замѣнили в качествѣ сторожей двое солдат из другого капральства. Снѣг, слегка подмерзшій за ночь, теперь обнаруживал склонность к таянію. Когда всѣ трое достигли вершины холма, сквозь тучи выглянуло солнце, и в воздухѣ потеплѣло. Гриша дѣловито осмотрѣлъ мѣсто, гдѣ он должен был работать, и нашел его подходящим; оно приходилось у лѣваго края кладбища, как-раз возлѣ дороги. Лежать в тѣсотѣ могил ему было бы неприятно. Даже здѣсь, у нѣмцев все по квадратикам, подумал он, оглядывая усѣянное крестами поле. Самое поле было

раздѣлено на три части: для католиков, православных и для евреев вмѣстѣ с магометанами. Двое кладбищенских солдат, оба родом из Гамбурга, по распоряженію Шпирауге уже приготовили мѣсто. Гриша ревностно принялся за работу.

«Легче, легче», ворчали гамбургцы, когда Гриша заявил для себя претензію на слишком большое пространство земли. Они не знали, что сам Гриша и есть будущій обитатель жилища, стѣны котораго он сейчас рыл. Помощников в работѣ им присылали и раньше, а о себѣ Гриша им не сказал ничего.

Оба Гришиных стража были достаточно сообразительны, чтобы не мерзнуть зря. Они прислонили свои ружья к кресту ближайшей могилы, так что в любую минуту могли их достать рукой и тоже принялись за работу. На четверть аршина они уже углубились в землю; земля сперва была сырая, но по мѣрѣ углубленія становилась все суше. Цвѣтъ ея также становился свѣтлѣй: сперва шел слой глины, плодороднаго лѣса, потом песок, потом опять глина. «Чистая будет могила», подумал Гриша. «Только ее не нужно дѣлать слишком короткой и узкой». Глаза Гриши смотрѣли живо и ясно. Все равно: чему быть, тому не миновать. Только под сердцем было какое-то новое противное и давящее чувство. Ничего. Не нужно только обращать вниманія, не поворачиваться к этому, чтобы оно не набросилось на него, из-за кучи земли. Это тот самый черный звѣрь — лѣсная кошка. Бабка не раз рассказывала ему, что это был в дѣйствительности за звѣрь. Это — рысь, и человѣку, вооруженному только ножом, пришлось бы от нея довольно плохо. А сейчас она подползала к нему все ближе и ближе; Гриша уже видѣл ея когтистыя лапы и уши, как у чорта. Ничего, его защитит земля: она — теплая и даст надежное прикрытіе... Гришѣ вдруг вспомнились эпизоды из его фронтной жизни. Как часто ему и его товарищам приходилось лихорадочно окапываться, чтобы соорудить прикрытіе от огня пѣхоты и от шрапнели. «Наддай!» яростно обратился он к самому себѣ, нажимая сапогом на за-

ступ. От равномерных движений в работѣ по всему его тѣлу разливалась пріятная теплота. Гриша скинул шинель, развѣсил ее на двух крестах и снова принялся за работу. Его движенія были похожи на движенія сѣятеля, разбрасывающаго сѣмена для слѣдующей жатвы.

Оба солдата говорили друг с другом об отпускѣ и о заглохших толках о мирѣ; оба были убѣждены, что еще не скоро увидят его. Гамбургцы, также с лопатами в руках, принимали участіе в разговорѣ. Однако мѣсто для работы хватало уже только на четверых. Гриша давно стоял до колѣн ниже поверхности земли и с ожесточеніем дѣйствовал заступом. Эту ожесточенность его стража могла объяснить только гнѣвом, яростью и ненавистью, а между тѣм ничего подобнаго Гриша не ощущал. Он весь ушел в свою творческую работу и испытывал лишь страсть могильщика, задавагося цѣлью исполнить свою задачу безусловно. А кругом был солнечный свѣтъ, золотистый и свѣжій воздух, голубоватая тѣни на мягких очертаніях холмов и глубокій снѣжный покров, из котораго подымались довольно жалкаго вида кресты. Раздѣленный на три части четырехугольник кладбища уже не казался Гришѣ по-прусски раздѣленным на квадратики. Это поле мертвых представлялось ему теперь безусловно выстроенными тремя батальонами. Это был полк, входившій в состав безчисленнаго войска, которое оставило войну на поверхности земли и спустилось под землю: там, с оружіем к ногѣ это войско ожидало грядущих событій. «А недурно примкнуть к этому войску», подумал Гриша. Жаль только, что он не может захватить с собой винтовку с боевой амуницией, холодное оружіе, котомку и скатанную шинель, чтобы было все, как слѣдует. Здѣсь в Гришѣ говорили тѣ же чувства, что у древняго языческаго воина, который во время битвы не думал о смерти, но всегда был готов к бою и послѣ нея. Всѣ эти чувства придавали движеніям работавшаго Гриши особую страстность. Вскрѣь могила стала настолько глубокой, что для свободных движений при выбрасы-

ваніи земли уже становилась тѣсной. Лѣвая рука Гриши привычным автоматическим жестом продолжала скользить по древку заступа.

«Ишь, как ваш русскій работает», удивленно проговорили оба гамбуржца. «Должно быть у него еще остался жир в тѣлѣ».

Когда они узнали, для кого копают могилу этот выпущенный из тюрьмы работник, оба они так и остались с разинутыми ртами. У старшаго даже едва не выпал из рук заступ. И с этой минуты вплоть до половины одиннадцатаго они располагали неисчерпаемой темой для разговора с обоими солдатами.

Глава 17.

ПОСЛѢДНЯЯ ВОЛЯ.

В эти дни в Мервинскѣ находился проѣздом на новый фронт делегированный Красным крестом іоаннит фон-Вагген. С ним находился и его подчиненный, унтер-офицер Муссер; дѣтскіе глаза на круглом лицѣ послѣдняго смотрѣли из-за стекол очков с выраженіем какого-то постоянного изумленія. Вслѣдствіе своей дальнорукости, Муссер был почти слѣпым в отношеніи находящихся вблизи предметов. Вмѣстѣ с фельдфебелем Шпиррауге он вошел в тюремную караульную, чтоб получить от Гриши его завѣщаніе. С ними же шел писец, несшій в большом бумажном пакетѣ всѣ отобранныя когда-то у Гриши вещи. Позади них шел уполномоченный шведскаго Краснаго креста, профессор граф Анкерстрем, прибывшій в Мервинск с цѣлью окончателно вырѣшить вмѣстѣ с Ваггеном и фон-Лиховым ряд важных вопросов, касающихся военно-плѣнных. На чисто выметенном длинном столѣ было достаточно мѣста, чтобы расположить все содержимое бумажнаго пакета. Кромѣ того, унтер-офицер Шмилинскій с видимым смущеніем принес из Гришиной камеры деревянный ящик. По

размѣрамъ это былъ чуть ли не шкафъ, а подслѣдственнымъ арестантамъ не разрѣшалось имѣть такія вещи. Однако никто не сказалъ ни слова. «Если судить по этому ящику, — замѣтилъ про себя Анкерстремъ, — то в этой тюрьмѣ с арестантами обращаются, очевидно, по-человѣчески». Шпирауге посмотрѣлъ на свои часы: было двѣ минуты двѣнадцатаго. В тот же моментъ снаружи послышались шаги, — и в дверь безо всякихъ оковъ с раскраснѣвшимися на землистомъ лицѣ щеками вошелъ Гриша, долженствовавшій изъявить здѣсь свою послѣднюю волю. Передъ присутствующими предсталъ человѣкъ, совершенно здоровый тѣломъ, но со смертельно-больной душой. Переводчикъ объяснилъ Гришѣ, что сейчасъ должно было произойти. Гриша кивнулъ головой, остановился у стола, испытующе поглядывая на незнакомаго господина: продолговатый и благородный овалъ лица и шапка изъ дорогого чернаго мѣха показались ему внушительными. «Пакетъ с его вещами будетъ вскрытъ в его присутствіи», — многозначительно произнесъ Шпирауге. Гриша снова увидѣлъ свои часы, компасъ, ножъ, нѣсколько алюминіевыхъ колецъ, изготовленныхъ имъ самимъ, серебряную часовую цѣпочку, латунную иконку и мѣдный ярлыкъ Бьюшева, который онъ носилъ на шеѣ. Тут же были и его кошелекъ изъ свиной кожи, маленькія ножницы в отдѣльномъ футлярѣ, бритва, три деревянныхъ рѣзныхъ ложки и еще разная мелочь. Затѣмъ изъ ящика, стоявшаго в его камерѣ, было вынуто бѣлье, портянки, двѣ рубашки, двѣ пары панталонъ, трубка, кисетъ, двѣ зажигалки, тарелки изъ оцинкованной жести, ложка и вилка. Все это Гриша началъ дѣлать. Вещи, столь необходимыя прежде, оказывались теперь ненужными, и глаза Гриши безпокойно бѣгали по всему своему богатству. Онъ открылъ свой кожаный кошелекъ: тамъ было шестьдесятъ три рубля, частью валютой, и 16 нѣмецкихъ марокъ ассигнаціями. К нимъ онъ приложилъ еще двѣ золотыя монеты, которыя еще с самаго начала войны хранились у него в сапогѣ под войлочной стелькой. За время плѣна онъ ужъ сколько разъ спасалъ ихъ, сохраняя такимъ путемъ. «Эти золо-

тыя монеты, — начал он, — пойдут Марффъ Ивановъ и половина бумажных денег — тоже и серебряные часы с цѣпочкой, полученные еще от отца».

Перо писца Лангермана тихо скрипѣло по бумагѣ.

«Пусть ей скажут, — спокойно продолжал Гриша, — что я до конца моих дней думал о ней. Ее и нашу маленькую дѣвочку я благословляю. Нашу прежнюю жизнь вспоминаю добром. Если жена моя выйдет замуж, то пусть только возьмет человѣка, который бы не бил дѣвочку. А то я не буду имѣть покоя под землей и приду на помощь и буду, как прежде, стоять вечерами у печи. Фуфайку я сниму с себя потом; она тоже пойдет ей. Хозяйство пусть она ведет с толком. Домик пускай не продает и не слушает своего отца, который жаден до денег. Пусть лучше слушается моей матери. В остальном может поступать, как считает лучше и для нее и для Лизутки. Вот эти пуговицы она может подарить дѣвочкѣ и сказать, что онѣ от отца, который любит и благословляет ее. Эту вот латунную иконку дала мнѣ одна женщина: икону надо ей вернуть. Солдаты знают эту женщину — ее зовут Бабкой. Икона плохо помогла мнѣ, но этого вы ей не говорите. Против смерти нѣтъ лекарства»... На минуту Гриша остановился, но затѣм также строго продолжал: «Эти вот деньги, тридцать три рубля и эти восемь марок надо также передать Бабкѣ. У нея родится ребенок и она лежит в больницѣ. Ребенок этот. . . от меня. Вот какія дѣла... Значит эти деньги передайте ей и двѣ рубашки из моего бѣлья: они пойдут на пеленки для ея ребенка. Если у нея родится сын, я желаю, чтоб он носил мое имя. В подарок ему вот это кольцо — оно серебряное. Не перепутайте с этими двумя кольцами, — он показал их присутствующим на ладони. — Эти из алюминія. Ей я желаю всего самаго хорошаго. Пусть выкинет из головы всякія мысли о Бьюшевѣ и тому подобном. Значит, уж так положено мнѣ не вернуться домой, хотя сегодняшній день мог бы быть и другим. Да, —

вспомнил он вдруг, — вот тут портсигар: он может ей пригодиться. Я сам вырѣзал его из ясеня и дарю ей на память о нашей дружбѣ».

Вдруг Гриша оторвался взглядом от своего небогатаго имуществва. Кто-то вошел в комнату. Как ни был углублен в свои распоряженія Гриша, тѣм не менѣе он замѣтил какое-то движеніе в комнатѣ. Вошедшим был Винфрид.

Гриша улыбнулся ему. Появленіе Винфрида снимало с его души большую работу. Теперь он может, не оскорбляя никого, передать свое наслѣдство Бабкѣ через вѣрныя руки.

«Как хорошо, что пришел г-н обер-лейтенант!» — проговорил он. Он будет просить г-на обер-лейтенанта передать лично Бабкѣ вмѣстѣ с этой мелочью 33 рубля и 8 марок. Если для ребенка Бабки понадобится опекун, она сможет обратиться только к нему одному. Она умѣет различать людей. Если же она умрет от родов или их послѣдствій...

«Все идет хорошо», — перебил его Винфрид, но Гриша, в видѣ благодарности слегка наклонив голову, продолжал:

«От родов или позднѣе...», — тут он остановился. Он не знал, как поступить с ребенком. Внутреннее чувство говорило ему: пусть он лучше умрет, потому что родиться на землѣ — это уж само по себѣ есть несчастье... Нѣтъ, конечно, лучше всего было бы отдать его Тевье; он знал, что евреи ласковы с дѣтьми и во всяком случаѣ не так грубы, как крестьяне. Вдруг его осѣнила мысль, и он, смотря прямо на Винфрида, продолжал:

«Может-быть, та сестра милосердія с темными глазами и маленькими усиками, которая всегда была так ласкова со мной и тогда еще на праздникѣ танцевала с г-ном обер-лейтенантом...»

«Сестра Бэрб Озанн», — невозмутимо замѣтил Винфрид Лангерману.

«Вѣрно, — сказал Гриша. — Может-быть, она, пока находится в этом городѣ, посмотрит за маленьким и найдет для него надежнаго человѣка? Потом тут есть еще компас для моего пріятеля

Алексѣя Павловича Гранки из лагеря военноплѣнных, откуда я бѣжал. Этот компас и еще трубку он должен имѣть обо мнѣ на память. Эти рѣзные ложки — одна пойдет сестрѣ Бэрб, а другая — сестрѣ Софи и третья — г-ну обер-лейтенанту. Ефрейтор Герман Захт, который сегодня оказался больным, если хочет, может взять мой кiset. Может-быть, ему больше понадобится деревянный ящик, тогда пусть возьмет его, а кiset пойдет столяру Тевье. Так и сдѣлаем, — прибавил он, — потому что деревянный ящик столяр Тевье может сам себѣ сдѣлать, а кiset найдется у любого солдата. — Ну кажется все.»

Граф Анкерстрем, профессор финско-угрскаго языка в Упсалѣ, прочел завѣщаніе. «Эти простые люди всюду одинаковы, — подумал он. — И у нас, в Швеціи, и в Германіи, и в Россіи — всюду и вездѣ человѣческая сущность одна и та же. Если бы мы, т.-е. общество, — исправил он свою мысль, — дали бы возможность проявить скрытыя в них силы, какіе бы огромные результаты имѣли мы тогда!» Затѣм Гришѣ прочли то, что он говорил.

«Правильно», — замѣтил он.

Анкерстрем протянул Гришѣ бумагу. Тот взял ручку и поставил на ней три креста. Затѣм подписались свидѣтели, в том числѣ и Винфрид. Ощущеніе невыносимой тяжести овладѣло всѣми, когда Гришин скарб, раздѣленный на части, уносился Мусснером для Анкерстрема, а остальное было взято Шпирауге для Винфрида. Никто не знал, как закончить эту сцену. Лангерман с шумом собирал листы своих бумаг. Шпирауге откашлялся и произнес:

«Надо бы покончить еще с одним пунктом. Это относительно спасенія души. Русскій поп еще не пріѣхал, хотя кто-то послал за ним».

Гриша поднял глаза и нахмурил лоб.

Не хочет он попа.

Это принесло Шпирауге видимое облегченіе. Тогда, может-быть, полковой священник дивизионный пастор г-н Людеке сможет выбрать время?

Он, Шпирауге, сейчас же это выяснит. Рот Гриши искривился.

Нѣтъ, он очень благодарен, но не хочет присутствія г-на пастора. Не страшно, если он умрет без пастора. Если бы существовал ад, то хуже чѣм три года войны и плѣна, он едва ли мог бы быть.

Шпирауге возражал: во всяком случаѣ духовному лицу полагается присутствовать при экзекуціи. Тогда он предлагает вот что: позвать католическаго дивизионнаго патера Іокундуса.

«Крест я хочу имѣть,—отвѣтил Гриша,—раз я умираю. Я—христіанин и всякій, кто носит крест, есть такой же, как я. Этот пастор с желтой бородой один раз очень обидѣл меня, поэтому давайте другого».

Шпирауге принял это к свѣдѣнію и сунул свою записную книжку за пазуху. Затѣм он надѣл шапку и, отдав честь адъютанту и шведскому графу, вышел из комнаты. Смущенія, что ему придется простаться с плѣнным, он почти не ощущал; кромѣ того, есть еще масса времени, так что это чувство он выбросил из головы совсѣм. Писец Лангерман бросил взгляд на Гришу, на лицѣ котораго выражались испуг и изумленіе, и послѣдовал за своим начальником. Переводчик с потухшей папиросой во рту и с выраженіем безграничнаго равнодушія на своем увядшем лицѣ, кивнул Гришѣ головой, затѣм отдал честь неизвѣстно кому, чуть ли не потолку, и болтающейся походкой направился к двери. Унтер-офицер Шмилинскій стоял блѣдный, как смерть: он чувствовал, как холодный пот струится с его лица при одной мысли, что он останется с осужденным наединѣ. Да вѣдь он может теперь опять позвать команду, которая во время писанія завѣщанія бѣгала и возилась на дворѣ! Граф Анкерстрем застегнул свою шубу, медленно натянул на лѣвую руку перчатку и сказал по-русски:

«Я говорю по-русски и обѣщаю вам, что всѣ ваши желанія будут исполнены. Постараюсь, чтобы ваша жена получала ту же пенсію, как если бы вы, будучи в чинѣ унтер-офицера, пали в бою».

Гриша весь просвѣтлѣл и стал благодарить.

«Нѣтъ у меня фотографической карточки, — озабоченно сказал он. — Жена у меня так и не знает, какой я теперь с виду. Да и дѣвочка моя не задумается над тѣм, каков был ея «тятка». Ну что ж дѣлать! На войнѣ бывают вещи и похуже».

Анкерстрем стал соображать: может, быть он, в теченіе часа сумѣет достать фотографа? «Да, вѣдь когда вы шли на войну, ваша жена получила вашу карточку?» — спокойно спросил он.

«Вѣрно! — вспомнил Гриша. — Пусть лучше вспоминает меня, каким я был раньше. Но чтѣ ей показывать сейчас такого шелудливаго парня? На лицѣ всюду кости торчат. Похвастаться нечѣм».

Швед кивнул ему головой и дружески засмѣялся: «Это вы правильно сказали, камрад! Значит, так Богом положено», — и протянул ему через стол свою узкую, крѣпкую руку. Гриша ощутил в этом пожатіи сочувствіе, и оно согрѣло его сердце, как хорошая водка.

Анкерстрем повернулся к Винфриду, как бы спрашивая этим, идет ли вмѣстѣ с ним г-н адъютант.

Винфрид сдвинул со лба свой шлем и, сокрушенно посмотрѣвъ на Гришу, произнес:

«Ну, вот мы расходимся в разныя стороны, русскій! Ты и не знаешь, каких трудов ты мнѣ стоил. А пойдѣ ты вчера со мной, не задерживаясь, может-быть всѣм нам было бы лучше».

Гриша, словно желая подчеркнуть разстояніе между ним и всѣми остальными, только взглянул на графа. Тот понялъ и перевел слова Винфрида.

Гриша отвѣтил:

«Значит — не судьба. Худого конца не отвратишь». Тѣм не менѣе он благодарит г-на оберлейтенанта. Тот был всегда так добр к нему и даже дал себѣ труд быть с ним, Гришей, до конца. Теперь они спокойно могут и разойтись.

«Да, Гриша, должны, — промолвил Винфрид. — Пойти с тобой на твою послѣднюю прогулку — я не пойду, но и забыть тебя не забуду, старый упрямый малый!»

Затѣмъ его молодость и непосредственное чувство взяли верхъ надъ неловкостью, которую онъ чувствовалъ, какъ военный. И вотъ въ присутствіи шведскаго титулованнаго ученаго, къ тому же офицера, прусскій обер-лейтенантъ протянулъ русскому солдату руку и крѣпко пожалъ ее; затѣмъ приложилъ руку къ плечу, повернулся на каблукахъ и вышелъ, даже не предложивъ сперва пройти Анкерстрему.

Гриша долго смотрѣлъ имъ вслѣдъ. Вдругъ онъ почувствовалъ, какъ колѣни его ослабѣли, онъ упалъ на лавку и съ возрастающимъ ужасомъ три раза проговорилъ:

«Ну вотъ — один... один... один».

* * *

Какъ иногда бываетъ со случайными словами и жестами, это рукопожатіе съ приговореннымъ къ смертной казни плѣннымъ русскимъ имѣло для Винфрида крупныя послѣдствія. Унтер-офицеръ Шмилинскій съ остекленѣвшими глазами наблюдалъ этотъ неслыханный случай. Было вполне естественнымъ, что онъ рассказалъ объ этомъ фактѣ всѣмъ остальнымъ. Къ его словамъ солдаты отнеслись критически: однако въ душѣ они думали совсѣмъ другое. И вотъ настали дни, когда верховное командованіе вынуждено было выпустить изъ рукъ бразды правленія надъ войскомъ, и масса офицеровъ столкнулась съ весьма неприятными инцидентами изъ-за своихъ погон и темляковъ. Слова же, сказанныя въ совѣтѣ солдатскихъ депутатовъ, что «этотъ тотъ самый адъютантъ, который когда-то пожалъ руку русскому» — эти слова окружили Винфрида такъ бы защитительной аурой. Аура эта была такъ сильна, что внушала къ нему надлежащую почтительность даже со стороны самыхъ дерзкихъ рекрутовъ изъ учебныхъ лагерей. Впрочемъ, это составляетъ тему позднѣйшей и самостоятельной повѣсти.

Г л а в а 18.

ЛАУРЕНЦЪ ПОНТЪ.

Трое людей различнаго возраста стоятъ у входа въ паркъ Тамшинскаго.

«Я не пойду, — говорит Познанскій, шагая взад и вперед и неистово жуя своими выпяченными губами сигару. — Я слишком труслив. Зрѣлище разстрѣла нашего русскаго не входит в мою программу».

Фельдфебель Понт со смѣхом возражает: «Думаю, что оно не входит ни в чью программу, г-н адвокат». Понт с наслажденіем вдыхает свѣжій, пронизанный солнцем воздух, будучи доволен уже тѣм, что вырвался из канцеляріи.

«Значит, тогда не пойдет никто», — рѣшительно резюмирует положеніе Бертин.

Рядовой солдат Бертин говорит со своим начальником тон в тон. Правда, такой разговор не был бы удивителен между Бертином и Познанским-адвокатом, но, когда оба одѣты в военную форму, это явленіе имѣет свою комическую сторону. Тѣм не менѣе, фельдфебелю Понту это страшно нравится.

Обер-лейтенант Винфрид со своей стороны указал, что престиж дивизіи запрещает посылать в качествѣ свидѣтеля этого печальнаго акта офицера, с другой стороны, дальнѣйшій ход дѣла в этом спорном казусѣ требует дать свидѣтеля разстрѣла. Вопрос, кто именно будет свидѣтелем, он весьма любезно предоставил на усмотрѣніе члена военного суда. Сам же он вмѣстѣ с сестрой Бэрб отправится прокатиться на велосипедѣ. Или может-быть, он пройдетя один по окрестностям, по сверкающему на солнце снѣгу, а то просто насладится видом мервинских улиц. Возможно также, что он зайдет в городскую больницу, чтобы там (необыкновенный случай!) справиться, как прошло разрѣшеніе от бремени у одной русской крестьянки.

Снѣг в этот день был зернистым от бывшаго ночью мороза и солнечных лучей, пригрѣвавших его теперь. Бертин нагнулся, вылѣпил из снѣга ком и стал цѣлиться им в укрѣпленный на рѣшоткѣ ворот герб Тамшинскаго; затѣм швырнул его и упорно повторил своему начальнику:

«Я не пойду. Нѣтъ! Мои нервы не приспособлены к созерцанію таких покушеній на убійство со смер-

тельным исходом. Наконец я только рядовой и этим преимуществом желаю воспользоваться. Выхода для вас нѣтъ, г-н Познанскій».

Фельдфебель Понт, щурясь от дыма своей трубки, переводит свой взгляд с одного на другого. Познанскій положил руку на плечо Бертина; выраженіе его лица умоляющее, но слова звучат несколько оригинально, даже юмористически:

«Бертин», — говорит он. «Вы — писатель. Для вас и для всей вашей послѣдующей жизни сегодняшній день может сыграть большую роль. Пойдите, друг мой, и посмотрите, куда приводит неповинных людей человеческое правосудіе! Вѣдь вы никогда не видѣли смертной казни? Ну вот! Вам понадобится, по крайней мѣрѣ, пятьдесят лѣтъ жизни, чтобы переработать это впечатлѣніе. Я лично больше не в силах. Этих уроков нагляднаго обученія я имѣл цѣлыхъ восемь, даже девять, насколько я вспоминаю. Я прошу вас — и как человѣкъ и как ваш товарищ. Что даст вам сегодняшнее зрѣлище? Прежде всего оно прибавит лишнее красочное пятно к вашей картинѣ міра. Вы — литератор. Ваши впечатлѣнія претворяются в слова, в образы и т. д. А я? Что вообще остается мнѣ дѣлать, если право и закон на моихъ глазах расходятся друг с другом и расписываются в своемъ безсиліи? Я — попросту упразднен. Будь я просто логической машиной, а не человѣкомъ с плотью и кровью, мнѣ оставалось бы только взять пистолет или веревку и освободить мою духовную сущность от брэннаго тѣла. Поэтому я и прошу вас — замѣните меня сегодня».

Однако Бертин, сжавъ губы, только отрицательно трясетъ головой. Расширенный взглядъ его черныхъ глазъ останавливается на снѣгѣ: ему кажется, что онъ уже видитъ русскаго мертвымъ. Кровь льется изъ ран, красныя волны заливаютъ бѣлизну снѣга; тѣло мертваго скорчилось, а в воздухѣ послѣ залпа слышится запахъ пороха. Нѣтъ! Не нуженъ ему этотъ опытъ, о которомъ такъ настойчиво хлопочетъ его спутникъ. В своемъ воображеніи онъ выстрадаетъ это лучше, чѣмъ наяву. Вотъ тутъ же у воротъ парка Там-

шинскаго он может представить себѣ и предсмертныя муки, и исчезающее сознаніе и заглушенный крикъ осужденнаго. Если все это он выскажет сейчас Познанскому, то тот, конечно, достаточно разсудителен, чтобы понять его. Бертин жалѣет только, что блѣдность его лица выдает в нем непосредственный страх. Однако высказать свои мысли ему так и не удалось: всѣ они потонули в невыразимой для слов области души и ждали там своего творческаго воплощенія. Настанет день — и он напишет драму. Он назовет ее «Незамѣченный тревожный сигнал». Он ясно чувствует, что сдѣлает это. В этой драмѣ он опишет судьбу рядового русскаго, как кризис эпохи. Правда это произведеніе скрыто в нем пока, как сѣмя на вспаханном полѣ, оно еще в зародышѣ, но оно неизбѣжно разовьется с начала до конца.

Лауренц Понт продолжает смотрѣть то на одного, то на другого. Он мог бы подойти, встать между ними и положить свои тяжелыя руки сына каменщика на их плечи. Однако из окон их могут видѣть, и штаб-офицер с писцом попали бы в нелѣпное положеніе. Понт выколачивает свою трубку и с таким треском и таким звоном захлопывает ея металлическую крышку, что оба спорщика слегка вздрагивают.

«Господа, — с улыбкой говорит он, — так как оба Буридановых осла не могут придти к выводу, то на положеніи стога сѣна оказываюсь я. Если же стог не в состояніи идти, то он может ѣхать. Удовлетворены таким замѣстительством?»

Двѣ пары глаз облегченно и с благодарностью останавливаются на сѣрых строгих глазах архитектора Понта.

Познанскій кладет свою руку на его плечо и произносит: «С глубокой благодарностью всегда готовый к услугам Познанскій». Бертин же выражает радость своего освобожденія болѣе бурно. Однако, чтобы наказать себя за свою трусость, он рѣшает про себя встрѣтить процессію по пути. Он увидит ее (по крайней мѣрѣ издали) там, гдѣ дорога, идущая вокруг Мервинска, пересѣкает торговую улицу.

Понт дружески отклоняет благодарность. Теперь только нужно немедленно распорядиться, чтобы как слѣдует вычистили его гнѣдого жеребца Зейдлица. Надо, чтобы дивизионный штаб фон-Лихова хотя и проигравшій партію был тѣм не менѣе представлен подобающим образом.

Затѣм собесѣдники разошлись в разные стороны: Познанскій — направо, Бертин — налево. Тут Понт с удивленіем замѣтил, что Познанскій едва плелся.

Г л а в а 19.

ЧЕРНЫЙ ЗВѢРЬ.

В углу — в темном углу за спиной Гриши — притаился страх перед смертью, черный звѣрь притаился и ждет. Скоро, скоро он вцѣпится в затылок Гриши. Гриша сидит у стола и ѣст: ѣст он бифштекс с жареным картофелем, потом компот. На столѣ полбутылки краснаго вина. Фельдфебель Шпирауге прислал ему три сигары. Двѣ из них Гриша подарил: одну Шмилинскому, другую ефрейтору Захту, когда он снова захочет послѣ болѣзни курить. Третью сигару Гриша держит сейчас во рту. Сперва он обрѣжет ее, потом закурит, но каждую минуту он готов к тому, что черный звѣрь, страх смерти, бросится на него сзади из своего угла. Надо держать его на разстояніи. В концѣ концов на смерть идет солдат, чорт возьми, русскій унтер-офицер и георгіевскій кавалер Григорій Ильич Папроткин! Он идет один посреди вражескаго войска, сопровождаемый взглядами толпы, хоть и не имѣющій права пригласить ее на свой спектакль. Несмотря на вкусную ѣду ощущеніе горечи не уходит из его рта. Сигара — превосходна и курится она прекрасно, но все время приходится курить ее, стиснув челюсти, чтобы сердце билось не слишком сильно. Камера открыта. Сидѣть одному придется еще довольно долго; скоро он ляжет

поспать, если это только можно назвать сном. Нужно смотреть, слушать, дышать. Пальцы рук, лежащих на столѣ или засунутых в карманы, безпрерывно выбивают дробь; они чувствуют грубую подкладку кармана и неровную поверхность сосновых досок стола. Глаза?—глаза его видят золотистый день за окном. А вон там на потолкѣ — паутина; в комнатѣ, несмотря на начало зимы, есть даже мухи; нѣкоторые из них жужжат и медленно ползают, как наѣвшіяся вороны, на подоконникѣ. «Да, вѣдь на мнѣ фуфайка, — вспоминает Гриша. — Она не должна быть испорчена». Он стаскивает фуфайку через голову. Не снимая ее с головы он уже надѣвает мундир — ему холодно. Гриша застегивает мундир на всѣ пуговицы. Головѣ жарко в импровизированной шапкѣ, и Гриша снимает ее. Все-таки ему не сидится на мѣстѣ. От табуретки под окошком до двери камеры ровно семь шагов. Он дѣлает эти семь шагов и все-таки ему холодно. Гриша надѣвает на себя шинель, теплую русскую шинель. Затѣм он чувствует потребность освободить кишечник и идет к дежурному, чтобы тот послал вмѣстѣ с ним кого-нибудь из солдат. Шаги в сводчатом помѣщеніи так пріятно отдаются по каменным плитам. Снѣг на дворѣ как-то особенно хорошо хрустит под ногами; небо — синее, синее, а свѣжее дыханіе воздуха проникает в ноздри и касается висков. «Все — даже так вот сидѣть на стульчакѣ и облегчаться — все хорошо, что выпадает на долю живым людям», думает он, стискивая зубы и вытирая со лба пот, который льет, несмотря на зимнее время. «Ничего, долго это не продлится!» Сопровождаемый вооруженным винтовкой солдатом, Гриша идет обратно; он чувствует себя лучше. Теперь надо вымыться; он хочет быть очень чистым. Мыло, похожее на мягкій коричневый камень, больше мажется, чѣм мылится. «Все-таки будет чисто!» угѣшает он себя. Затѣм он хочет побриться. Ротный парикмахер Эрвин Шарскій, вернется к себѣ через три минуты: сейчас он в баракѣ 1-го взвода. Вскорѣ Гриша уже сидит с заткнутым за воротник полотенцем, намыленный мылом и с за-

крытыми глазами — ему дремлется. В то время как он бредет, его никто не может тронуть. Пока это длится он может быть совершенно спокоен за свою жизнь. Ему хочется спать, но нельзя — надо бриться. Он слышит, как парикмахер, натачивая на ремнѣ бритву, что-то ему рассказывает.

Свой георгиевскій крест я нацѣплю на себя, думает тѣм временем Гриша. Я выну его из кармана мундира и прицѣплю к шинели.

Парикмахер рассказывает что-то о больших крысах, которых он видѣл в Шампани. Они были величиной с бѣлку, чуть ли не с кошку. Их травили; сорок одну штуку нашли однажды в одной из читален, всѣ онѣ валялись на спинках с прижатыми к животу передними лапами. Вдруг рассказчик останавливается. Ему самому неприятно, что крысы лежат так. Его даже стало подташнивать. В семидесятый, а то и в семьдесят седьмой раз рассказывает он эту исторію, и в первый раз с таким миролюбивым для крыс концом. Ничего! Пусть на этот раз крысы почувяли яд и величественно оставили его лежать на мѣстѣ. Гриша смѣется; бритье возобновляется. Вот кожа на его лицѣ уже совершенно гладкая, а волосы ему причешуг на пробор, по-военному. Денег цирюльник с него не берет: кончив дѣло, он снова превращается в солдата, жмет своему кліенту руку и исчезает. Когда Гриша идет через двор, снаружи за воротами он слышит чужой рѣзкій голос:

«Отдѣленіе, стоп! Оружіе к ногѣ! Вольно!»

Что-то схватывает Гришу за сердце, и он рысью бѣжит в караульную. Один из писцов дѣлает унтер-офицеру Шмилинскому донесеніе; тот стоит возбужденный, блѣдный, как мѣл, губы его дрожат. Затѣм Шмилинскій идет в камеру Гриши.

Гриша прилег было на свои нары, но сейчас же вскочил снова: лежать он не мог.

«Камрад!» обратился к нему Шмилинскій. «Итти придется очень далеко. Будь другом, держись спокойно!»

Гриша чувствует внутри себя толчок; сердце начинает щемить. Блѣднѣет и он; нѣкоторое время оба смотрят друг на друга. Затѣм Гриша проводит рукой по поясицѣ: он не хочет итти без пояса, не по-солдатски; механически он берет свой широкий черный ремень, надѣвает на себя. Он дѣлает у шинели на спинѣ обычную складку, надѣвает фуражку и отдает честь унтер-офицеру.

«Время — так время, — нѣсколько заикаясь, произносит он. — Спасибо и тебѣ, камрад!»

Дежурный унтер-офицер сморкается и трясушимися руками прикладывает платок к глазам.

В наступившей тишинѣ чувствуется страшная напряженность. Караул выстроился снаружи во фронт. У порога выходной двери Гриша на секунду оборачивается. Он видит длинный стол у окна; табуретки с застывшими на них и смотрящими ему вслѣд, игравшими и бросившими свои карты солдатами. Кое-кто занимался шитьем и стиркой бѣлья, но всѣ они также оставили свои занятія. На стѣнѣ попрежнему правильными рядами соломенные корзинки и походные ранцы. «Все в порядкѣ», думает Гриша. «Ну, отдѣленіе, марш вперед», обращается он к самому себѣ. «Счастливо оставаться, товарищи», кричит он.

Нѣмцы не произносят в отвѣт ни звука; только один из них, помоложе, блѣдный, с расширенными глазами хриплым голосом отвѣчает:

«Прощай, товарищ!» Другой, лежавшій поблизости от него на постели судорожно бормочет что-то несвязное.

«Вперед! Вперед!» раздается крик со двора.

У Гриши слегка кружится голова; он стискивает зубы, и вмѣстѣ с дежурным унтер-офицером и двумя рядовыми ландвера марширует мимо часоваго к воротам. За воротами на лошадях сидят двое: Шпирауге на смирной сытой кобылѣ и Берглехнер, кокетливо возсѣдающій, как офицер, на гнѣдом меринѣ. Тут же стоят готовые к походу четыре шеренги солдат по четыре человекѣ в каждой; всѣ в одинаковых зеленых шинелях, в

металлических шлемах на головах и с карабинами за плечами. Это — стрѣлки пулеметной роты.

«Эй, малый-то не закован!» кричит Берглехнер своему товарищу из комендантской канцеляріи.

Шпирауге пожимает плечами: это, собственно, и не нужно. Однако Берглехнер настаивает на соблюдениі правил. Гриша, не произнося ни слова, закладывает руки за спину и дает Шмилинскому перевязать их ремнем.

«А так даже лучше,— думает он. — Когда руки лежат за спиной, грудь больше выдается вперед». Затѣм он строго и сурово устремляет свой взгляд на всадника, который по тону и манерѣ держаться так непохож на всѣх знакомых Гришѣ нѣмцев. Затѣм Гриша испытующе взглядывается в молодых стрѣлков. «Хладнокровные молодцы!» рѣшает он про себя. Двѣ шеренги впереди, двѣ—сзади, он посрединѣ — в таком видѣ устанавливается шествіе. Оба фельдфебеля на лошадях трогаются с мѣста; Берглехнер ѣдет во главѣ отряда, Шпирауге же намѣрен ѣхать сзади. Однако Берглехнер протестует: он хочет разговаривать и чувствовать себя в обществѣ, так что старой апатичной Лизѣ вмѣстѣ с ея всадником приходится также шествовать впереди отряда. Берглехнер уже бывший с рапортом у ротмистра, принимает команду: «Отдѣленіе шагом марш!». Разбрызгивая по сторонам оттаявшую на улицѣ воду, отряд мѣрными шагами движется вперед.

Гриша смотрит прямо перед собой на мѣрно колеблющійся ряд сѣрых шлемов. Мѣсто, гдѣ в Мервинскѣ отправляют людей на тот свѣтъ, извѣстно. Оно находится к востоку от города, по дорогѣ к укрѣпленію, носившему названіе «Куриный глаз Лихов»; там в одном из холмов есть впадина, представляющая собой достаточно большую площадку для строя и окаймленная с одной стороны почти отвѣсной стѣнной холма, куда и попадают всѣ пропедшія навывлет пули. У дома Вересьева все время дежурит в домѣ кучер, чтобы злополучный батюшка (в том случаѣ, если он пріѣдет) мог догнать процессію хотя бы по дорогѣ. Вон должно-

быть ѣдет священник, предполагает Шпирауге. В действительности всадник оказывается фельдфебелем Понтом. Одѣтый в артиллерійскую форму со знаками отличія, в шлемѣ и перчатках, он медленно приближается и отдает честь. Три одѣтых в перчатки руки также прикладываются в отвѣтъ к козырькам шлемов. Вода из-под сапог идущих солдат и летит в прогуливающихся по тротуару обывателей, которые вышли на улицу подышать свѣжим воздухом. Оба фельдфебеля, Шпирауге и Берг-лехнер, чувствуют себя настоящими офицерами: они ѣдут, устремив взгляд между ушами лошадей и не замѣчая никого. Вдоль всей Складочной улицы слышится шопот и шшуканье. Женщины крестятся и всѣ встрѣчные испуганно приковываются взглядом к фигурѣ русскаго со связанными руками, и георгиевским крестом на груди. До сих пор об русском унтерѣ мало кто слышал, но вышло так, что простая улица, гдѣ были размѣщены склады, особенно посодѣйствовала его славы и популярности. Еще до вечера во всѣх семьях и еврейских, и католических, и православных инцидент с русским будет обсуждаться во всѣх мельчайших деталях. Газет в этом мѣстечкѣ почти не знают, но тѣм ревностнѣе передаются новости из уст в уста.

Гриша идет, посматривая по сторонам. К его удивленію, страха он больше не ощущает. Он просто смотрит сейчас на находящіеся вокруг него предметы. Вот справа и слѣва уже потянулись оснѣженные, отливающія голубовато-золотистыми тонами поля. Может-быть, то что сейчас происходит — безуміе; но это безуміе совершается как нѣчто само собой разумѣющееся и понятное и кромѣ Гриши никто его даже не замѣчает. Единственное, что он поддерживает, это туго стянутый ремень на поясѣ. Он олицетворяет собой всю жалкую ложь гордости, чести и храброй смерти перед чужими людьми. Тѣм не менѣе Гришѣ приходится все время проглатывать горькую слюну, а гдѣ-то глубоко под сердцем притаилась тяжесть, которая вмѣстѣ с напряженными до предѣла мускулами давит на его ребра.

Солдаты идут не то серьезные, не то безразличные, вполголоса разговаривая между собой. Они идут на разстрѣлъ шпиона—так по крайней мѣрѣ им сказали.

Вдруг отряд сворачивает с дороги. Гриша, как подстегнутое бичом животное безпомощно озирается то вправо, то влево; его дыханіе становится затрудненным. Этот поворот говорит, что неизбежный конец приблизился. Откос холма достигнут; там за вторым поворотом, среди кустов бузины, стоит сѣрая телѣга, запряженная двумя бѣлыми одами. Рядом с ними возчик в военной формѣ, а у самого входа в лощину виднѣется фигура еще одного человѣка: он в сѣро-фіолетовой шинели, с фуражкой набекрень, на шеѣ большой серебряный крест. Это—дорожный и краснощекій служитель Бога, который, ожидая, уже начал терять терпѣніе.

Дальше, событія начинают развиваться неприятно ускоренным темпом. Увидѣвъ перед собой покрытую пятнами снѣга стѣну холма, ходившаго взад и вперед врача и узкій длинный ящик, прикрытый двумя полотнищами, Гриша впервые понял всю серьезность происходящаго. Ему до сих пор казалось, что все это шутка, хотя в глубинѣ души он и знал, что это не так. Хорошо еще, что всѣ послѣднія жуткія приготовленія дѣлались очень быстро. Гришѣ хотѣлось освободиться от ремней, с его уст почти что срывался крик, но внутренняя сила сдѣлала свое: вмѣсто усилій сорвать с себя ремни, он стал тереть руки одну об другую, чтобы согрѣть их, а крик превратился в судорожную зѣвоту. Только свѣтло-голубые глаза на осунувшемся лицѣ с отчаяніем блуждали вокруг. К счастью, Берглекнер распорядился очень умѣло: он бывал в таких передѣлках еще в Сербіи и Галиціи, гдѣ и начал свою военную карьеру.

Один из стрѣлков стал развязывать Гришѣ руки. Гриша благодарно улыбнулся ему, и чтобы согрѣть руки, стал хлопать их одну о другую. Тѣм временем духовное лицо, став прямо перед ним, начало читать по-латыни заупокойныя молитвы. Гриша не понимает их, а между тѣм в них говорит

подлинная скорбь о бѣдной душѣ, идущей в ад. В них слезно призывается милость Бога, умершаго на крестѣ, в частности даже за этого невѣжественнаго русскаго. Этот русскій не подлежит к истинной церкви, так что милосердіе Божье подвергается здѣсь тѣм большему испытанію. Звучным голосом священник нараспѣвъ продолжает декламировать. Гришей овладѣвает нетерпѣніе: ему хочется отвернуть в сторону свою голову, но серебряный крест гипнотизирует его. Тут он чувствует, как кто-то разстегивает его шинель, снимает ее, затѣм мундир, и вот — он остается в своей жалкой, сѣрой, фланелевой рубашкѣ. Прямо перед ним высывается неровная каменистая стѣна. Дорога назад для него заперта также. Там уже стоит шеренга солдат из пяти человек, у которых предохранители винтовок уже поставлены на боевой взвод. В этих красных лицах и зеленых мундирах сама смерть, само разрушеніе. Безпомощный, растерянный, со сжавшимся сердцем, Гриша устремляет свой взгляд к кустам бузины. Он видит, как там медленно снимается с мѣста ворона и летит вдаль, по направленію к городу, в домах котораго столько живых людей. Фельдфебель Понт стискивает зубы; он вынимает носовой платок и коротко приказывает одному из стрѣлков завязать осужденному глаза. Священник продолжает бормотать молитвы. Вот руки Гриши снова завязаны — сам он уже почти без сознанія. Невѣроятная, давящая тяжесть того, что совершают над ним, без малѣйшей жалости, без остановки, мутит его мысли. «Матушка, матушка», рвется с его уст нѣмой крик. Бѣлый полотняный платок закрывает от него міръ. Отнимающій память ужас, в котором тонет сознаніе, — черный звѣрь — приготовился к прыжку, и Гриша стоит, прислушиваясь к тому страшному, что подползает ближе и ближе... Вмѣстѣ с концом молитвы слышится первая команда и ляг оружія.

Рѣзкій голос Берглехнера командует: «пли».

Залп. . .

Рѣзкій треск выстрѣлов, как безумный удар, врывается в стремительно бѣгущія в его сознанія

картины: вот освѣщенный луной двор лагеря военнопленных, бѣлая ледяная тишина лѣса, рысь, приготовившаяся к прыжку...

Солдаты замкнули предохранители у винтовок и выстроились снова. Им предстояли сегодня свободный вечер и три бутылки водки. Вещь, прикрытая полотнищем, оказалась гробом. Сперва ни у кого не выразилось желанія класть в него неостывшее еще тѣло растрѣяннаго. Унтер-офицер сгрѣлков предложил Шпирауге поставить на это дѣло караульную команду из комендатуры. Возчик же из городского обоза продолжал молча мерзнуть у своих лошадей.

«Это не наше дѣло», ворчали стрѣлки.

Инцидент был исчерпан при помощи Лауренца Понта и д-ра Любберша, который согласился помочь ему в этом меланхолически-философском предпріятіи. Фельдфебель мужественно слѣз с лошади и снял перчатки, чтобы вмѣстѣ с разодѣтым в пух и прах врачом дѣйствительно положить в гроб мертваго шпиона. Увидя это, нѣкоторые из юных стрѣлков стали подталкивать друг друга локтями; наконец, осторожно, чтобы не запачкаться в крови, они подхватили за ноги и за руки тѣло с болтавшейся в разныя стороны головой и потащили; затѣм положили в гроб, придали тѣлу болѣе спокойную позу и сложили ему на груди руки. В это время послышался звон колокольчиков и из быстро подѣхавших саней выскочил с развѣвающимися по вѣтру волосами и вздерошенной черной с просѣдью бородой, присланный Вересьевым священник. Пока полиція деревни Бизазни не получила по телефону подтвержденія, она не разрешала ему выѣхать. Теперь он поспѣшил склониться над гробом и предался ревностной молитвѣ о спасеніи души, которой угрожали вѣчныя муки благодаря церковному обряду, совершенному над ним дьявольским еретиком.

На санях, принадлежавших городскому обозу, возчик вез на кладбище длинный гроб, прикрытый двумя красновато-коричневыми попонами. Сани со священником отстали, как только шоссе подошло к городу. Гроб этого русскаго не сопровождал ни один человек. Оба гамбургца опустили гроб в вырытую утром могилу, продѣлав это ни осторожно, ни неосторожно, а просто с привычным «держи» и «пускай». Возчик, с повисшими вниз усами и плечами, стоял тут же и тупо смотрѣл в глубину могилы.

В послѣдніе четверть часа д-р Якобштадт извлек, наконец, при помощи щипцов ребенка из тѣла находившейся в безпамятствѣ Бабки. Это была дѣвочка, вѣсом всего в шесть фунтов, но вполне сформировавшаяся. На кого она была похожа, установить никто не мог; а между тѣм, своим коротеньким носиком, широкими скулами и свѣтлыми голубовато-сѣрыми глазами она походила на Гришину мать, которую в Мервинскѣ, конечно, никто не мог видѣть. Дѣвочка не кричала, не требовала пищи, а тихо лежала на подушкѣ, положенной в бѣльевою корзинку, которая в дальнѣйшем должна была служить ей постелью. Когда Бабка проснулась от наркоза, она отказалась видѣть ребенка. Когда же его все-таки принесли ей, на лицѣ Бабки отразилось слабое подобіе улыбки, и она не хотѣла уже выпускать дѣвочку из своих рук.

Д-р Якобштадт и акушерка, Нахтшварц, обмѣнялись на еврейском жаргонѣ нѣсколькими замѣчаніями.

«Но, к счастью, все прошло благополучно», произнесла акушерка, вытирая полотенцем руки. Врач только скептически покачал головой, подражывая под этим: Если только можно назвать счастьем родиться в наше время — тогда, конечно.

ОФИЦАЛЬНЫМ ПУТЕМ.

Знаменитая липовая аллея в Гогенлиховѣ при-
мыкала как раз к подъѣзду дома со скромными
колоннами его фасада. В настоящее время вдоль
аллеи шла только вереница черных и мокрых
остовов лишенных листы деревьев. Отто фон-
Лихов, засунув руки в карманы куртки, стоял у
окна и смотрѣлъ на малиново-красные тона заката.
В углах его рта появились новыя, бывшія до сих
пор незамѣтными, черточки горечи. В креслѣ за
круглым столом сидѣла за вязаніем шали Мальвина
фон-Лихова, со дня смерти своего сына Ганса
Іоахима превратившаяся в старуху. Сохранилось
в ней только прежнее выраженіе больших темно-
сѣрых, и все еще прекрасных глаз. Изрѣдка она
поглядывала на стараго человѣка, стоявшаго на
против нея у окна. За время своего отпуска Ли-
хов отдохнул, но от одной из черточек усталости
он так и не освободился. Конечно, перед посторо-
нными он ее не показывал; только когда он оста-
вался наединѣ с женой, его сторбившіяся плечи и
складки в углах рта говорили, что насмѣшливый
удар, нанесенный ему генералом новой Пруссіи,
пришелся как раз в самое больное мѣсто. В углу
комнаты стоял большой письменный стол, над ко-
торым висѣли канделябры в видѣ оленьих рогов.
Вставленные в них электрическія свѣчи не были
зажжены, но в свѣтѣ голубых сумерек на столѣ
еще виднѣлись лежавшіе на нем бѣлые листы: это
было письмо от Винфрида, гдѣ он подробно раз-
сказывал обо всем происшедшем. Г-жѣ Мальвинѣ
не приходило в голову питать ненависти к Шиффен-
цану, которую она чувствовала в ея рыцарѣ су-
пругѣ. Сорт офицеров, подобных Шиффенцану,
стоял слишком низко в глазах близкой ей касты
людей. Если даже этот штабист вознесся так вы-
соко, то это слѣдовало всецѣло отнести за счет
отвратительнаго сумасбродства настоящей войны.

Подумать только: в этой войнѣ кавалерія уже не шла впереди, а музыка и знамена окончательно исчезли гдѣ-то на заднем планѣ. Что касается пѣхоты, то она шла в атаку только когда становилось ясным, что ни один из защитников вражеской территоріи уже не имѣл охоты защищаться. Как истинная дочь драгуна, участвовавшего во всѣх схватках прусской кавалеріи от сраженій при Фербеллинѣ до Мар-ла-Тура, Мальвина отрицала эту машинную войну. В прежнія времена радовались, когда противник был вооружен возможно лучше, а теперь его крошили на разстояніи, истребляя, как на бойнѣ. «Этот род войны годен только для Шиффенцанов», презрительно произнесла она. Лихов, не оборачиваясь к ней и продолжая смотрѣть на мокрую от дождя аллею, только пожал плечами.

«Ну, чтобы не быть несправедливыми, старушка, надо признать что и Эйзенцан и Курфюрст Бранденбургскій, да и Гогенцоллерн тоже не лучше».

Золотые часы на каминѣ, которые держал между своими когтями бронзовый лев, мѣрно тикали. Вышитый искусственным жемчугом экран перед камином был отодвинут, и неровное пламя горѣвших угольков освѣщало колеблющимся свѣтом комнату.

«Сегодня праздник св. Мартина, значит к нам явятся Ринзлеры, не говоря уже о Людмиллѣ и Агнессѣ. Не скажу, чтобы я был этим слишком доволен. Конечно я буду бодр — всегда вѣдь приходится быть бодрым — но если бы я мог, то попросту отправился бы спать».

Мальвина подняла на мужа свою серебряную голову, прищурила один глаз, а другим испытующе посмотрѣла, как это дѣлал старый король Фридрих. Голова у нея уже не работала так быстро, как прежде; горе по умершем сынѣ оставило за собой слишком много провалов в ея душевной жизни. Стоило только обстоятельствам сложиться хоть сколько-нибудь неблагоприятно и ее начинали преслѣдовать картины — вот, отдаленный выстрѣлъ,

разрыв гранаты и мертвое тѣло сына... Все-таки пусть лучше гости придут сюда, к нам, подумала она. Сейчас так легко простудиться, что семидесятилѣтнему старику, да еще разстроенному чѣм-то, не слѣдует бѣгать по улицѣ. Что Отто отступил перед наглостью этого... господина (она неохотно произносила имя Шиффенцана), то это вполне в порядкѣ вещей. Теперь приходится имѣть дѣло с подобными креатурами.

«Что, Фридрици», спросила она, «все еще при военном кабинетѣ его величества. Тебѣ слѣдует написать ему».

Отто фон Лихов перестал барабанить пальцами по стеклу. В этот момент, пересѣкая липовую аллею, прошла по направленію к конюшнѣ группа работавших у Лихова пятерых плѣнных русских, с холщевыми мѣшками на головах для защиты от дождя. Лихов обязательно должен был их увидѣть, но, повинуясь какому-то подсознательному импульсу, он на секунду раньше закрыл глаза и выждал в своей памяти давно забытое имя обер-лейтенанта Фридрици. Когда-то давно Лихов ссудил проигравшагося в карты гвардейца семьюстами талеров. Развѣ написать ему, как генерал-майор Шиффенцан прямо таки недостойно и не по товарищески вел себя. Это вѣдь идея. Через того же Фридрици он может поразузнать, есть ли смысл и возможность обратиться с официальной жалобой в самую высшую инстанцію, к кайзеру. Правда, какой-то разстрѣлянный русскій был довольно необычным мотивом для того, чтобы утрудить его величество, но зацѣпиться за это можно. Вот что он сдѣлает: Фридрици он напишет чисто конфиденціальное письмо о поведеніи Шиффенцана, а Познанскому пошлет телеграмму. Пусть он составит жалобу на вмѣшательство генерал-квартирмейстера в сферу судебных полномочій дивизіи фон-Лихова. Это жалобу вмѣстѣ со всѣми документами и актами он отправит в личный его величества кабинет по военным дѣлам. Лихов закрыл синія оконныя занавѣси и осторожно повернул выключатель к трем канделябрам, висѣвшим над его

письменным столом. Затѣм, отложив в сторону письмо Винфрида, он открыл большой зеленый пресс-бювар и выбрал для своей толстой пробковой ручки широкое перо.

«А ты права», произнес он, слегка оборачиваясь к женѣ, «права, как всегда. Я посвящу Фридеричи в это дѣло. Можно курить? Правда, я знаю, что ты особенно любишь слышать запах сигар из сосѣдней комнаты за плотно закрытой дверью». Он засмѣялся. Ничего, мнѣ нетрудно переписать жалобу два раза, подумал он, чувствуя, что в первый присѣст у него мало, что получится.

Перо Лихова скрипѣло по слоновой бумагѣ, как конькобѣжец на новом льду. Написанныя го-тическим шрифтом страницы слѣдовали одна за другой. Гнѣвъ и чувство оскорбленной гордости улеглись в нем, и осталась только забота о правѣ и справедливости в странѣ его стараго кайзера Вильгельма.

«Не говорите мнѣ, милый Фридеричи, о том, что дѣло Бьюшева не стоит вниманія», писал он. «Что собственно стоит вниманія? Что важно? Важна Пруссія, важна Германія, важны Гогенцоллерны (конечно под извѣстными ограниченіями). Прекрасно. Однако и вы, и я, и каждый ротный командир знает, как бывает важен самый послѣдній рядовой при службѣ связи. Надо быть увѣренным, что он дѣйствительно передает извѣстія от которых иногда зависят вещи до крайности важныя. Как бы ни казалась мала деталь, я всегда буду считать ее показательной и достойной вниманія. Поэтому, любезный Фридеричи, я был бы вам очень признателен, если бы вы улучили момент и пощупали бы почву: как отнесся бы его величество к жалобѣ генерала от инфантеріи, фон-Лихова на безпорно весьма одареннаго г-на Шиффенцана. Это можно сдѣлать не сегодня и не завтра. С этим я вас не тороплю. Я уж слишком стар, чтобы рисковать попасть впросак с этой жалобой, но проглотить оскорбленіе, нанесенное мнѣ, старику, этим новоявленным геніем, я также не могу. Я чув-

ствую, что не найду себѣ покоя в могилѣ, да этого вы и не потребуете от своего стараго товарища». Отто ф. Лихов.

Автор письма с чувством полного удовлетворенія откинулся на своем стулѣ. На душѣ у него стало легче. Страдавшій дальновзоркостью Лихов снял пенсне, придавшее его лицу что-то профессорское, и держа между пальцами всѣ восемь написанных листков, отправился, чтобы дать их прочесть г-жѣ Мальвинѣ. Пожилая дама тотчас же почувствовала, что письмо уже произвело свое благотворное дѣйствіе, а это и было для нея всего важнѣе. Неужели еще говорить о нем?

«Да, сѣдая старушка», настаивал на своем Лихов. «На-ка, посмотри». Г-жа Мальвина попыталась защищаться: «Ах, Отто, ты же знаешь, что мнѣ трудно теперь читать. Прочти вслух».

А уютно здѣсь в этом домѣ, пронеслось вдруг в головѣ Лихова, прежде чѣм он принялся за чтеніе.

«Налей молочка в кофе», попросил он; затѣм снова надѣл пенсне и медленно стал читать вслух написанное.

* * *

«Подумать только, дожди в Спаа оказываются еще ужаснѣе, чѣм в Берлинѣ».

«Так, вѣдь, вообще, Бельгія лежит так низко над уровнем моря, что даже Бранденбургская область по сравненію с ней может быть названа чуть ли не Альпами. Послушайте, Фридериси, какой вѣтер за окном».

Оба офицера прислушались к шуму, свисту и вою бури.

Фридериси вздохнул:

«Теперь многіе опять пожелают быть на Восточном фронтѣ».

«Я предпочитаю Балканы. Как себя чувствует его величество?»

«Да! Кстати о Восточном фронтѣ Шиффенцан опять там что-то натворил. Ну, да за это он так получит по загривку, что и сам не обрадуется».

«Да что вы говорите?»

«Его величество доходит иногда прямо-таки до непечатных выражений в проявленіи своих чувств». Агташе зажег папиросу.

«Могу себѣ представить. А что там такое произошло?»

Фридеричи зѣвнул.

«Да собственно, пустяки. Если бы здѣсь не был замѣшан фон-Лихов...»

«А при чем здѣсь этот чистый старичок?»

«Альбертхен погладил того против шерстки. Там что-то относительно юрисдикціи фон-Лихова...»

«Ну и пусть бы старик спокойно забавлялся вмѣстѣ со своей дивизіей».

«И его величество думает так же. Не получив он как раз сегодня золотой фляжки с бриллиантовой монограммой, Шиффенцану пришлось бы выслушать неважные комплименты. А вещь дѣйствительно превосходная: самая фляжка в голубом шелковом футлярѣ, а пробка от нея вся усыпана бриллиантами».

Моряк в темно синей формѣ с золотым кортиком у пояса только щелкнул языком.

«Такая вещица и для нашего брата была бы не вредной. Она была бы под стиль, так сказать».

«Это еще ничего. Вот для Шиффенцана эта драгоценность, полученная его величеством, дѣйствительно оказалась словно посланной провидѣніем. Его величество был, с позволенія сказать, адски взбѣшен. Он кричал: «Довольно с меня таких случаев, как с Кавелль». Потом по адресу Шиффенцана было пущено еще два-три словца, но я их, к сожалѣнію, сейчас же забыл».

За окном продолжал неистовствовать вѣтер. Морской офицер прислушался и, видимо, остался весьма обезпокоенным, даже угнетенным.

«Скверное дѣло. В каналѣ, навѣрное, опять сегодня волненіе, а подводныя лодки как раз в пути».

Фридрици осторожно посмотрѣлъ поверх пенсне в глаза своему собесѣднику.

«Вы думаете—онѣ выполнятъ заданіе?»

Другой задумчиво покачал головой.

«Если будем имѣть их в достаточном количествѣ, тогда без сомнѣнія».

«Ну, а если будем имѣть их в недостаточном количествѣ?»

«Н-да... конечно и это вопрос. Ну, а что там случилось с Шиффенцаном?»

«Т.-е, с фон-Лиховым. Да ничего особеннаго. Просто Шиффенцан приказал разстрѣлять одного русскаго. Но вопрос не в русском, а в первенствѣ между обоими генералами».

«Ах, вѣчно эти споры о полномочіях», со вздохом сказал капитан-лейтенантъ, вставая и поправляя кортик. «Всѣ эти вѣдомства ссорятся, а его величество должен улаживать».

Фридрици с видом сожалѣнія вздохнул:

«Конечно, командовать арміей это не то, что сторожить гусей. К счастью, у его величества природное мужество и ясное чувство справедливости, унаслѣдованное от его августѣйших предков». И оба собесѣдника с чувством восхищенія, даже благоговѣйно подняли взоры на портрет Фридриха Великаго, стараго Фрица, как его называли. Это была картина в золоченой рамѣ и написанная маслом, изображавшая в утрированно прекрасном видѣ прусскаго короля: с розовыми, словно накрашенными щечками и блиставшими геніальностью глазами. Превосходно выписанный военный мундир дополнялъ грозную воинственность треуголки, сидѣвшей на завитом парикѣ властителя.

Глава 21 и послѣдняя.

ЛЕБЕДИНАЯ ПѢСНЯ.

Мервинскій вокзал, как и во многих городах восточной области, был расположен довольно курьезно. Находился он внѣ предѣлов города, не-

посредственно к нему промыкала только длинная и широкая аллея, усаженная могучими дубами. Кромѣ того, подходя к полотну, она тянулась нѣкоторое время вдоль него.

Ефрейтор, Герман Захт, уѣзжает в отпуск для выздоровленія. На головѣ у него шлем, через плечо винтовка, в правой рукѣ сундучок, в лѣвой пакет с документами. Без этих документов ѣхать в отпуск было так же мало возможно, как без ног: тут и свидетельства об отпускѣ, и о дезинфекціи и о пищевом довольствіи и проѣздное свидетельство со всевозможными печатями.

Герман Захт, обливаясь потом, поспѣшно идет вдоль деревьев аллеи. От плагбаума до вокзала надо пройти еще минуты двѣ, затѣм минуту положить на контроль, да еще нужно время, чтобы войти в переполненное и без того купе. Поѣзд тѣм временем может уйти, но в сердцѣ Захта еще дрожит надежда на то, что он поспѣет. Пропустит он этот поѣзд прямого сообщенія и он непоправимо теряет цѣлых три четверти дня из незамѣнимаго срока отпуска. Эта свинья ефрейтор из дезинфекціоннаго отдѣла, выжимал из него чаевыя и заставлял ждать подписи и печати на цѣлых одиннадцать минут дольше, чѣм слѣдовало. Давній раздор между дезинфекціонным отдѣлом и комендатурой всегда вымещался на слабѣйших. А кто может быть болѣе слаб и беззащитен, чѣм ефрейтор, срок отпуска котораго уже начался и которому во что бы то ни стало нужно попасть на поѣзд. Герману Захту представляется картина: поѣзд уже ушел с Берлинскаго вокзала, а дѣти Германа все еще ждут на перронѣ и ищут в толпѣ своего отца, который обязательно должен был пріѣхать. Его галстух насквозь промокает от пота. Он не осмѣливается потерять время, чтобы взглянуть на часы и бѣгом направляется дальше. Будучи всего за пятьдесят метров до поворота аллеи, он слышит рѣзкій свист и шипѣніе трогающагося локомотива. Поѣзд для отпускных кажется очень длинным. Локомотив дѣйствительно уже тронулся с мѣста. Генрих Захт, видимо, опоздает минуты на три. Ему

остаётся только броситься на колѣни и завѣть во весь голос. Однако в душѣ он не может примириться с этим и продолжает бѣжать. Он бѣжит, надѣясь на чудо, на Бога, в котораго сам же не вѣрит. Между вѣтвями передних деревьев показываются клубы дыма. В тот момент, как Захт достигает плагбаума, в полтора метра от него, извергая из трубы клубы дыма и пара, проходит огромный локомотив скорого поѣзда. У Захта вырывается крик отчаянія.

«Камрад!» кричит он. «Камрад! Берлинец!» и почти не помня себя, машет отпусным свидѣтельством.

Кочегар толкает рукой машиниста, который стоит на своей площадкѣ готовый пустить полный пар. Мимо Германа проходят первые вагоны: трое офицеров, тѣснясь у окна, наблюдают за трагической фигурой, стоящей со своими вытаращенными глазами и разинутым ртом. Из слѣдующаго купе кто-то насмѣшливо кивает Герману головой. Затѣм проходит первый вагон 2-го и 3-го класса; за ними приближаются вагоны третьяго и четвертаго класса, предназначенные для рядовых. Конечно! проносится в головѣ Захта. Понапрасну он бѣжал, понапрасну схватит теперь плеврит или воспаление легких. Его рубашка от пота прилипает к тѣлу, а теперь вѣдь конец ноября и 8 градусов мороза! Кочегар, толкнув машиниста локтем в спину, произносит:

«Вот еще один товарищ, который хотѣл бы...»

В этом мѣстѣ желѣзнодорожнаго полотна инструкция запрещает машинистам давать полный ход машинѣ. Герман Захт знает это так же, как и другіе. Однако, при той скорости, с какой движутся вагоны сейчас, даже не имѣя ничего в руках, немудрено вскочить на подножку: они покрыты иреем, скользят... Даже привычному человѣку... ну, конечно, будь на мѣстѣ его, Захта, какой-нибудь офицер, тогда может быть и можно было бы заставить машиниста, вопреки всѣм инструкціям, затормозить и остановить поѣзд. Но он только простой солдат, значит откуда-то из подонков!

Желѣзный рѣжущій скрежет колес вдруг достигает его слуха. Что это? Поѣзд не ускоряет своего движенія, напротив, — он замедляет его! В окнах офицерскаго купэ показываются изумленные лица, а из паровозной будки высовывается чья-то фигура и кричит Герману:

«Влѣзай уж там, ротозѣй!»

Герман Захт мгновенно сообразил, в чем дѣло, тѣм болѣе, что поѣзд со своей стороны почти остановился. Он подлѣзает под плагбаум и затѣм бѣжит со своими пакетами к ближайшему вагону. Окно одного из купэ опускается и оттуда выглядывают заинтересовавшіяся причиной остановки поѣзда головы в солдатских шапках. Они соображают быстрѣе, чѣм Герман. Дверь купэ раскрывается. К Герману протягиваются руки и схватывают его вещи: кто-то хватает его за руку, правой он цѣпляется сам. Момент — и он в поѣздѣ. Дверь купэ захлопывается, колеса локомотива и вагонов с прежним стуком неистово устремляются на Запад. Нѣсколько офицеров, сидѣвших на мягких диванах, переглянулись. Ну, это уж!.. Что именно «это» они прекрасно знают, но не высказывают вслух.

«Начнем!» произносит молодой лейтенант из саперов. Предстоит многочасовая игра в карты и он раскладывает их на кожаном чемоданѣ; чемодан, поставленный между ногами, прекрасно замѣняет в вагонах стол для игры в скат.

«Они совсѣм рехнулись», проговорил пожилой тучный офицер из запаса; по профессіи он был коммивояжером, но настроен в высшей степени по-офицерски. «Я еще заявлю об этом. А тому парню на паровозѣ два-три мѣсяца службы в окопах пойдут на пользу. Он должен имѣть в своей башкѣ только расписание и отправлять к чорту все, что случается внѣ его поѣзда».

Молодой лейтенант пѣхотнаго полка в мѣховой курткѣ стал шутя подсмѣиваться над ним.

«Тогда идите сами на мѣсто машиниста! Думаю, что тѣ, кто называются теперь машинистами, необходимѣе, чѣм сам Шиффанцан».

Коммивояжер вынужден был согласиться. «Да, этот сброд начинает давать себя чувствовать», произносит он, «всѣ эти рабочіе, стоящіе при машинах в качествѣ специалистов». «Эти люди стоят у рычага, движущаго всей войной, но не подозревают этого — подумал врач, ѣхавшій в этом купѣ в качествѣ четвертаго пассажира. А вот как только они это поймут...»

Переполненный отпускными поѣзд идет полным ходом. Мимо окон проносятся черные стволы деревьев и кучи засыпаннаго снѣгом, запятнаннаго маслом и сажей щебня...

«А что пріятель? Вѣдь это же смѣшно, — надо же было помочь», сплевывая обращается машинист к кочегару. Оба черные, измазанная в сажѣ и машинном масле фигуры яростно и весело смотрят друг на друга. «Потеря тепловой энергии обойдется государству в 70 марок и в 2 минуты опозданія. Но вѣдь оно с каждой гранатой пускает по вѣтру сотни марок. — Займись. Ну-ка высчитай расход, пріятель».

А поѣзд с ритмическими стонами, выбиваясь из сил, продолжает ползти, как извивающаяся змѣя, по лицу земли, устремляясь на запад.

К о н е ц .

